

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая страница командира	
<i>Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов.</i> Аттестация осужденных военнослужащих: коррупционные риски и правовые способы их преодоления	2
<i>И.Г. Савин.</i> Правовое регулирование деятельности командира воинской части по порядку применения дисциплинарных взысканий к военнослужащим и работникам	6
<i>В.М. Шеншин.</i> О некоторых особенностях проведения административных расследований в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере проведения расследования по факту причинения ущерба)	12
Социальная защита военнослужащих	
<i>Д.Ю. Мананников.</i> О проблеме «правового неравенства» в сфере социальной защиты военных пенсионеров, проходивших военную службу в странах Содружества Независимых Государств	15
<i>Е.Г. Воробьев.</i> Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год о состоянии защиты социально-экономических прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы	23
Правоохранительная деятельность в военных организациях	
<i>В.В. Меркурьев, Д.А. Соколов.</i> Участие прокуратуры и войск национальной гвардии в обеспечении права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений	30
<i>С.В. Борисов.</i> К вопросу о профилактике и предупреждении проявлений экстремизма среди военнослужащих	37
Дела судебные	
Судебная практика Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации (окончание)	43
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017)	62
Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 208-КГ17-12	66
Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 78-КГ17-42	70
Рыночная экономика и воинская часть	
<i>Е.А. Свинных.</i> О новом основании закупок услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства у единственного исполнителя (комментарий к Федеральному закону от 7 июня 2017 года № 106-ФЗ)	74
Военно-уголовное право и процесс	
<i>Я.Н. Ермолович.</i> Ответственность военнослужащего за утрату имущества (комментарий к приговору Московского окружного военного суда по обвинению рядового Х. в совершении преступления, предусмотренного статьей 348 УК РФ)	78
<i>И.Г. Сазонова.</i> О производстве командиром воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации следственных действий	85
Труд гражданского персонала	
<i>Д.Е. Зайков.</i> Ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск научных работников: проблемы правоприменительной практики	90
Точка зрения	
<i>К.В. Харabet.</i> Современное состояние и некоторые проблемы военной криминологии	97
<i>А.В. Андреев.</i> Некоторые вопросы правового регулирования кадетского образования	107
<i>О.А. Овчаров.</i> К проблеме систематизации военно-церковных норм и правового регулирования деятельности военного духовенства (вопросы совершенствования правовой работы)	113
<i>С.В. Иванеев.</i> Вектор права как фактор формирования компетентности военнослужащих-мусульман	120
Сведения об авторах и рецензентах, аннотации и библиографические списки	124

Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
№ 8 (241) август 2017 г.
Издается с июля 1997 г.

Главный редактор
А.В. Кудашкин

Заместитель главного редактора
В.К. Белов

Редакционная коллегия:
В.К. Белов, Я.Н. Ермолович,
В.М. Корякин, И.В. Крейс,
С.В. Терешкович,
Ю.Н. Туганов, А.И. Тюрин,
С.Н. Шаралов

Консультант и
ответственный редактор номера
С.В. Терешкович

Выпускающий редактор
О.А. Тюрина
Компьютерная верстка
А.Б. Зилькараев

Издание зарегистрировано
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-1576 от 30 января 2000 г.
Перерегистрирован 27.07.2016
(свидетельство о регистрации
ПИ № 77-66682)
Сетевая версия
(свидетельство о регистрации
ЭЛ № ФС77-66043 от 10.06.2016)

Учредитель и издатель:
Коллектив редакции;
ООО «Центр правовых коммуникаций»

Адрес редакции и издателя:
105118, г. Москва,
пр-кт Буденного, д. 14, каб. 208
тел.: +7(916) 690-06-87

Адрес в Интернете:
<http://www.voennpravo.ru>
<http://www.voennopravo.com>
E-mail: pvsvo@mail.ru

Подписной индекс по каталогу
«Роспечать» - 72527

Отпечатано в ООО «Красногорская
типография»
Подписано в печать 20.07.2017
Заказ №
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 1200 экз.

Выходит ежемесячно.
Распространяется только
по подписке, цена свободная

© Редакция журнала «Право
в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»
© ООО «Центр правовых
коммуникаций»

Материалы, опубликованные в
журнале, могут быть использованы в
других изданиях только с разрешения
редакции. Редакция консультаций по
телефону не дает, переписку
с читателями не ведет.

Редакция не ограничивает авторов
в возможности высказывания
на страницах журнала своего мнения,
которое может не совпадать
с точкой зрения редакции.

АТТЕСТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

*Ю.Н. Туганов, заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, профессор Российской таможенной академии,
главный научный сотрудник РГУП;*

*В.К. Аулов, доцент кафедры Байкальского государственного университета экономики
и права, кандидат юридических наук*

Центральным элементом процесса формирования и развития демократических институтов в Вооруженных Силах Российской Федерации выступает законодательство, регулирующее прохождение военной службы. Представляя собой упорядоченную целостность, эта система норм, как и любая динамическая система, находится в постоянном развитии. Поэтому адекватное современным вызовам обоснование изменений законодательства о воинской обязанности и военной службе в части рассмотрения аттестационной комиссией обоснованности досрочного увольнения военнослужащего с военной службы фактическими обстоятельствами, подтверждающими невозможность продолжения с ним военно-служебных отношений, имеет высокое научное и практическое значение.

Особую важность сказанное выше приобретает для нормативного массива, регулирующего аттестацию военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и осужденных (далее также – осужденные военнослужащие) к наказанию, не связанному с лишением свободы, лишением воинского звания или лишением права за-

нимать воинские должности в течение определенного срока.

Во-первых, обеспечение высокой боеготовности воинской части и подразделения подразумевает продуктивное использование «человеческого капитала» всех военнослужащих, в том числе и совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности (об этом свидетельствует сам по себе факт назначения судом наказания, не связанного с лишением свободы, лишением воинского звания или лишением права занимать воинские должности в течение определенного срока), но обладающих знаниями, боевым опытом и профессиональной компетенцией.

Во-вторых, не следует сбрасывать со счетов и доводы экономического характера: подготовка квалифицированного военного специалиста требует значительного расходования государственных средств. По данным Р.К. Мугинова, на военное образование расходуются порядка 12 – 15 % средств, выделяемых на национальную оборону¹. Учебный процесс одного курсанта далеко не самого затратного военно-гуманитарного профиля Военного университета в 2012

¹ Мугинов Р.К. Совершенствование системы подготовки офицерских кадров как фактор обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Рос. военно-правовой сб. 2004. № 1. С. 35.

² Баранец В. Военное образование: каким ему быть? // Военно-промышленный курьер. 2012. 6 июня.

г. обходился Российской Федерации не менее чем в 30 000 долл.²

В-третьих, пробельность и неконкретность организационно-правового механизма аттестации осужденных военнослужащих, неоднозначная по своему вектору практика по их дальнейшему использованию в войсках противоречат принципу единообразного регулирования однородных по своей правовой природе правоотношений и могут породить коррупционные риски.

Юридическая наука уделяла внимание изучению указанной проблематики, и в частности правовым нюансам досрочного увольнения военнослужащих за совершение административного правонарушения³. Достаточно широко в научной литературе представлены работы, посвященные анализу особенностей увольнения военнослужащих за совершение коррупционных правонарушений⁴. Д.Ю. Мананников в своих исследованиях затрагивал специфику увольнения военнослужащих, осужденных к наказанию в виде лишения свободы условно, и правовых последствий судимости для военнослужащих⁵. Судебная практика по делам о досрочном увольнении с военной службы за совершение дисциплинарного проступка и в связи с невыполнением условий контракта освещалась в работах К.А. Захаровой⁶ и В.В. Хомчика⁷.

Однако коррупционные риски, связанные с аттестацией осужденных военнослужащих в процессе их досрочного увольне-

ния, предметом изучения еще не были. Настоящая публикация представляет собой критический анализ юридической конструкции действующего правового механизма досрочного увольнения осужденных военнослужащих, включающего процедуру рассмотрения аттестационной комиссией во внеочередном порядке вопроса о возможности их досрочного увольнения.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» в подп. «е» и «е.1» п. 1, подп. «д» п. 2 ст. 51 содержит правовые нормы, устанавливающие основания и порядок увольнения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (за исключением высших офицеров и курсантов военных образовательных учреждений), в связи с вступлением в законную силу приговора суда.

Безусловным основанием, при котором военнослужащий подлежит обязательному увольнению с военной службы, является вступление в законную силу приговора суда о назначении ему наказания:

- в виде лишения свободы (подп. «е» п. 1 ст. 51 вышеназванного Закона);
- в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное умышленно (подп. «е.1» п. 1 ст. 51 указанного Закона).

В случае же вступления в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему в воинском звании до полковника (капитана 1 ранга) наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное по неосторожности (подп. «д» п. 2

³ Савин И.Г. Увольнение военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта как основание досрочного прекращения военно-служебных отношений (в свете позиций высших судебных органов) // ЭНИ «Военное право». 2016. № 3 (39). С. 16 – 21; Ивенин А.Э. Дисциплинарная ответственность и увольнение с военной службы как следствие нарушения правил дорожного движения // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 180 – 182.

⁴ Пленкин Н., Корякин В.М. Увольнение с военной службы как санкция за коррупционное правонарушение: проблемы правоприменения // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 9. С. 17 – 19; Бараненкова И.В., Миронов О.И. Особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих за коррупционные правонарушения // Там же. 2012. № 8. С. 18 – 22; Корякин В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия: постановка проблемы // Там же. 2011. № 10. С. 12 – 15.

⁵ Мананников Д.Ю. Увольнять или не увольнять? Вот в чем вопрос! (о назначении наказания в виде лишения свободы условно как об одном из оснований досрочного увольнения с военной службы по инициативе командования) // Там же. 2008. № 6. С. 33 – 38; Егo же. Судимость как юридический факт, препятствующий прохождению военной службы по контракту // Там же. 2011. № 5. С. 40 – 45; Егo же. О некоторых вопросах условного осуждения военнослужащих // Гражданин и право. 2008. № 10. С. 55 – 66.

⁶ Захарова К.А. Анализ судебной практики по делам о досрочном увольнении с военной службы за грубый дисциплинарный проступок // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 1. № 42. С. 214 – 217.

⁷ Хомчик В.В. Увольнение военнослужащих в связи с невыполнением ими условий контракта: анализ правового регулирования и судебная практика // ЭНИ «Военное право». 2012. № 2. С. 118 – 129.

ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), разрешение вопроса о досрочном увольнении с военной службы отнесено, согласно п. 1 ст. 50 названного Закона и п. 8 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, к компетенции соответствующих командиров, в том числе и командиров (начальников) воинских частей (далее – командиры (начальники)).

Каких-либо правовых последствий для военнослужащих указанной категории, проходящих военную службу по контракту и осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, лишением воинского звания или лишением права занимать воинские должности в течение определенного срока, законодательство о воинской обязанности и военной службе не предусматривает.

Следовательно, законодатель не запрещает командирам (начальникам) продолжать военно-служебные отношения с осужденным военнослужащим и не требует правового оформления в виде какой-либо специальной процедуры.

Не содержат такого запрета и подзаконные нормативные акты.

Между тем смысл, придаваемый сложившейся правоприменительной практикой взаимосвязанным положениям п. 1 ст. 50 и ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», ст.ст. 26 и 27 Положения о порядке прохождения военной службы, в случаях вступления в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания, не связанного с лишением свободы, позволяет командирам (начальникам):

– либо без правового оформления решения какой-либо специальной процедурой оставить происшедшее по своему усмотрению без мер правового воздействия;

– либо, используя такой приговор как повод, дать начало процедуре досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением осужденным военнослужащим условий контракта.

Обязательным формальным условием такой процедуры является аттестация военнослужащего, общий порядок которой закреплен в Положении о порядке прохождения военной службы и приказе Министра обороны Российской Федерации 2012 г. № 444, где определены задачи аттестации, одной из которых является оценка причин, которые могут служить основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы.

Между тем в приказе Министра обороны Российской Федерации 2012 г. № 444 порядок создания аттестационной комиссии, ее правомочия и порядок принятия такой комиссией решения при рассмотрении во внеочередном порядке вопроса о возможности досрочного увольнения осужденного военнослужащего не регламентированы.

С учетом изложенного выше юридическая конструкция действующего правового механизма досрочного увольнения осужденных военнослужащих, включающая процедуру рассмотрения аттестационной комиссией во внеочередном порядке вопроса о возможности их досрочного увольнения, состоящая из взаимосвязанных положений п. 1 ст. 50, ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», ст.ст. 26 и 27 Положения о порядке прохождения военной службы и приказа Министра обороны Российской Федерации 2012 г. № 444, характеризуется следующими параметрами.

1. Правом постановки на разрешение аттестационной комиссии во внеочередном порядке указанного вопроса обладают командиры (начальники), которые одновременно правомочны:

– включить в состав подотчетной себе комиссии (абз. 2 п. 1 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы), помимо членов комиссии по должности, еще и иных лиц, но также из числа находящихся в своем подчинении (подп. «г» п. 2 ст. 27 названного Положения);

– отказаться от утверждения нежелательного решения аттестационной комиссии, без запрета на создание новой, во внеочередном порядке, аттестационной комиссии с иным персональным составом для повторного рассмотрения «новой» комиссией того же самого вопроса.

2. Порядок голосования членов аттестационной комиссии нормативно не определен.

3. Рассмотрение аттестационной комиссией во внеочередном порядке инициированного командирами (начальниками) вопроса о возможности досрочного увольнения осужденного военнослужащего не является обязательным условием для продолжения таким военнослужащим военной службы.

Очевидно, что совокупность изложенных выше материальных и процессуальных пробелов правового регулирования увольнения военнослужащих с военной службы при вступлении в законную силу приговора суда создает риск совершения коррупционных действий командирами (начальниками), поскольку сама постановка этими лицами во внеочередном порядке вопроса о возможности досрочного увольнения осужденного военнослужащего предопределяет результат аттестации и безусловно гарантирует его досрочное увольнение.

Таким образом, есть все основания считать юридическую конструкцию правового механизма рассмотрения аттестационной комиссией такого вопроса коррупционным фактором, усматривая в этом механизме, наряду с широтой дискреционных полномочий, также и неполноту административных процедур.

Так, п. 1 ст. 50, ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», ст.ст. 26 и 27 Положения о порядке прохождения военной службы и приказ Министра обороны Российской Федерации 2012 г. № 444 в части юридической конструкции действующего правового механизма досрочного увольнения осужденных во-

еннослужащих, в том числе рассмотрения аттестационной комиссией во внеочередном порядке вопроса о возможности их досрочного увольнения, содержат коррупциогенные факторы:

а) широту дискреционных полномочий, которая в случае вступления в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания, не связанного с лишением свободы, позволяет командирам (начальникам):

– либо без оформления такого решения какой-либо специальной процедурой оставить происшедшее по своему усмотрению без мер правового воздействия;

– либо, используя такой приговор как повод, дать начало процедуре гарантированного досрочного увольнения военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением осужденным военнослужащим условий контракта (подп. «а» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26 февраля 2010 г. № 96);

б) неполноту административной процедуры аттестации при рассмотрении во внеочередном порядке вопроса о возможности досрочного увольнения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, лишением воинского звания или лишением права занимать воинские должности в течение определенного срока, при которой результат рассмотрения аттестационной комиссией предопределен самой постановкой такого вопроса (подп. «ж» п. 3 указанной Методики).

Нивелирование коррупционных рисков возможно с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлении

«По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева» от 21 марта 2013 г. № 6-П, согласно которой для обеспечения обоснованности досрочного увольнения военнослужащего с военной службы фактически обстоятельствами, подтверждающими невозможность продолжения с ним военно-служебных отношений, механизм проведения аттестации военнослужащих нуждается в совершенствовании в части определения оснований, правил и сроков ее проведения во внеочередном порядке.

Вариантом нивелирования коррупционных факторов могло бы стать дополнение подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной

службе» положением, запрещающим досрочное увольнение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, лишением воинского звания или лишением права занимать воинские должности в течение определенного срока.

Такое дополнение возможно при изложении нормы, предусмотренной подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в следующей редакции:

«в) в связи с невыполнением им условий контракта (за исключением военнослужащих, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, лишением воинского звания или лишением права занимать воинские должности в течение определенного срока);».

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМАНДИРА ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ПО ПОРЯДКУ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ К ВОЕННОСЛУЖАЩИМ И РАБОТНИКАМ

И.Г. Савин, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин РВВДКУ, кандидат юридических наук, доцент

Особенности деятельности командира воинской части заключаются в том, что он имеет в своем подчинении как военнослужащих, так и гражданский персонал. Причем с начала реформ (2008) количество гражданского персонала только увеличивается, а в военных профессиональных образовательных организациях и военных образовательных организациях высшего образования Министерства обороны Россий-

ской Федерации (далее – вузы Минобороны России)¹ их количество превышает количество военнослужащих, относящихся к постоянному составу.

Существующие особенности в правовом регулировании деятельности военнослужащих и гражданского персонала воинской части обусловлены, прежде всего, положениями ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации, устанавливающей, что трудо-

¹ Вузы Минобороны России не относятся к воинским частям, но в настоящей статье под воинскими частями мы будем понимать и указанные вузы.

вое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы. Как известно, основные права и обязанности военнослужащих установлены специальными законами (Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ; Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ; Федеральный закон «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации» от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ и др.).

Однако основные особенности правового статуса командира воинской части состоят в том, что в правоотношениях с подчиненными военнослужащими его деятельность определяется статусом военнослужащего, а в правоотношениях с гражданским персоналом (работниками) он выступает органом управления работодателя (юридического лица), что предполагает организацию его деятельности в соответствии с нормами Трудового кодекса Российской Федерации (ст. 11).

Основными задачами настоящей статьи являются:

1) проведение анализа (в том числе сравнительного анализа) нормативных правовых актов, регулирующих порядок привлечения военнослужащих и гражданского персонала воинской части к дисциплинарной ответственности;

2) выявление особенностей в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих в случае совершения ими грубых дисциплинарных проступков;

3) установление максимальных сроков, предоставляемых командиру воинской час-

ти для применения дисциплинарного взыскания с момента обнаружения факта дисциплинарного проступка (не считая периода временной нетрудоспособности военнослужащего (работника), пребывания его в отпуске, других случаев отсутствия его на службе (работе) по уважительным причинам).

Рассмотрим порядок применения дисциплинарных взысканий к военнослужащим. Основными нормативными правовыми актами в данной сфере являются Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих) и Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ДУ ВС РФ).

Вопросам привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности посвящены 10 статей Закона о статусе военнослужащих (ст.ст. 28.1 – 28.10). Статья 28.8 устанавливает, что по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка проводится *разбирательство*. Она же делегирует право установления порядка проведения разбирательства и установления полномочий командира или иного лица, проводящего разбирательство, Президенту Российской Федерации (общевойсковым уставам Вооруженных Сил Российской Федерации).

Обратимся к ст.ст. 80 – 89 ДУ ВС РФ.

Выделим два основания проведения разбирательства.

1. Совершение дисциплинарного проступка, не входящего в перечень грубых (перечень грубых дисциплинарных проступков (далее – ГДП) содержится в ст. 28.5 Закона о статусе военнослужащих и в приложении № 7 к ДУ ВС РФ).

2. Совершение ГДП.

Рассмотрим основные положения порядка применения дисциплинарных взысканий по проступкам, *не являющимся грубыми*.

1.1. Разбирательство проводится непосредственным командиром (начальником) военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, или другим лицом, назначенным одним из прямых командиров (начальников). При этом военнослужащий,

назначенный для проведения разбирательства, должен иметь воинское звание и воинскую должность не ниже воинского звания и воинской должности военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок.

1.2. Разбирательство проводится без оформления письменных материалов, за исключением случаев, когда командир (начальник) потребовал представить материалы разбирательства в письменном виде.

1.3. Командир (начальник) вправе принять решение о наказании военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, своей властью либо в срок *до 10 суток* представить по подчиненности вышестоящему командиру (начальнику) материалы разбирательства о совершении военнослужащим дисциплинарного проступка для принятия решения.

1.4. Применение дисциплинарного взыскания к военнослужащему, совершившему дисциплинарный проступок, производится *в срок до 10 суток со дня, когда командиру (начальнику) стало известно о совершенном дисциплинарном проступке* (не считая времени на проведение разбирательства, производство по уголовному делу или по делу об административном правонарушении, времени болезни военнослужащего, нахождения его в командировке или отпуске, а также времени выполнения им боевой задачи), но до истечения срока давности привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Возникает вопрос о максимально возможном сроке применения дисциплинарного взыскания, установленном для командира после того, как он узнал о дисциплинарном проступке (не считая периода временной нетрудоспособности военнослужащего, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам).

Максимальный срок для применения взыскания по дисциплинарному проступку, не являющемуся грубым, составляет *40 суток*.

Указанную цифру мы получаем путем сложения времени, предоставляемого командиру ст. 83 ДУ ВС РФ на применение взыскания к военнослужащему, совершившему дисциплинарный проступок (10 суток), и времени, установленного ст. 28.8 Закона о статусе военнослужащих на производство разбирательства (30 суток).

Необходимо обратить внимание на то, что срок в 30 суток установлен для производства разбирательства только в июле 2016 г.² (до этого данный срок составлял 10 суток).

Рассмотрим особенности порядка применения дисциплинарного взыскания в случае совершения ГДП.

2.1. Материалы разбирательства о ГДП оформляются только в письменном виде.

2.2. При совершении военнослужащим ГДП или при получении данных о его совершении непосредственный командир (начальник) военнослужащего обязан немедленно доложить об этом в установленном порядке командиру воинской части. Правом принятия решения о проведении разбирательства по факту совершения ГДП и назначения ответственного за его проведение обладает командир части.

2.3. Разбирательство по факту совершения военнослужащим ГДП заканчивается составлением протокола, форма которого установлена приложением № 8 к ДУ ВС РФ. С указанным протоколом под роспись должен быть ознакомлен военнослужащий, совершивший ГДП.

2.4. Командир воинской части обязан в срок *до двух суток* рассмотреть протокол и материалы о совершении ГДП и принять решение либо о направлении их в гарнизонный военный суд, либо о применении к военнослужащему иного дисциплинарного взыскания.

2.5. Если разбирательство не назначается (обстоятельства совершения военнослужащим ГДП установлены ранее проведенными по данному факту ревизией, провер-

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 259-ФЗ.

кой или административным расследованием либо материалами об административном правонарушении), командир воинской части назначает офицера для составления протокола и определяет срок его составления, который *не должен превышать трое суток*.

Максимальный срок для применения командиром части взыскания по ГДП составляет 32 суток.

Указанную цифру мы получаем путем сложения времени, предоставляемого командиру ст. 83 ДУ ВС РФ (рассмотрение протокола ГДП – до двух суток), и времени, установленного ст. 28.8 Закона о статусе военнослужащих на производство разбирательства (30 суток).

Взыскание может быть применено и по истечении 32 суток, если командир принял решение отправить материалы в суд.

Возникает закономерный вопрос о том, почему максимальный срок для применения взыскания по факту совершения ГДП – 32 суток – меньше аналогичного срока для применения взыскания по факту совершения дисциплинарного проступка, не являющегося грубым, – 40 суток?

Какое-либо логическое обоснование такой ситуации найти трудно.

Рассматривая порядок привлечения к дисциплинарной ответственности гражданского персонала, необходимо обратить внимание на то, что в трудовом законодательстве различают два вида дисциплинарной ответственности:

- общую;
- специальную.

Общая дисциплинарная ответственность предполагает ответственность в рамках правил внутреннего трудового распорядка. Она может быть возложена на всех работников, за исключением тех, в отношении которых установлена *специальная* дисциплинарная ответственность. Вопросы привлечения работников к общей дисциплинарной ответственности регламентирует Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) (ст.ст. 192 – 194) и правила

внутреннего трудового распорядка конкретной организации (в нашем случае – воинской части).

За совершение гражданским персоналом, работающим в воинской части по трудовому договору, дисциплинарного проступка командир части имеет право применить всего три дисциплинарных взыскания:

- замечание;
- выговор;
- увольнение по соответствующим основаниям.

Однако некоторые категории гражданского персонала могут быть привлечены к *специальной* дисциплинарной ответственности.

Специальная дисциплинарная ответственность предусмотрена для отдельных категорий работников специальным законодательством, уставами и положениями о дисциплине. К особенностям этой ответственности можно отнести следующее:

- строго определен круг лиц, подпадающих под действие соответствующих норм;
- предусмотрены специальные меры дисциплинарного взыскания;
- очерчен круг лиц и органов, наделенных властью применения дисциплинарных взысканий.

Согласно ст. 12 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 51-ФЗ к гражданскому персоналу Вооруженных Сил Российской Федерации, помимо работников, относятся федеральные государственные гражданские служащие.

Дисциплинарная ответственность федеральных государственных гражданских служащих Минобороны России установлена Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (далее – Закон о государственной гражданской службе). С учетом того что в Вооруженных Силах Российской Федерации должности федеральных государственных гражданских служащих весьма малочисленны, предусмотрены в центральном аппарате Минобороны России, представителями нанима-

теля для них выступают Министр обороны Российской Федерации и статс-секретарь – заместитель Министра обороны Российской Федерации, в настоящей статье особенности привлечения к дисциплинарной ответственности указанной категории гражданского персонала рассматриваться не будут.

Рассмотрим порядок применения дисциплинарных взысканий в случае привлечения работников воинской части к общей дисциплинарной ответственности.

1.1. Обязательным условием является наличие *письменного* объяснения предполагаемого нарушителя. При этом ТК РФ устанавливает правило, в соответствии с которым работник имеет право дать такое объяснение в течение *двух рабочих дней*. Если по истечении указанного срока объяснение работником не представлено, то составляется соответствующий акт. Форма акта произвольная. Пример такого акта:

АКТ

об отказе дать письменное объяснение по факту совершения дисциплинарного проступка

Мной, начальником отдела кадров Е.Е. Сидоровым, в присутствии специалиста по кадрам А.В. Игнатовой и делопроизводителя Е.Е. Орловой было предложено делопроизводителю И.М. Ковалевой дать письменное объяснение по факту отсутствия ее на рабочем месте 23 мая 2017 г. в период с 9.00 до 10.15.

От дачи объяснения И.М. Ковалева отказалась.

Начальник отдела кадров

_____ Е.Е. Сидоров

Специалист по кадрам

_____ А.В. Игнатова

Делопроизводитель

_____ Е.Е. Орлова

25.05.2017 г.

1.2. На необходимость проведения расследования и порядок его проведения ТК РФ не указывает. Однако все права по наложению взыскания и необходимости получения письменного объяснения провинившегося работника принадлежат только командиру части (органу управления работодателем). Таким образом, командир части может производить все действия сам, а может назначить любое должностное лицо (естественно, с учетом того, что это должностное лицо не должно находиться в подчинении провинившегося работника).

Чаще всего назначается один из старших офицеров.

1.3. Взыскание объявляется в приказе командира части.

Статья 193 ТК РФ четко устанавливает срок, в течение которого должно быть применено дисциплинарное взыскание, – не позднее *одного месяца со дня обнаружения проступка*, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, а также *времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников*.

Статья 373 ТК РФ устанавливает данный срок – семь рабочих дней. Но это только в случае, если, во-первых, работник является членом профсоюза, во-вторых, к нему применяется только одно из взысканий, а именно увольнение вследствие неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание.

В данном случае максимальный срок (если в месяце – 31 день и при пятидневной рабочей неделе) может составить *40 суток*.

Важным обстоятельством является то, что *днем обнаружения проступка, с которого начинается течение месячного срока*, считается день, когда лицу, которому по работе (службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделено ли оно правом наложения дисциплинарных взысканий³.

Проанализировав нормативные правовые акты, регулирующие порядок применения дисциплинарных взысканий в воинской

части, можно прийти к следующим выводам:

1. Порядок применения дисциплинарных взысканий в отношении военнослужащих регулируется Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации. При этом непосредственно порядок применения дисциплинарных взысканий регулируется названным Уставом.

2. Порядок применения дисциплинарных взысканий в отношении работников воинской части регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации.

3. Применению дисциплинарного взыскания в отношении военнослужащих предшествует разбирательство, срок которого не должен превышать 30 суток.

Разбирательство по проступкам, *не являющимся грубыми*, проводится, как правило, без оформления письменных документов непосредственным командиром нарушителя, который имеет право сам применить установленное взыскание либо ходатайствовать перед вышестоящим командиром о применении более строгого взыскания. Принятие решения по материалам разбирательства производится *в срок до 10 суток со дня, когда командиру (начальнику) стало известно о совершенном дисциплинарном проступке (не считая времени на проведение разбирательства)*, производство по уголовному делу или по делу об административном правонарушении, времени болезни военнослужащего, нахождения его

в командировке или отпуске, а также времени выполнения им боевой задачи).

Разбирательство по ГДП назначается командиром части, оформляется в письменном виде и заканчивается составлением протокола о ГДП. Решение по указанному протоколу командир должен принять *в срок до двух суток*.

Применение взыскания оформляется приказом командира части.

4. Перед применением дисциплинарного взыскания к лицу гражданского персонала, являющемуся работником (работающему по трудовому договору), командир части должен взять с работника письменное объяснение, а в случае отказа дать объяснение по истечении *двух рабочих дней* составить акт об отказе от дачи объяснения. Применение взыскания оформляется приказом командира части. Срок применения взыскания – месяц с момента обнаружения дисциплинарного проступка (не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, а также *времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников*).

5. Днем, когда командиру (начальнику) стало известно о совершенном дисциплинарном проступке, является:

– в случае применения взыскания к военнослужащим, совершившим ГДП, – день, когда об этом узнал командир части;

– в случае применения взыскания к работнику – день, когда лицу, которому по работе подчинен работник, стало известно о совершении проступка.

Объединенная редакция военно-правовых изданий (Центр правовых коммуникации)
сообщает о выходе в свет книги

*Корякин В.М., Кудашкин А.В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц,
уволенных с военной службы, и членов их семей*
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2017).

Книгу можно заказать, направив заявку на электронную почту pvsypo@mail.ru
Стоимость книги 500 руб. (без доставки).

Более подробную информацию по книге можно получить на сайте www.voennpravo.ru

Редакция

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» от 17 марта 2004 г. № 2.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(на примере проведения расследования по факту причинения ущерба)

В.М. Шеншин, преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук

В соответствии с разд. IV Наставления по организации и осуществлению правового обеспечения внутренних войск МВД России при повседневной деятельности, а также при выполнении ими задач во внутренних вооруженных конфликтах немеждународного характера и особенностях применения в них норм международного гуманитарного права, утвержденного приказом главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 5 июля 2005 г. № 220 (далее по тексту – Наставление), под административным расследованием (разбирательством) понимается деятельность воинских должностных лиц по расследованию каждого факта причинения вреда здоровью военнослужащим, установлению фактических обстоятельств совершения военнослужащими, гражданским персоналом правонарушений, причинения ими материального ущерба, в целях принятия законного и обоснованного решения.

В соответствии с абз. 2 п. 14 Наставления административное расследование по факту причинения военнослужащим материального ущерба проводится в порядке и в сроки, установленные Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ.

Пунктом 3 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрено, что не допускает-

ся привлечение военнослужащих к материальной ответственности за ущерб, причиненный вследствие исполнения приказа командира (начальника), а также в результате правомерных действий, оправданного служебного риска, действия непреодолимой силы.

Вместе с тем, ст. 7 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрена обязанность командира (начальника) воинской части при обнаружении ущерба назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц.

Так, при проведении проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности одной из воинских частей войск национальной гвардии по службе горючего и смазочных материалов установлено, что при сверке первичных учетных документов (путевых листов) и приказа командира воинской части «Об утверждении основных маршрутов движения автобронетанковой техники в 2014 году», изданного в соответствии с требованиями Инструкции о порядке эксплуатации автомобильной техники во внутренних войсках МВД России (далее – Инструкция), утвержденной приказом МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке эксплуатации автомобильной техники во внутренних войсках МВД России и Годовых норм расхода мо-

торесурсов автомобильной техники во внутренних войсках МВД России в мирное время» от 10 мая 2001 г. № 490, выявлены случаи завышения протяженности основных маршрутов движения в отдельных путевых листах.

Указанные нарушения привели к излишнему израсходованию горючего на сумму 716 469 руб. 56 коп.

Анализ правовых актов, устанавливающих порядок подготовки карточек (схем) основных маршрутов движения, недвусмысленно дает понять, что приказом командира воинской части должно быть назначено должностное лицо, ответственное за подготовку таких карточек (схем). Как правило, такая обязанность возлагается на начальников автомобильной или бронетанковой службы воинской части.

В рассматриваемом случае должностное лицо, а именно начальник автомобильной службы, определенное приказом командира воинской части, своевременно не разработало и не представило на утверждение командиру воинской части схемы основных маршрутов движения транспортных средств воинской части. Такие схемы были утверждены спустя шесть месяцев от той даты, когда они должны были быть утверждены.

Анализ таких карточек (схем) маршрутов движения транспортных средств показал, что номера карточек (схем) маршрутов движения не совпадают с номером маршрута, указанным в приказе командира воинской части, а расстояние в километрах разнится с расстоянием, указанным в приказе командира воинской части.

Пунктом 39 Инструкции предусмотрено, что «должностными лицами воинских частей проверяется эффективность использования автомобильной техники, расхода горючего и смазочных материалов в ходе осмотров и проверок машин, сроки и поря-

док которых определены нормативными правовыми актами МВД России».

Таким образом, начальник автомобильной службы воинской части нарушил требования приказа МВД России от 10 мая 2001 г. № 490, приказа командира воинской части «Об утверждении основных маршрутов движения автобронетанковой техники в 2014 году», предусматривающие порядок разработки и утверждения карточек (схем) маршрутов движения транспортных средств воинской части.

В соответствии с п. 12 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на правах хозяйственного ведения или оперативного управления¹.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» реальный ущерб представляет собой утрату или повреждение имущества воинской части, расходы, которые воинская часть произвела либо должна произвести для восстановления, приобретения утраченного или поврежденного имущества². При этом под имуществом воинской части понимаются, в частности, горючесмазочные материалы, топливо, другие материальные средства, являющиеся федеральной собственностью и закрепленные за воинской частью.

Реальный ущерб, причиненный имуществу воинской части начальником автомобильной службы, составляет 716 469 руб. 56 коп. и является результатом его противоправных действий.

Имеется прямая причинно-следственная связь между несвоевременной подготовкой и утверждением начальником автомобильной службы карточек (схем) основных маршрутов движения транспортных средств

¹ Назарова И.С., Шеншин В.М. Особенности привлечения военнослужащих к административной ответственности // Электронное научное издание «Военное право». 2015. № 2.

² Петухов Н.А., Шеншин В.М. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения // Военно-юрид. журн. 2016. № 12.

воинской части и наступившими последствиями в виде причинения ущерба имуществу воинской части в сумме 716 469 руб. 56 коп.

Рапорт о фактическом завышении протяженности основных маршрутов движения в отдельных путевых листах начальником автомобильной службы соответствующим образом подан не был.

Во время причинения ущерба имуществу воинской части начальник автомобильной службы находился при исполнении обязанностей военной службы.

Начальник автомобильной службы не предвидел возможности наступления по-

следствий, выражающихся в причинении реального ущерба имуществу воинской части, хотя должен был и мог их предвидеть.

Обстоятельством, способствовавшим причинению ущерба имуществу воинской части, явилось слабое знание начальником автомобильной службы положений и норм приказа МВД России от 10 мая 2001 г. № 490, приказа командира воинской части «Об утверждении основных маршрутов движения автобронетанковой техники в 2014 году», устанавливающих и регулирующих порядок разработки и утверждения карточек (схем) маршрутов движения транспортных средств.

Информация

В Санкт-Петербурге по материалам военных прокуроров возбуждено уголовное дело 10.07.2017

Военной прокуратурой Санкт-Петербургского гарнизона при проверке исполнения контрактных обязательств установлено, что старший инженер-инспектор регионального управления ФКП «Управление заказчика капитального строительства» П. и инженер регионального управления АО «Главное управление обустройства войск» С., зная, что субподрядчиком – ООО «Гранд» при монтаже фасада здания амбулаторной поликлиники 59 военного городка в Санкт-Петербурге использованы не предусмотренные техническим заданием крепежные элементы, подписали акты сдачи-приемки работ, на основании которых на счет строительной организации незаконно перечислено 21,6 млн рублей.

По материалам военных прокуроров в отношении П. и С. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 (превышение должностных полномочий) УК РФ.

<http://gvp.gov.ru/news/>

На Сахалине за получение взяток осужден офицер

21.06.2017 г.

Доказательства, собранные 318 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащему войсковой части 35390 старшему лейтенанту С. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки).

Следствием и судом установлено, что С. незаконно освободил 2 подчиненных военнослужащих от исполнения обязанностей военной службы за взятки в размере 43 и 60 тысяч рублей.

Южно-Сахалинским гарнизонным военным судом С. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

<http://gvsu.gov.ru/>

О ПРОБЛЕМЕ «ПРАВОВОГО НЕРАВЕНСТВА» В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННЫХ ПЕНСИОНЕРОВ, ПРОХОДИВШИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Д.Ю. Мананников, кандидат юридических наук

Необходимость выполнения военными поставленных задач в сфере обороны в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья, влечет за собой обязанность государства гарантировать указанной категории граждан соответствующую их правовому статусу особую социальную защиту. Одной из важнейших форм социальной защиты граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является система социального обеспечения. На военных пенсионеров, выполнявших в прошлом задачи профессиональной защиты Отечества, распространяются социальные гарантии, в том числе в сфере охраны здоровья и медицинской помощи.

Исследование правовых позиций органов правосудия по социальному обеспечению граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в настоящее время востребовано своей актуальностью в связи с разрешением возникающих на практике споров, в том числе обусловленных подсчетом выслуги лет в отношении лиц, ранее проходивших военную службу в странах Содружества Независимых Государств и ре-

шивших переехать на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

В качестве примера одного из актуальных судебных актов, затрагивающих социальные права военных пенсионеров, можно назвать апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 31 мая 2016 г. по делу № 33-12515/2016. Приведем основные тезисы данного определения.

Так, из материалов дела следовало, что А. проходила военную службу в органах пограничной службы Республики Беларусь. С апреля 1995 г. А. была переведена для дальнейшего прохождения военной службы в Федеральную пограничную службу и органы пограничной службы Российской Федерации.

С указанного времени А. стала проходить военную службу по контракту на отдельном контрольно-пропускном пункте «Сочи» в должности контролера в звании «прапорщик».

В последующем, с июня 2007 г. по 27 февраля 2015 г., А. проходила военную службу в должности контролера в звании «прапорщик» в воинских частях, дислоцированных в г. Сочи Краснодарского края.

В 2015 г. А. уволена с военной службы в отставку на основании подп. «а» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе).

Выслуга лет А. по состоянию на 28 февраля 2015 г. составила: календарная – 21 год 11 месяцев 11 дней, льготная – 8 лет 7 месяцев 5 дней, общая – 30 лет 6 месяцев 16 дней.

Письмом начальника Управления ФСБ по Краснодарскому краю от 24 марта 2015 г. А. сообщено о назначении ей пенсии, выдаче пенсионного удостоверения и направлении в поликлинику № 2 г. Сочи МСЧ Управления ФСБ России по Краснодарскому краю для прикрепления к данному медицинскому учреждению в целях получения медицинского и санаторно-курортного обеспечения.

Вместе с тем, из письма заместителя начальника Управления ФСБ России по Краснодарскому краю от 30 июля 2015 г. следовало: поскольку общая продолжительность военной службы А. составила 19 лет, то на нее не распространяются социальные гарантии и права, установленные нормами Федерального закона «О статусе военнослужащих», ранее выданное ей направление на прикрепление к поликлинике будет отозвано.

В обоснование данного решения положены следующие аргументы.

Статьей 39 Конституции Российской Федерации установлено, что каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом. Порядок пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, предусмотрен Законом Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной служ-

бе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, которым установлено, что пенсионное обеспечение проживающих на территории Российской Федерации лиц, проходивших военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в вооруженных силах (армиях, войсках), органах безопасности и иных созданных в соответствии с законодательством воинских формированиях либо службу в органах внутренних дел, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы других государств – участников Содружества Независимых Государств и государств, не являющихся участниками Содружества Независимых Государств, с которыми Российской Федерацией либо бывшим Союзом ССР заключены договоры (соглашения) о социальном обеспечении, а также семей указанных лиц осуществляется в порядке, предусмотренном этими договорами (соглашениями).

Согласно принятому во исполнение указанного Закона Постановлению Правительства Российской Федерации «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семьям в Российской Федерации» от 22 сентября 1993 г. № 941 в выслугу лет для назначения пенсий после увольнения со службы офицерам, прапорщикам, мичманам, военнослужащим сверхсрочной

службы и проходившим военную службу по контракту солдатам, матросам, сержантам и старшинам, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы засчитывается, в частности, военная служба в вооруженных силах (армиях, войсках), органах безопасности, иных созданных в соответствии с законодательством воинских формированиях и служба в органах внутренних дел (полиции), Государственной противопожарной службе, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы других государств – участников Содружества Независимых Государств и государств, не входящих в состав Содружества, с которыми Российской Федерацией либо бывшим Союзом ССР заключены договоры (соглашения) о социальном обеспечении, предусматривающие взаимный зачет в выслугу лет для назначения пенсий уволенным со службы военнослужащим, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел (полиции), Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы их службы в других государствах.

Российской Федерацией были заключены Соглашение стран Содружества Независимых Государств «О гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» от 13 марта 1992 г. и Соглашение стран Содружества Независимых Государств «О порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств – участников Содружества Независимых Государств» от 15 мая 1992 г., которые подлежат обязательному применению на территории Российской Федерации.

В соответствии со ст. 1 Соглашения стран Содружества Независимых Государств «О гарантиях прав граждан государств – участников Содружества Независимых Госу-

дарств в области пенсионного обеспечения» от 13 марта 1992 г. и ст.ст. 1, 2 Соглашения стран Содружества Независимых Государств «О порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств – участников Содружества Независимых Государств» от 15 мая 1992 г. пенсионное обеспечение военнослужащих и граждан государств – участников Содружества Независимых Государств осуществляется по законодательству государства, на территории которого они проживают, с зачетом службы (в том числе и на льготных условиях) в Вооруженных Силах государств – участников Содружества и других воинских формированиях, созданных законодательными органами этих государств.

Из обстоятельств дела следовало, что в соответствии с названными международными договорами ответчиком пенсия истцу назначена с 1 марта 2015 г. В стаж работы А. включена военная служба как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Вместе с тем, указанные выше Соглашения не регламентируют порядок наделения военнослужащих и членов их семей социальными правами и гарантиями.

Взаимные обязательства стран Содружества о социальных и правовых гарантиях (жилье, медицина, проезд) в отношении военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, предусмотрены Соглашением между государствами – участниками Содружества Независимых Государств «О социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей» от 14 февраля 1992 г.

Однако распоряжением Президента Российской Федерации от 15 июля 2011 г. № 490-рп принято предложение Правительства Российской Федерации о направлении депозитарию уведомления о намерении Российской Федерации не быть участником Протокола к Соглашению между государствами – участниками Содружества Независимых Государств о социальных и пра-

вовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей от 14 февраля 1992 г., подписанного в г. Москве 25 января 2000 г.

Таким образом, данный международный акт на территории Российской Федерации не действует и не применяется.

При изложенных выше обстоятельствах Краснодарский краевой суд пришел к выводу, что в связи с отсутствием межгосударственного Соглашения о социальных и правовых гарантиях в отношении указанной категории лиц такие гарантии предоставляются по основаниям и в порядке, установленным законодательством государства, на территории которого военнослужащие и лица, уволенные со службы, проживают.

Согласно п. 5 ст. 16 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ права и социальные гарантии военнослужащих и членов их семей, указанные в пп. 2 – 4 указанной статьи, распространяются на прапорщиков и мичманов, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более.

Пунктом 5 ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрено право прапорщиков и мичманов, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, на проезд на безвозмездной основе железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом на лечение в медицинской организации в стационарных условиях в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии или в санаторно-курортные организации и оздоровительные организации и обратно (один раз в год).

В соответствии с п. 7 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, общая продолжительность военной службы военнослужащего включает в себя все время его военной службы, как по призыву, так и по контракту, в том числе и в случаях повторного поступления на военную службу. Определение общей продолжительности военной службы производится в календарном исчислении. В случаях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, общая продолжительность военной службы определяется в льготном исчислении.

Из анализа вышеизложенных норм следует, что социальные права и гарантии предоставляются военнослужащим и лицам, уволенным со службы, при наличии двух условий: достижение предельного возраста пребывания на военной службе и наличие общей продолжительности военной службы 20 лет и более.

Названные нормативные акты не содержат норм, предусматривающих возможность зачета в срок военной службы на территории Российской Федерации срока службы в вооруженных силах, иных созданных воинских формированиях других государств – участников Содружества Независимых Государств.

Таким образом, Краснодарским краевым судом, с учетом фактических обстоятельств дела, сделан следующий вывод: поскольку срок военной службы истца А. в Российской Федерации составляет менее 20 лет (19 лет 9 месяцев 29 дней) в календарном исчислении, то права и социальные гарантии, предусмотренные пп. 2 – 4, 5 ст. 16 и п. 5 ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих», на нее не распространяются, в связи с чем оснований для удовлетворения исковых требований заявительницы не имелось.

Не оспаривая законность апелляционного определения, вынесенного судебной кол-

легией по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 31 мая 2016 г. по делу № 33-12515/2016, необходимо отметить следующее.

Право граждан на социальное обеспечение занимает важное место среди иных социально-экономических прав человека и нашло всестороннее закрепление в актах международного и российского права. Одним из важнейших институтов права социального обеспечения военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, лиц, уволенных с военной и правоохранительной службы, является выслуга лет на военной (правоохранительной) службе. Именно выслуга лет на военной службе, под которой понимается продолжительность нахождения гражданина на военной службе и (или) правоохранительной службе, учитываемая при определении объема и видов предоставляемых ему социальных гарантий и компенсаций, выступает основанием для дифференциации уровня социального обеспечения указанных категорий граждан¹.

15 мая 1992 г. Российской Федерацией подписано Соглашение о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств – участников Содружества Независимых Государств. Сведений о выходе Российской Федерации из указанного Соглашения не имеется. Это означает, что государство в полном объеме исполняет возложенные на себя международные обязательства по пенсионному обеспечению граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, ранее проходивших военную службу в странах Содружества Независимых Государств, имеющих общую выслугу 20 лет и более.

Иными словами, при назначении государством – участником Соглашения от 15 мая 1992 г. пенсии военнослужащему его служба в другом государстве – участнике Соглашения засчитывается в выслугу лет,

в том числе в льготном исчислении, на основании законодательства этого другого государства, принятого как до, так и после подписания Соглашения от 15 мая 1992 г.

Как уже отмечалось, 14 февраля 1992 г. Российской Федерацией подписано Соглашение между государствами – участниками Содружества Независимых Государств о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей. В последующем, 15 июля 2011 г., распоряжением Президента Российской Федерации № 490-рп Россия инициировала процесс выхода из Протокола к Соглашению от 14 февраля 1992 г., а 27 июля 2011 г. вышла из него. Вероятно, это произошло потому, что некоторые государства не выполняли свои обязательства перед другими странами – участницами Содружества Независимых Государств.

С указанного времени правовое положение военных пенсионеров, проходивших военную службу в странах Содружества Независимых Государств, существенно изменилось.

Так, если гражданин проходил военную службу в стране Содружества Независимых Государств, уволился и прибыл на постоянное место жительства на территорию Российской Федерации после 27 июля 2011 г., он не имеет права претендовать на социальные и правовые гарантии, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих», при отсутствии у него необходимой выслуги лет в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Аналогичная ситуация сложилась в сфере жилищного обеспечения рассматриваемой категории граждан.

28 марта 1997 г. Российской Федерацией подписано Соглашение об обеспечении жилыми помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. Далее, 21 февраля 2013 г., Российская Фе-

¹ Ефремов А.В. Особенности пенсионного обеспечения военнослужащих (граждан, уволенных с военной службы) и членов их семей: правовые позиции органов правосудия [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

дерация после распоряжения Президента Российской Федерации от 9 февраля 2013 г. № 44-рп вышла из Соглашения от 28 марта 1997 г.

Сложилась парадоксальная ситуация: гражданин, проходивший военную службу в стране Содружества Независимых Государств, уволенный с военной службы с общей продолжительностью военной службы 20 лет и более (в том числе по совокупности военной службы в стране Содружества Независимых Государств и в России), обеспечивается военной пенсией, однако иные правовые и социальные гарантии, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (жилье, медицина, проезд), на него не распространяются.

По указанной выше причине с конца 2016 г. Департамент социальных гарантий Министерства обороны Российской Федерации инициировал процесс замены пенсионных удостоверений гражданам, проходившим военную службу в вооруженных силах стран Содружества Независимых Государств. По сути, у данной категории граждан изымают пенсионные удостоверения и выдают другие без отметки о праве получения социальных гарантий (льгот)². Примечательно, что это не относится к гражданам, которые ранее состояли на воинском учете в военных комиссариатах на территории Крыма и г. Севастополя.

Основой правового регулирования вопросов социального обеспечения граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Крым и г. Севастополя, выступает Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ, урегулировавший, в частности, вопросы, связанные с испол-

нением жителями полуострова воинской обязанности и прохождением ими военной службы³.

Документы, подтверждающие право на получение пенсий, пособий, компенсаций и иных видов социальных выплат, право на получение медицинской помощи, выданные компетентными органами Украины, продолжают действовать без ограничений. Размеры пенсий, пособий (в том числе единовременных), компенсаций и иных видов социальных выплат, а также гарантий, установленных в денежной форме, не могут быть ниже размеров пенсий, пособий (в том числе единовременных), компенсаций и иных видов социальных выплат, а также гарантий, установленных в денежной форме и выплачиваемых этим категориям граждан и лиц по состоянию на 21 февраля 2014 г.

2 января 2015 г. вступил в силу Указ Президента Российской Федерации № 2, согласно которому при постановке на воинский учет в Республике Крым и г. Севастополе граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе и состоявших на воинском учете на территориях Республики Крым и г. Севастополя, их воинские звания, документы об образовании и о прохождении военной службы в Вооруженных Силах, воинских формированиях и правоохранительных органах Украины, в которых предусмотрена военная служба, признаются действительными при представлении подлинников соответствующих документов.

Указом Президента Российской Федерации № 2 засчитан срок прохождения военной службы в Вооруженных Силах Украины. Положения данного Указа распространяют свое действие только в отношении граждан, ранее состоявших на воинском учете в военных комиссариатах на территории Республики Крым и г. Севастополя, в том числе и до вхождения в состав Российской Федерации.

² Письма Департамента социальных гарантий Министерства обороны Российской Федерации от 10 августа 2016 г. НР/182/Н/5708, 6 октября 2016 г. НР 162/4/7023.

³ Более подробно см.: *Корякин В.М.* Процессы интеграции военной инфраструктуры Крыма в состав военной организации Российской Федерации нуждаются в серьезном правовом обеспечении // Военно-юрид. журн. 2014. № 8. С. 3 – 6; *Его же.* Правовое обеспечение интеграции Крыма в состав России: военно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 5. С. 8 – 14.

Все социальные льготы и гарантии, связанные с выслугой лет и предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих», для крымчан и жителей г. Севастополя сохраняют свое действие. Иными словами, отмена мер социальной поддержки не коснулась военных пенсионеров, проживающих в Республике Крым и г. Севастополе, что поставило в неравное положение других граждан России, прибывающих на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

Так, условно говоря, орловчанин или краснодарец, отслуживший в армии Таджикистана или Узбекистана, лишен социальных гарантий, предусмотренных военным законодательством.

Подобное положение в сфере социальной защиты, как нам представляется, находится в противоречии с принципами социальной справедливости и равенства, которые являются основополагающими при построении любого правового государства и гражданского общества.

Проблема лишения мер социальной поддержки бывших военнослужащих, проходивших военную службу в вооруженных силах государств Содружества Независимых Государств и ранее пользовавшихся льготами в рамках Соглашения между государствами – участниками Содружества Независимых Государств «О социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей» от 14 февраля 1992 г., приобретает актуальный характер в свете современной политики Российской Федерации в отношении соотечественников.

В соответствии с п. 3 ст. 5 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ цели государственной политики Российской Федерации в этой сфере заклю-

чаются в оказании государственной поддержки соотечественникам, в том числе в обеспечении правовой защиты их интересов, а также условий, при которых они могли бы в качестве равноправных граждан жить в иностранных государствах или вернуться в Российскую Федерацию⁴. Согласно ст. 22 названного Закона органы государственной власти Российской Федерации обязаны содействовать соотечественникам в реализации основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в законодательстве государств их проживания или пребывания, международных договорах Российской Федерации, законодательстве Российской Федерации, а также принимать меры по их защите и восстановлению.

Представляется актуальным привести слова Президента Российской Федерации В.В. Путина из Послания к Федеральному Собранию Российской Федерации: «Сотни тысяч людей, проживающих и работающих за пределами своей страны, должны быть уверены, что Россия не бросит их, если они оказались в трудной ситуации, защитит их личные права, их семьи от возможного произвола и незаконного давления, поможет отстоять человеческое и гражданское достоинство»⁵.

Кроме того, 29 августа 2016 г. во время проведения Всемирного форума «В единстве с Россией» Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев также произнес несколько слов в отношении соотечественников и вынужденных переселенцев, прибывших в Россию: «Они надеются на Россию, на ее поддержку, на ее защиту. Для них Россия всегда была – да и будет теперь – Родиной»⁶.

На проблему «правового неравенства» в сфере социальной защищенности военных пенсионеров указывал председатель Общероссийского профессионального союза во-

⁴ См. также Постановление Правительства Российской Федерации «О Программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» от 17 мая 1996 г. № 590.

⁵ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. «Не будет ни революций, ни контрреволюций».

⁶ Рос. газ. 2016. 29 авг.

еннослужащих О.В. Шведков. В одной из публикаций интернет-газеты «Ветеранские вести» от 14 февраля 2017 г. он отметил: «Мы в свое время многим нашим военным говорили: оставайтесь в республиках СНГ, чтобы создать там боеспособные вооруженные силы, потом вернетесь – все будет нормально. Мы зовем к себе русских соотечественников – а у них отбирают часть льгот. Такие люди раньше могли хотя бы бесплатно ездить по стране, сейчас же они только получают пенсию. И это распространяется на всех, кроме тех, кто остался на учете в Севастопольском и Крымском военкомате. Человек, который прослужил 20 лет на Украине, пользуется всеми льготами, в то время как военный из Белоруссии, союзного государства, лишен всех льгот. Мы считаем, что это несправедливое решение, которое противоречит Конституции России»⁷.

Действительно, трудно не согласиться с указанной точкой зрения. Статьей 19 Конституции Российской Федерации предусмотрены презумпция равенства граждан и запрет на ограничение прав одной категории граждан с предоставлением преимуществ другим лицам независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ к основным принципам построения и функционирования системы государственной службы относится принцип единства правовых и организационных основ государственной службы, предполагающий законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы.

По нашему мнению, отсутствие правового регулирования порядка признания сро-

ка прохождения военной службы для граждан Российской Федерации, проходивших военную службу в вооруженных силах стран Содружества Независимых Государств, ставит их в заведомо неравные условия по сравнению с гражданами, состоявшими до вхождения в состав Российской Федерации на воинском учете в военных комиссариатах на территории Республики Крым и г. Севастополя, что противоречит требованиям ч. 2 ст. 6 и ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, а также ведет к росту социальной напряженности среди указанной категории граждан.

Известно, что реализация социальных прав в наибольшей степени, чем иные виды конституционных прав, зависит от уровня экономического развития государства. В то же время государство не может уклониться от выполнения социальной функции. Как отмечает Т.Я. Хабриева, социальные права становятся задачами и целью государства, раскрывают его социальную сущность, особенно сущность «социального государства»⁸.

Очевидно, что правовая защита граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства. Политика, проводимая государством в отношении военных пенсионеров, – один из важнейших факторов, влияющих на обороноспособность армии и флота. Ведь забота о социальной защищенности военнослужащих и членов их семей после увольнения – залог успешного комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации личным составом сегодня и в долгосрочной перспективе.

В связи с изложенным выше представляется справедливым изменить сложившуюся ситуацию путем уравнивания в правовом положении граждан Российской Федерации, проходивших военную службу в вооруженных силах стран Содружества Независимых Государств, с лицами, состоящими

⁷ Шведков О.К. «Неожиданные привилегии крымчан» и о правах военных пенсионеров СНГ // Ветеранские вести: интернет-газета. 2017. 14 февр.

⁸ Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журн. рос. права. 2005. № 12. С. 26 – 28.

на воинском учете в военных комиссариатах на территории Республики Крым и г. Севастополя.

На наш взгляд, военные пенсионеры России, проходившие военную службу в странах Содружества Независимых Государств, при наличии необходимой общей продол-

жительности военной службы должны обладать всем спектром прав и социальных гарантий, предусмотренных Федеральным законом «О статусе военнослужащих», в том числе правом бесплатного медицинского обеспечения в военно-медицинских учреждениях.

ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2016 ГОД О СОСТОЯНИИ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ГРАЖДАН, УВОЛЕННЫХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Е.Г. Воробьев, кандидат юридических наук

Ежегодное обращение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации¹ в форме доклада о своей деятельности традиционно вызывает общественный интерес, в том числе среди военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы. Не стал исключением и доклад УПЧ за 2016 г.²

Достаточно объемный по форме и многоаспектный по содержанию, этот документ заслуживает внимания юристов, специализирующихся на области военно-правовых исследований, уже хотя бы по той причине, что в современной политико-правовой сфере проблематике состояния защиты прав и свобод граждан в погонах уделяется непростительно мало внимания. Причины такого положения дел известны, их можно было бы раскрыть, но куда важнее иное. Подобный дефицит порождает иска-

женное восприятие реального положения дел с правами и свободами военнослужащих, а значит, пусть и косвенным образом, стимулирует то политическое и правовое благодушие, которое стало повсеместно господствовать и самым отрицательным образом влиять на текущую государственную военно-социальную политику.

Если государство, а вслед ему и общество, информационно питающееся публичными словами представителей государства, считают, что в сфере военно-социального положения военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, все более-менее хорошо или, по крайней мере, терпимо, то те, кто непосредственно находится в таком положении, подобного оптимизма не разделяют. Проблем много и, что особенно удручает, большинство из таких про-

¹ Далее – УПЧ или Уполномоченный.

² Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Рос. газ. 2017. 17 мая (далее – доклад УПЧ).

блем находятся в стадии длительного отложенного решения. Одной из форм такого отложения служит умолчание.

В связи с изложенным доклад УПЧ хотя бы частично (ведь проблемы защиты прав рассматриваемой категории граждан не единственные в деятельности УПЧ) приоткрывает завесу текущего замалчивания, заставляя вновь обратить внимание на обострившуюся военно-социальную проблематику, казалось бы, уже подзабытую государством и обществом.

Анонсированный в заголовке статьи акцент на состоянии защиты именно социально-экономических прав неслучаен. Дело даже не в том, что сам Уполномоченный ставит такие права на первое место как права социально базовые, непосредственно действующие, обеспечивающие достойное существование человека и гражданина (гл. 3 Конституции Российской Федерации), а в том, что именно они составляют ядро главных гарантий и компенсаций военнослужащим, закрепленных в специальном военно-социальном законодательстве, в частности в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ³. Речь идет, прежде всего, о таких социально-экономических правах граждан в погонах, как право на труд (ст.ст. 10, 11 Закона о статусе), на достойную оплату ратного труда (ст.ст. 12, 13, 13.1 Закона о статусе), право на отдых (ст. 11 Закона о статусе), право на жилище (ст.ст. 15, 15.1 Закона о статусе), право на надлежащее медицинское, пенсионное и иное социальное обеспечение (ст.ст. 10, 16, 18 Закона о статусе).

Приведенный перечень и станет ориентиром для дальнейшего рассмотрения и юридической оценки некоторых из положений доклада УПЧ с учетом объема стандартной журнальной публикации.

Начнем с того, что в своем докладе УПЧ подчеркнул: «Россияне в первую очередь заинтересованы в обеспечении права на достойный уровень и качество жизни». Именно поэтому УПЧ уделил особое вни-

мание социальным правам граждан, вложив в их содержание, прежде всего, права социально-экономические: право на труд и на достойное вознаграждение за труд, право на жилище, право на медицинскую помощь, право на социальное обеспечение (§ 1.1 доклада).

Со ссылками на общероссийский опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) и на анализ обращений граждан к УПЧ омбудсмен заявил, что среди социально-экономических проблем, которые волнуют население, первое место занимают проблемы роста потребительских цен при низком уровне заработной платы и пенсий, определяющих уровень жизни граждан.

Несмотря на то что военнослужащие и военные пенсионеры не попали в число 20 млн россиян, ныне проживающих за чертой бедности (около 4 млн из них приходится на работающих лиц), Уполномоченный особым образом отметил аналогичную проблему падения уровня их материального обеспечения.

В частности, в докладе УПЧ было указано на то, что «в 2016 году возросло ... число обращений по поводу реализации социальных гарантий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, а также граждан, уволенных со службы, и членов их семей (на 47 % по сравнению с 2015 годом). Большинство жалоб касалось права на охрану здоровья, вопросов пенсионного обеспечения военнослужащих, социальной защиты членов их семей. Поступали также обращения на длительное неиндексирование денежного содержания» (§ 3.3 доклада).

В связи с вышеизложенным Уполномоченный обратился к Правительству Российской Федерации с рекомендацией «рассмотреть вопрос об индексации денежного содержания военнослужащих и приравненных к ним лиц (параграф 3.3. Право на социальное обеспечение)» (гл. 8 доклада).

Итак, в части, относящейся к нарушенным правам военнослужащих и бывших

³ Далее – Закон о статусе.

военнослужащих на труд, на достойное вознаграждение за ратный труд, на надлежащее пенсионное обеспечение, российский омбудсмен был весьма лаконичен: он лишь обозначил эту проблематику, но не стал ни детализировать ее, ни подвергать какому-либо анализу причины такого положения дел, ни заниматься поиском путей разрешения проблемы, ограничившись более чем формальным призывом к исполнительной власти. Именно формальным, так как правительство страны при формировании очередного федерального бюджета на следующий год и так каждый раз рассматривает вопрос об индексации денежного содержания военнослужащих и приравненных к ним лиц. Но рассмотреть вопрос об индексировании – не значит индексировать. Нет сомнений в том, что заявленные рекомендации УПЧ будут исполнены правительством без особых трудностей правового, организационного и, главное, материального плана, и вполне реально, что это будет не та индексация, о которой гласят нормы федеральных законов, не исполнявшиеся столь длительный срок.

Между тем задача поддержания должного уровня материального обеспечения военнослужащих и военных пенсионеров после известной реформы денежного содержания военнослужащих и военных пенсий, проведенной еще в 2011 г., не решена. Оптимистические оценки военных правоведов, данные в 2012 г.⁴, по прошествии пяти лет сменились их критическими упреками и пессимистическими заключениями⁵. Антиинфляционный механизм, заложенный в ч. 9 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ и в ст. 43 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государ-

ственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-1, длительное время заблокирован самим государством. Проблема очевидно запущена. Она не только перезрела, но уже отдает признаками разложения существующей правовой материи, препятствуя нормальной кадровой работе в войсках и органах и умаляя заслуженные права военных пенсионеров на достойный уровень жизни.

За прошедшие пять лет (2012 – 2016) рост официальной инфляции по уровню потребительских цен приблизился к 50 %, что означает как минимум двойное обесценивание покупательной способности денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий. Но если действующие военнослужащие испытывают инфляционное понижение от некогда существенно высокого уровня вознаграждения за труд, то военные пенсионеры оказались заложниками спекулятивного обещания системно повышать военные пенсии, искусственным образом заниженные государством ровно в два раза. Комментаторы такого подхода, ссылаясь на нормы федерального закона, заверяли отставников в том, что понижающий коэффициент к начисленным военным пенсиям будет гарантированно увеличиваться как минимум на 0,02 пункта ежегодно, а с учетом уровня текущей инфляции – и более. Однако при неизменном уровне денежного довольствия военнослужащих, принимаемого за основу начисления пенсий, этот коэффициент за пять лет изменился лишь на 0,18, увеличился с 0,54 в 2012 г. до 0,7223 в 2017 г. В то же время, опять же следуя букве закона, подобное изменение должно

⁴ Терехин А.М. О некоторых правовых аспектах Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 2.

⁵ Корякин В.М. Что происходит с денежным довольствием военнослужащих? // Там же. 2016. № 1; Его же. Некоторые проблемы индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий // Там же. 2017. № 3.

было составить $5 \times 0,02 = 0,1$ плюс 0,428 роста по уровню индекса потребительских цен согласно данным Росстата (2012 г. – 106,6; 2013 г. – 106,5; 2014 г. – 111,4; 2015 г. – 112,9; 2016 г. – 105,4)⁶, т. е. не к расчетному 2035 г., а уже в 2017 г. вплотную приблизиться к 1,00.

При этом и действующие военнослужащие, и военные отставники согласно закону (если бы закон должным образом исполнялся правительством страны) должны были бы получить причитающееся им антиинфляционное повышение денежного довольствия, приближающееся в 2017 г. к все тем же 50 % (от уровня выплат 2012 г.).

Единственным «утешением» (насколько вообще подобное слово приемлемо к ситуации осознания того, что трудовые и пенсионные права открыто нарушаются не только в отношении военнослужащих и бывших военнослужащих, но и других категорий российских граждан) может служить тот факт, что вслед за государством блокировка трудовых прав граждан началась повсеместно. Частные и публичные работодатели (государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения) вслед за образцовым федеральным работодателем не только аналогичным образом игнорируют требования ст. 134 Трудового кодекса Российской Федерации о ежегодной индексации заработной платы, но и «покушаются» на уголовные проступки в виде задержки выплат или даже невыплат заработной платы своим работникам (ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Особой «инновационной» формой сокрытия недофинансирования заработной платы согласно уровню инфляции стали разного рода частные, государственные и муниципальные оптимизации штатов при сохранении прежнего фонда оплаты труда. По внешним признакам, но лишь формально, работники после этого получают больше. Вот она – ин-

дексация. Однако происходит это лишь за счет сокращения количества работников при прежнем объеме работ, т. е. за счет увеличения объема работы для оставшихся, что влечет усиление их эксплуатации до предельного уровня, в том числе до уровня невозможности нормального исполнения.

Не стали исключением и военнослужащие. Напомним, что упоминавшемуся повышению уровня денежного довольствия военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в 2012 г. предшествовало сокращение общей численности офицерских должностей более чем на 20 %. Несколько позже аналогичное действие по оптимизации было произведено и в других войсках и органах, в которых законом предусмотрено прохождение военной службы (ФСБ России, ФСО России, СВР России, внутренние войска МВД России), а также в правоохранительных органах (МВД России, ФСКН России, ФСИН, таможенные органы и т. д.).

Политика подобных оптимизаций уже привела к кризису в некоторых социально-экономических областях (наиболее наглядно – в образовании и в медицине), что напрямую затронуло и соответствующее обеспечение военнослужащих и военных пенсионеров. В частности, существенно упали доступность и качество военно-медицинского обеспечения, подвергшегося кардинальной перестройке в период руководства военным ведомством А.Э. Сердюкова.

Оптимизирование не могло не сказаться на количестве и качестве самого ратного труда. В последние годы с трудом и со значительными отступлениями функционирует один из важнейших гарантов защиты трудовых прав военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов – институт учета служебного времени и времени отдыха военнослужащих, обеспечивающий ограничение служебной нагрузки до установленных законом нормативов и поз-

⁶ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (дата обращения: 14.06.2017).

воляющий гарантировать право военнослужащих на отдых. Учет, конечно, ведется, но полноценная компенсация временных затрат повсеместно не производится. Низовые командиры, на которых и возлагается соответствующий учет, вынуждены изыскивать «резервы» для выполнения все возрастающих служебных задач при уменьшении людских ресурсов, а их подчиненные, находящиеся в системе жесткой и всеобъемлющей военной субординации, чаще всего мирятся с подобными отступлениями. Как результат – падение качества военной службы и исполнения служебных обязанностей на фоне ослабления социальной защищенности военнослужащих.

В анализируемом докладе УПЧ подобные проблемы военнослужащих не отражены, однако есть то, что вполне подпадает под категорию аналогии, подтверждающей достоверность и наших рассуждений. Уполномоченный, освещая работу своего рабочего аппарата, указывает на взаимосвязанные проблемы, требующие разрешения в интересах улучшения работы: на нехватку квалифицированных кадров при низком уровне оплаты труда в условиях непрерывного увеличения объема работы. Как вывод: «Численность рабочего аппарата остается неизменной на протяжении 17 лет, хотя число обращений к Уполномоченному увеличилось за это время почти в 10 раз, что затрудняет своевременное и качественное рассмотрение обращений граждан» (гл. 7 доклада). Как видно из этого, системные социально-правовые проблемы носят всеобщий характер, а потому присутствуют во всех схожих областях общественной деятельности.

Паралич правовых норм, гарантирующих сохранение надлежащего уровня денежного довольствия военнослужащих, в значительной мере влияет и на жилищные права большинства из них. И военнослужащие, участвующие в накопительно-ипотеч-

ной системе жилищного обеспечения, и те, кто имеет право на получение субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, в равной степени страдают от умаления денежной составляющей своих жилищных прав, объем и качество которых в значительной мере зависят от личных накоплений граждан в погонах, о чем автор писал еще в 2015 г.⁷ Кроме того, государство, вопреки закону и прежним обещаниям, не проиндексировало размер ежегодных накопительных взносов участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих за 2016 г.⁸, хотя уровень инфляции в предшествующем 2015 г. был самым высоким за последние пять лет и составил 12,9 %.

Проблемы реализации нормативных установок военно-социального законодательства напрямую связаны с духом государственности. При здоровом патернализме именно государство, как работодатель и одновременно как покровитель граждан в погонах, выискивает правовые и организационные возможности улучшения социально-экономического положения своих защитников, усиления их правовых гарантий, а потому проводит в жизнь соответствующую правовую политику. Несколько иное наблюдается тогда, когда государственный патернализм применяется избирательно, с ориентиром на различные установки, в том числе и на те, которые неизбежно ведут к снижению указанных выше военно-социальных ориентиров.

Примером особой государственной избирательности стал все тот же обновленный закон о военных пенсиях, по-разному урегулировавший пенсионные права разных категорий военнослужащих. В результате юридического маневра права большинства военных пенсионеров оказались существенно ниже уровня прав военных пенсионеров некоторых силовых и правоохранительных ведомств, что было воспринято не

⁷ Воробьев Е.Г. Монетизация жилищного обеспечения военнослужащих и индексация их денежного довольствия // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 3.

⁸ URL: <http://gosvoenipoteka.ru/category/edv-voennym> (дата обращения: 10.06.2017).

иначе как дискриминация⁹. Такая оценка произошедшего в значительной мере сохраняется и по сей день¹⁰.

Еще одним примером многоговорящей юридической изобретательности государства стало вычленение правовых норм о денежном довольствии военнослужащих из базового военно-социального закона. В результате нормативных изменений ст.ст. 12, 13 Закона о статусе оказались полностью выхолощены отсылочными положениями на иной федеральный закон, что позволило государству с открытым забралом законопослушания обойти те положения п. 2 ст. 4 Закона о статусе, согласно которым правовые и социальные гарантии военнослужащим, включая меры их правовой защиты, а также материального и иных видов обеспечения, предусмотренные этим Законом, не могут быть отменены или снижены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации иначе как путем внесения изменений и дополнений в этот федеральный закон.

Однако столь желаемый государственный подход пока что не наблюдается. А потому пусть не покажется странным тот факт, что даже по прошествии полутора десятков лет сохраняют свою актуальность все те же правозащитные проблемы, на которые еще в 1999 г. указывал начальник отдела по рассмотрению жалоб военнослужащих и членов их семей аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации А.Г. Шеенков: «В Вооруженных Силах и других воинских формированиях Российской Федерации совершаются систематические и широкомасштабные нарушения основных прав и свобод.

Наиболее часто нарушаются такие общепризнанные принципы и нормы, как право на достойный жизненный уровень ...право на социальное обеспечение и на жилье»¹¹.

Общие выводы таковы.

Российская правовая система в целом, и та ее часть, которая относится к охране социально-экономических прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, находится в ненадлежащем и даже в кризисном состоянии. Права есть, права хорошие и правильные, но, как жаловался один из мультяшных героев, они почему-то хромают¹².

В докладе УПЧ такое положение дел замечено, но не более того. Сложившейся ситуации не дано надлежащей критической правозащитной оценки, как и не предусмотрено принятие каких-либо активных правозащитных мер, ведущих к ее разрешению. В этом отношении позиция Уполномоченного, изложенная в докладе, свидетельствует о значительном влиянии чрезмерного политико-правового конформизма, о некотором ослаблении былых правозащитных установок, провозглашенных самим же Уполномоченным ранее.

В частности, по убеждению В. Лукина, десятилетие возглавлявшего главный правозащитный институт, права человека являются универсальными правовыми гарантиями, защищающими его от незаконных решений органов власти и должностных лиц. Их особенность заключается в том, что они гарантируются на международном уровне, пользуются правовой защитой, акцентируются на достоинстве человеческой личности, возлагают соответствующие обязанности на государство и не могут быть им аннулированы. Следовательно, права

⁹ *Корякин В.М.* Сравнительно-правовой анализ денежного довольствия и иных выплат, предусмотренных для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, военных прокуроров и военнослужащих военно-следственных органов // *Право в Вооруженных Силах*. 2012. № 1.

¹⁰ *Фаличев О.* Антиармейские санкции. Служба в Вооруженных Силах стала основанием для дискриминации // *Военно-промышленный курьер*. 2017. 29 марта; *Его же.* Унижающие коэффициенты. «Эффективного менеджера» закон ценит больше, чем защитника Отечества // Там же. 26 апр.

¹¹ *Шеенков А.Г.* Уполномоченный по правам человека - защитник военнослужащих и членов их семей // *Право в Вооруженных Силах*. 1999. № 9.

¹² Слова медвежонка, главного героя советского мультфильма «Винни-Пух» (1969) по одноименной сказке А. Милна: «У меня правильнописание хромает. Оно у меня правильное, только почему-то хромает».

человека не являются актом благотворительности государства, они независимы от него. Отказ государства признавать, соблюдать и защищать права человека свидетельствует не об их отсутствии у человека, а о нахождении у власти антинародного политического режима. Обеспечение стабильности прав человека, их защищенности от правовых актов, способных умалить эти фундаментальные ценности демократического государства, неприкосновенности от незаконных решений органов власти и должностных лиц, осуществление государственной защиты прав граждан являются одной из приоритетных задач национальной безопасности страны¹³.

Смогут снять анализируемую проблему, сложившуюся с защитой социально-экономических прав граждан, появившиеся сообщения о возможном намерении государства все-таки вспомнить о военнослужащих и военных пенсионерах в связи с резким падением уровня инфляции? Ведь нарушения уже состоялись, они носили и продолжают носить неслучайный характер, являются повторяющимися, длящимися и непростительно циничными на фоне одновременного роста выплат избранным категориям государственных служащих¹⁴.

Несмотря на обилие правовых норм, деюре закрепляющих полноценные социально-экономические права военнослужащих и военных пенсионеров, гарантирующих их нормальное осуществление и эффективную защиту, в настоящее время наблюдается их массовое искажение, идущее, прежде всего,

от самого государства. Именно государство активно манипулирует законами и подзаконными правовыми актами, непрерывно подгоняя нормативные правила под решение возможно важных, но все-таки ситуационных текущих задач, при этом часто попирая правовые принципы, отступая от заложенных в самих же военно-социальных законах концептуальных правил, рассчитанных на длительную перспективу правоприменения в условиях правовой стабильности. Следовательно, самому государству нужно наконец-то привыкнуть подчиняться своим же законам с учетом конституционного приоритета прав и свобод человека и гражданина, так как человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность самого государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Однако до сих пор превратиться в ретивого исполнителя законов, перестав играть роль мецената в правоисполнении публичных обязанностей по отношению к гражданам, у государства не получается. Поэтому наблюдаемое де-факто правотворческое, правоисполнительное и правоприменительное конвульсирование – вот тот камень преткновения, который надобно убирать с пути обеспечения нормального осуществления социально-экономических гарантий и компенсаций военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы. Именно в этом и заключается их главная правовая защита.

**Объединенная редакция военно-правовых изданий (Центр правовых коммуникации)
сообщает о выходе в свет книги**

**Титов В.В. Справочник по совершению нотариальных действий в военных организациях
(М.: Центр правовых коммуникаций, 2017).**

Книгу можно заказать, направив заявку на электронную почту pvsypo@mail.ru
Более подробную информацию по книге можно получить на сайте www.voennpravo.ru

Редакция

¹³ Лукин В. Человек с правами. Главному правозащитному институту страны присвоен высший международный статус // Рос. газ. 2009. 21 янв.

¹⁴ Фахрутдинов Р. Чиновники показали рост. Росстат раскрыл средние зарплаты российских чиновников в 2016 году // Газета.Ру. 2017. 2 марта.

УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ И ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ И СВОБОДЫ НА ПРОВЕДЕНИЕ СОБРАНИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ

В.В. Меркурьев, доктор юридических наук, профессор, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;
Д.А. Соколов, кандидат юридических наук, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

К числу важнейших проблем современности относится проблема противодействия экстремизму, поскольку без социального, национального, межрелигиозного согласия в стране невозможно обеспечить правопорядок, спокойствие и уверенность граждан в том, что государство способно обеспечить их права, свободы и законные интересы независимо от пола, расы, национальности и целого ряда других обстоятельств.

Указанная проблема значительно усложняется наличием попыток внешних сил инициировать в нашей стране сценарий по типу «цветной революции».

Не случайно Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) к числу основных внутренних военных опасностей относит деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования орга-

нов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды.

В связи с изложенным выше в условиях повышения общественно-политической активности населения, наблюдаемой в России в последние годы, представляются злободневными вопросы, с одной стороны, разработки мер по предупреждению и пресечению на ранних стадиях преступлений, посягающих на легитимность государственной власти, а с другой – обеспечения законности в деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – войска национальной гвардии), которые в соответствии с законом являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина¹.

¹ Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (в соответствии с ч. 1 ст. 35 данный документ вступил в силу со дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 3 июля 2016 г.), за исключением пп. 12, 17 и 19 ч. 1 ст. 9, вступающих в силу с 1 января 2018 г.

Участие войск национальной гвардии в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, защите (спасении) жизни граждан и (или) их имущества, обеспечении безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях, осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом и экстремизмом, задержании лиц, подозреваемых в совершении преступлений или правонарушений, пресечении массовых беспорядков и иных действий, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций, предполагает глубокие знания военнослужащими и сотрудниками не только федерального законодательства, но и общепризнанных норм и принципов международного права.

Международно-правовые стандарты в области прав человека, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем, предусматривают, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование; всякая дискриминация на основе религии или убеждений должны быть запрещены законом².

Так, в соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распрост-

ранять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Согласно ст. 11 Конвенции каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

В ч. 2 ст. 11 Конвенции также закреплено положение, согласно которому осуществление прав *на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими* не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

В соответствии со ст. 2 Конституции России первоочередной обязанностью государства выступает признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности в этом контексте, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России, в соответствии с процессуальным законодательством прокуроры также участвуют в рассмотрении дел судами, арбитражными судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов.

Конституционные требования справедливости и гуманизма определяют необходимость при осуществлении прокурорской деятельности не допускать избыточ-

² Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г.; Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

ного государственного принуждения и обеспечивать баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина (организации) и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств³.

Например, осуществление *свободы выражения мнения* ограничено Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ), установившим в ст. 13 запрет на распространение на территории России *экстремистских материалов*, а также их производство или хранение в целях распространения. Информационные материалы признаются *экстремистскими*⁴ федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Копия вступившего в законную силу решения о признании информационных материалов экстремистскими направляется судом в трехдневный срок в федеральный орган государственной регистрации, который в течение 30 дней вносит их в федеральный список экстремистских материалов. Данный список подлежит размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте федерального органа государственной регистрации, а также опубликованию в средствах массовой информации в установленном порядке.

Напомним, что на 1 января 2017 г. федеральный список экстремистских материалов насчитывал уже 4 057 наименований. И

их количество растет ежегодно в условиях активного использования ресурсов сети «Интернет» в целях вовлечения в экстремистскую деятельность, публичного оправдания и пропаганды терроризма.

В целях формирования единой практики по реализации прокурорами предоставленных ст. 13 Федерального закона № 114-ФЗ полномочий приказом Генерального прокурора Российской Федерации «О порядке реализации прокурорами полномочий по направлению в суд заявлений о признании информационных материалов экстремистскими» от 16 марта 2016 г. № 159 внесены существенные коррективы в организацию этой деятельности.

При решении вопроса о принятии мер прокурорского реагирования, говорится в приказе, не следует допускать действий, которые могут спровоцировать неблагоприятные социальные последствия. Надлежит учитывать, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами.

На обеспечение реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования направлен Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ.

Ни одно государство, как бы профессионально ни работали его государственные институты и силы правопорядка, не застраховано от ошибок и издержек, связанных с правоприменительной практикой по обеспечению *права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений*.

³ Меркурьев В.В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. № 3. С. 44 – 53.

⁴ В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ (в редакции Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ) экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Характерным в этом смысле является пример с вынесенными в отношении гражданина Дадина И.И. судебными актами, основанными на истолковании положений ст. 212¹ УК РФ, расходящимися с их конституционно-правовым смыслом, выявленным известным постановлением Конституционного Суда Российской Федерации. Речь идет о постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 212¹ УК РФ в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина, в соответствии с которым все судебные акты в отношении указанного гражданина подлежали пересмотру.

Вместе с тем, Конституционный Суд Российской Федерации своим постановлением внес существенные коррективы в правоприменительную практику и правотворческий процесс, которыми руководствуется прокуратура при осуществлении своей многофункциональной деятельности. В частности, он постановил:

1. Признать ст. 212¹ УК РФ не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в ней положения:

– позволяют подвергать уголовному преследованию за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лица, ранее не менее трех раз в течение 180 дней привлекавшееся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.2 КоАП РФ, если это лицо в пределах срока, в течение которого оно считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения, вновь нарушило установленный порядок организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования;

– предполагают, что привлечение лица к уголовной ответственности за преступле-

ние, предусмотренное данной статьей, возможно только в случае, если нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям;

– исключают возможность привлечения к уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лица, в отношении которого на момент совершения инкриминируемого ему деяния отсутствовали вступившие в законную силу судебные акты о привлечении не менее трех раз в течение 180 дней к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.2 КоАП РФ;

– допускают привлечение лица к уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования на основании данной статьи только в случае, если совершенное им деяние носило умышленный характер;

– означают, что фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении предусмотренного данной статьей преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушениях;

– подразумевают возможность назначения лицу наказания в виде лишения свобо-

ды лишь при том условии, что нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера (если соответствующее нарушение не подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 212 «Массовые беспорядки» УК РФ) или причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям, притом что без назначения данного вида наказания невозможно обеспечить достижение целей уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей.

2. Конституционно-правовой смысл положений ст. 212¹ УК РФ, выявленный в рассматриваемом постановлении, является обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

3. Федеральный законодатель правомочен – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в выше-названном постановлении, – внести в ст. 212¹ УК РФ изменения, направленные на уточнение нормативных оснований привлечения к уголовной ответственности за предусмотренное данной статьей преступление и мер наказания за его совершение.

Не секрет, что отдельными деструктивными силами в целях организации провокаций и подстрекательства к нарушениям общественного порядка и общественной безопасности во время проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования активно применяются коммуникационные возможности социальных

сетей «ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», «Твиттер» и им подобных.

В целях пресечения данной деятельности в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» внесены изменения, позволяющие Генеральной прокуратуре Российской Федерации с 1 февраля 2014 г. вносить требования в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций об ограничении доступа к информации в сети «Интернет», содержащей призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности.

В настоящее время Генеральной прокуратурой Российской Федерации в Роскомнадзор внесено около 450 требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам.

Из изложенного выше следует, что участие органов прокуратуры в обеспечении права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений заключается также в мониторинге сети «Интернет» на предмет выявления фактов размещения призывов к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности (публичного оправдания терроризма и иной террористической деятельности), участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, в том числе для последующего принятия мер к ограничению доступа к таким ресурсам в порядке ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

Введение внесудебного порядка ограничения доступа к запрещенной информации способствовало повышению оперативности реагирования на размещаемые в Интернете экстремистские материалы.

Порядок реализации полномочий, предусмотренных ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», урегулирован приказом Генерального прокурора

Российской Федерации «Об организации работы по рассмотрению уведомлений о распространении в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, и направлению требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию» от 8 сентября 2016 г. № 562. В данном документе разъясняются вопросы, связанные с принятием уведомлений о распространении запрещенной информации, особенностями рассмотрения отдельных их видов и направлением требований о принятии мер по ограничению доступа.

Логическое продолжение положения об ограничении права на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими находит в ст. 13 Конституции России, определяющей запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

При решении вопроса о критериях конституционности общественных объединений нельзя абстрагироваться и от международных обязательств Российской Федерации, в частности предусмотренных Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.⁵ В соответствии со ст. 4 данного документа государства-участники осуждают всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения или

пытающиеся оправдать либо поощряющие расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме, и обязываются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации, и с этой целью «объявляют противозаконными и запрещают организации, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом».

Согласно ст. 9 Федерального закона № 114-ФЗ в Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

Соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора в двух случаях:

– во-первых, в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда;

⁵ Действующее международное право: в 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 72 – 84.

– во-вторых, в случае, если предупреждение общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (ст. 7 Федерального закона № 114-ФЗ) не было обжаловано в суд в установленном порядке или не признано судом незаконным, а также если в установленный в предупреждении срок соответствующими общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением не устранены допущенные нарушения, послужившие основанием для вынесения предупреждения, либо если в течение 12 месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в их деятельности.

По указанным основаниям общественное или религиозное объединение может быть ликвидировано, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда также на основании заявления федерального органа государственной регистрации или его соответствующего территориального органа.

В случае принятия судом по основаниям, предусмотренным Федеральным законом № 114-ФЗ, решения о ликвидации общественного или религиозного объединения их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации.

Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, подлежит размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайтах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции в сфере регистрации общественных и религиозных объединений, иных организаций. Указанный перечень также подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях,

определенных Правительством Российской Федерации.

Российская прокуратура осуществляет свои функции вне уголовно-правовой сферы, реализуя полномочия по запрету деятельности экстремистских и террористических организаций на территории России, предусмотренные двумя федеральными законами: «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 9); «О противодействии терроризму» (ст. 24).

За период 2003 – 2016 гг. по инициативе прокуратуры судами приняты вступившие в законную силу решения о признании 58 организаций экстремистскими, 26 – террористическими и запрете их деятельности на территории России. По материалам прокуроров только в 2016 г. судами признаны экстремистскими 9 организаций, террористической – 1.

Таким образом, соблюдение конституционных требований при обеспечении социальной справедливости в процессе выражения мнения и проведения собраний и объединений граждан позволяет придать нормам отраслевого позитивного права такое содержание, которое способно превратить их в эффективное средство разрешения социальных противоречий. Важное значение для определения содержания норм отраслевого права имеет требование, согласно которому предписания федеральных законов не должны противоречить требованиям Основного Закона.

Деятельность органов прокуратуры по противодействию экстремистской деятельности и терроризму осуществляется посредством реализации возложенных на нее законом функций вне уголовно-правовой сферы в целях охраны конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности, с тем чтобы предусмотренные законом ограничения не посягали на само существо рассмотренных нами конституционных прав и свобод и не препятствовали открытому и свободному выражению гражданами своих взгля-

дов, мнений и требований посредством цивилизованной организации и проведения мирных публичных акций.

Осуществляя надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России, прокуратура призвана обеспечить такой режим законности в стране, который бы позволял гарантировать

гражданам, их объединениям реальную возможность заявлять и отстаивать свою позицию и выдвигать гражданские инициативы по значимым общественно-политическим вопросам в целях привлечения внимания к соответствующим проблемам и обеспечения своевременного адекватного реагирования на них со стороны публично-властных институтов.

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

С.В. Борисов, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Современные вызовы экстремизма представляют угрозу национальной безопасности и целостности не только нашей страны, но и мирового сообщества. Российские военнослужащие в связи с их особой ролью в обеспечении обороны и национальной безопасности служат объектом пристального внимания как со стороны специальных служб иностранных государств, так и различных международных организаций экстремистской направленности, их намерения расширить сферу своего влияния в среде военнослужащих часто базируются на проблемных вопросах, связанных с реформами, проводимыми в государстве и в том числе в военной системе Российской Федерации.

По мнению экспертов, одним из основных источников угроз национальной безопасности выступает экстремистская дея-

тельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности страны, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в России¹.

Значение безопасности и законности как основополагающих принципов деятельности и существования государства поставило вопрос об особой значимости и правовом положении такого института государства, осуществляющего надзор за соблюдением законности, каковым являются органы прокуратуры².

Деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере осуществляется комплексно с максимально возможным использованием потенциала всех присущих ей функций и полномочий. Особое внимание уделяется надзору за исполнением законов в целях

¹ Кулешов Р.В. Управление оперативно-боевым подразделением как элемент научной организации оперативно-боевого противодействия экстремистской и террористической деятельности // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1. С. 40 – 43; Алибеков М.Г. Национальная безопасность России и противодействие международному терроризму: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011; Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 1 – 2.

² Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 1 – 2.

своевременного предупреждения, выявления, пресечения и устранения нарушений, представляющих угрозу жизненно важным национальным интересам, а также причин и условий, способствующих нарушениям в сфере обеспечения прав человека и гражданина. В подтверждение сказанного достаточно сослаться на многочисленные представления, протесты, иски, внесенные прокурорами в суд в целях охраны и защиты прав и законных интересов граждан.

Нарушения законности, как правило, представляют собой посягательства на чьи-либо субъективные права и охраняемые законом интересы. Поэтому в законе перед прокуратурой поставлена цель защиты прав и свобод человека и гражданина³. Борьба с нарушениями законности заключается не только в их устранении, но и в восстановлении нарушенных прав и интересов, в том числе при обеспечении национальной безопасности и национальных интересов.

Защите подлежат социально-экономические, политические и иные права и свободы граждан независимо от их возраста, пола, социального, имущественного положения, расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, убеждений. Гражданин защищается от любых посягательств на его права и свободы, независимо от того, каким субъектом они совершены: государственным органом, общественной либо религиозной организацией, должностным лицом или другим гражданином.

Защита прав человека и гражданина средствами прокурорского надзора пронизывает всю многогранную деятельность прокурора. Какие бы действия ни совершал прокурор, реализуя предоставленные ему полномочия, в какой бы отрасли он ни осуществлял надзор – его в первую очередь интересует вопрос, соблюдаются ли права человека и гражданина. И если они не соблюдаются, прокурор принимает предусмот-

ренные законом меры к восстановлению нарушенных прав и свобод граждан. В связи с этим прокурорский надзор выступает одним из гарантов реального соблюдения прав человека и гражданина. Он является основным, важнейшим направлением прокурорской деятельности на современном этапе.

Соблюдение прав человека и гражданина определяет содержание предмета не только рассматриваемого направления прокурорского надзора. Оно входит также в сферу надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, надзора за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина находится в центре внимания прокуроров также в ходе осуществления функции уголовного преследования.

Полномочия прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина распространяются на все органы и всех должностных лиц, независимо от их подчиненности (подведомственности) и формы собственности, и закон в этом отношении не содержит каких-либо ограничений. Иными словами, при поступлении сведений о нарушении прав и свобод человека и гражданина прокурор вправе провести проверку или совершить иные надзорные действия в любом органе (в том числе в органах военного управления, воинских частях), в учреждении и организации, а также в общественном либо религиозном объединении.

Как уже отмечалось, соблюдение прав и свобод человека и гражданина по принципам, установленным Конституцией Российской Федерации, исключает любое ограни-

³ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.; приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 7 декабря 2007 г. № 195 и др.

чение прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, вместе с тем, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»⁴.

Следует также отметить, что прокуратура в соответствии с поручением руководства страны не только участвует в выработке мер, направленных на укрепление национальной безопасности, но и обеспечивает незамедлительное информирование Совета Безопасности Российской Федерации о негативных тенденциях, кризисных ситуациях и угрозах национальной безопасности, выявленных в процессе мониторинга состояния обеспечения национальной безопасности⁵.

Результаты исследований, проводимых среди военнослужащих в рамках работы межведомственной рабочей группы по борьбе с неуставными проявлениями, рукоприкладством и иными насильственными преступлениями представителями органов военной прокуратуры, военно-следственных органов и органов военного управления, свидетельствуют о том, что среди проявлений экстремизма для воинской среды наиболее характерны межнациональные конфликты в сфере межличностных отношений.

Командованием на основе рекомендаций данной рабочей группы были приняты меры по созданию безопасных условий службы для военнослужащих, по сплочению воинских коллективов и предупреждению нарушений уставных правил взаимоотношений, а органами военной прокуратуры – меры по повышению уровня право-

вой грамотности военнослужащих. В результате этой деятельности количество неуставных проявлений среди военнослужащих сократилось почти на 19 %, в том числе в Вооруженных Силах Российской Федерации – на 40,9 %. Улучшение микроклимата в воинских коллективах способствовало уменьшению числа уклонений от военной службы на 30,4 %. Вместе с тем, деятельность командования ряда соединений и воинских частей по профилактике воинских преступлений остается на низком уровне. По-прежнему выявляются факты их сокрытия. Так, военными прокурорами отменено 1,5 тыс. постановлений органов дознания воинских частей об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам правонарушений в сфере межличностных отношений. Свыше тысячи воинских должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности по представлениям, внесенным в адрес правомочного командования.

В связи с вышесказанным складывающаяся обстановка требует от представителей органов военной прокуратуры принятия эффективных мер, направленных на активизацию профилактических мер и организацию работы по предупреждению преступлений экстремистской направленности среди военнослужащих⁶.

Предупреждение преступлений, в том числе экстремистской и террористической направленности, – особый вид социальной деятельности, которая осуществляется путем нейтрализации или устранения криминогенных факторов, т. е. причин и условий совершения преступлений, или формирования (стимулирования) антикриминогенных факторов. Чаще всего «предупреждение» и «профилактика» рассматриваются как синонимы, но некоторые авторы проводят различие между понятиями «предупреждение» и «профилактика» соответственно стадиям совершения преступления. С этой точ-

⁴ Часть 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

⁵ Меркурьев В.В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. № 3 (53). С. 52.

⁶ В Южном военном округе состоялся Первый открытый форум военной прокуратуры [Электронный ресурс]. URL: <http://gvp.gov.ru/uvo/news/view/1731/> (дата обращения: 22.05.2017).

ки зрения предупреждение как более широкое понятие включает в себя профилактику (стадия формирования намерения), предотвращение (стадия приготовления), пресечение (стадия покушения)⁷.

Следует отметить, что проникновение идей экстремизма в воинскую среду в последнее время имело место лишь в виде единичных случаев совершения правонарушений и преступлений экстремистской направленности. Прежде всего, это связано с тем, что на современном этапе основные усилия военных прокуроров сконцентрированы на повышении эффективности координации деятельности правоохранительных органов и органов военного управления по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений экстремистской направленности в армейской среде. Превентивная направленность прокурорского надзора, наряду с активизацией ведомственной профилактики в целом, способствует недопущению межнациональных конфликтов и случаев религиозной розни⁸.

С указанной целью на постоянной основе проводятся межведомственные оперативные совещания, на которых утверждаются планы совместных действий органов военного управления и уголовного преследования по предупреждению терроризма на военных объектах и противодействию экстремизму в воинской среде на определенные периоды времени. Принимаются дополнительные меры по активизации оперативно-розыскной деятельности в данном направлении. Согласно указанным планам командованием поднадзорных воинских частей, сотрудниками военно-правоохранительных органов проводится комплекс мероприятий, направленных на максимально возможное уменьшение риска осуществления радикалами террористической деятельности на военных объектах, противодействие проникновению идеологии экстремизма в воинскую среду.

Представителями органов военной прокуратуры поручается командованием поднадзорных воинских частей пограничной службы ФСБ России усилить контроль за законностью применения миграционного законодательства воинскими подразделениями, непосредственно осуществляющими охрану Государственной границы Российской Федерации, в целях упреждения фактов незаконного проникновения через нее представителей экстремистских организаций (сообществ), а также ввоза на территорию страны литературы экстремистского содержания, оружия и др.

Кроме того, командованием воинских частей регулярно с участием военных прокуроров проводятся занятия с личным составом по изучению законодательства о противодействии экстремистской деятельности, военнослужащим доводится информация о преступном характере идеологии экстремизма. Также военные прокуроры принимают активное участие в информационно-пропагандистской работе, с этой целью проводятся конференции, семинары, круглые столы по профилактике экстремизма в армии.

В воинских частях и подразделениях большое значение имеет работа по сплочению воинских коллективов, в частности проведение Дней правовых знаний с участием прокуроров. В ходе проведения указанных мероприятий, в частности, обсуждаются причины и условия, способствующие возникновению проявлений политического, национального, религиозного и иных видов экстремизма.

Состояние проводимой работы по профилактике экстремизма и терроризма, а также по обеспечению боеготовности, сохранности оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ неоднократно обсуждалось на заседаниях межведомственных совещаний органов военного управления и уголовного преследования по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью.

⁷ Курганов С.И. Криминология: учеб. пособие. М., 2012. С. 82.

⁸ Трухин А.С., Ковыльченко Д.Г. Координирующая роль прокурора в противодействии незаконной миграции, экстремизму и правонарушениям в сфере федеральной безопасности // Законность. 2014. № 1.

Военные прокуроры, сотрудники органов безопасности и военных комиссариатов постоянно ведут целенаправленную работу по выявлению лиц с радикальными взглядами среди призывников и военнослужащих, а также проводят мониторинг средств массовой информации и Интернета для отслеживания фактов экстремистских проявлений среди военнослужащих. Так, например, в регионе N сотрудниками органов ФСБ России в период призыва на военную службу были выявлены молодые люди, которые придерживались неонацистских взглядов, в связи с чем они не были допущены до службы в воинских частях постоянной боевой готовности и на стратегических объектах Минобороны России.

В современной России политика средств массовой информации, программы которых изобилуют сценами насилия и жестокости, снижает в самой восприимчивой среде – современной молодежи – критический порог неприятия насильственных форм действий для достижения любых целей, в частности для разрешения социальных конфликтов. Это облегчает процесс вербовки молодых людей и подростков в различного рода масштабные асоциальные и экстремистские организации (объединения) в целях совершения правонарушений и преступлений (массовые беспорядки, хулиганские действия, совершение насильственных преступлений)⁹.

По результатам мониторинга Интернета работниками органов военной прокуратуры были выявлены случаи неуставных взаимоотношений среди военнослужащих на почве межнациональной розни, в результате были привлечены к уголовной ответственности военнослужащие, которые, изде-

ваясь над своими сослуживцами – военнослужащими более позднего срока призыва, писали краской на обритых головах новобранцев слова уничижительного либо экстремистского содержания и т. д., снимали этот процесс на фото- и видеоаппаратуру, а впоследствии разместили данную информацию в Интернете¹⁰.

По мнению работников органов военной прокуратуры, для профилактики групповых конфликтов с военнослужащими, призванными из регионов Северного Кавказа, командованию необходимо более равномерно распределять таких призывников по воинским частям и осуществлять за ними особый контроль¹¹.

В воинской среде, так же как и в целом по России, отмечаются тенденции распространения экстремистских материалов. Выявление таких правонарушений на ранних стадиях является надежным средством профилактики правонарушений и преступлений экстремистской направленности в дальнейшем.

Так, в связи с обращением в военную прокуратуру Владивостокского гарнизона военными прокурорами совместно с сотрудниками органов безопасности была проведена проверка одной из воинских частей, в ходе которой у военнослужащих были обнаружены и изъяты печатные издания – брошюра и публикация В. Гладкого в приложении к газете «Русские ведомости», пропагандирующие идеи расового превосходства. Суд согласился с позицией военного прокурора и выводами экспертов, признав данные материалы экстремистскими¹² (в процессе судебного следствия материалы были изъяты и уничтожены).

Основным направлением в профилактике экстремизма следует считать устранение

⁹ Булатов Б.Б., Курбанов М.А. Некоторые проблемы предупреждения экстремистской и террористической деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/586-problemy-preduprezhdeniya-ekstremizma> (дата обращения: 17.05.2017).

¹⁰ Военная прокуратура мониторит и пресекает экстремизм в армии [Электронный ресурс]. URL: <http://pn14.info/?p=83597> (дата обращения: 17.05.2017).

¹¹ Молодых В.Г. Актуальные вопросы законности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в армейской среде // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: опыт и современность: сб. материалов межведомств. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 280.

¹² Военная прокуратура добилась в судебном порядке признания материалов экстремистскими [Электронный ресурс]. URL: <http://gvp.gov.ru/news/view/611/> (дата обращения: 17.05.2017).

проявлений радикализма среди призывников и военнослужащих на ранних стадиях. К такого рода мероприятиям, в частности, относятся: разработка и реализация политики трудовой занятости в целях вовлечения молодежи в систему профессионального обучения, а также трудоустройство с расширением практики квотирования рабочих мест; расширение сети военно-патриотических, спортивных и других профильных лагерей с информационно-пропагандистским сопровождением их деятельности; активное и целенаправленное использование в средствах массовой информации материалов, разоблачающих идеологию экстремизма, привлечение к данной работе представителей общественности.

Можно отметить позитивный опыт Карачаево-Черкесии в профилактике экстремизма в молодежной среде и среди призывников. На эту тему в Общественной палате Карачаево-Черкесской Республики 15 мая 2017 г. прошел «круглый стол», где представители органов власти, духовенства, правоохранительных органов, национальных, молодежных и правозащитных общественных организаций обсудили сложившуюся в регионе ситуацию в сфере противодействия терроризму и экстремизму, а также выделили ключевые пути решения проблемы и меры профилактики экстремизма в молодежной среде¹³.

Полагаем, что для предупреждения проявлений экстремизма в армейской среде военным прокурорам необходимо обеспечить комплексный, системный надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности всеми компетентными органами, наделенными полномочиями в указанных сферах. По мнению руководителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, «практика показывает, что последовательная, наступательная позиция органов прокуратуры нередко яв-

ляется единственным залогом надлежащего исполнения этими органами возложенных на них законом обязанностей по профилактике экстремизма»¹⁴. Обязательными требованиями, предъявляемыми к общегосударственной системе мер профилактики экстремистских проявлений, должны стать: во-первых, их упреждающий характер, во-вторых, комплексность применения профилактических мер, заключающаяся в использовании всех возможных способов оказания положительного влияния на обстановку, и, наконец, в-третьих, единое управление на федеральном уровне, подчиненное общему стратегическому замыслу противодействия экстремизму в Российской Федерации.

Таким образом, профилактика экстремизма – приоритетное направление предупреждения экстремистских проявлений, заключающееся в выявлении, устранении, локализации факторов любой природы, способствующих совершению актов экстремизма и терроризма, или нейтрализации их негативного воздействия, а также корректирующем, сдерживающем воздействии на поведение лиц в воинском коллективе, динамика поведения которых свидетельствует о возможном совершении ими таких актов или вовлечении в экстремистскую деятельность.

В предупреждении и профилактике экстремизма требуется комплексный подход, который включал бы в себя меры регулирующего, запретительного и профилактического характера. Как показывает анализ международного и национального опыта по противодействию экстремизму, наиболее эффективными в этой области мерами являются совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности правоохранительных органов, усиление борьбы с финансированием экстремизма и терроризма, а также активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы в указанной сфере.

¹³ Позитивный опыт Карачаево-Черкесии в профилактике экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс]. URL: <http://arkhyz24.ru/net-terrorizmu/> (дата обращения: 17.05.2017).

¹⁴ При осуществлении прокурорского надзора особое внимание уделяем вопросам профилактики экстремизма и терроризма. Интервью с заместителем Генерального прокурора Российской Федерации В.Я. Гринем // Прокурор. 2012. № 3. С. 29.

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ
ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

(окончание, начало в № 7 за 2017 год)

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

КАССАЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ

Согласие истца с получением жилого помещения и последующие его действия, связанные с оплатой площади этого жилого помещения, превышающей норму предоставления, с достаточной очевидностью свидетельствуют об окончательном избрании им местом постоянного жительства после увольнения с военной службы соответствующего населенного пункта, в котором расположено жилье

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2017 года № 201-КГ17-1 по заявлению Ж. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 16 июня 2016 года отменено решение Одинцовского гарнизонного военного суда от 14 марта 2016 года об отказе в удовлетворении заявления Ж., в котором он просил признать незаконными утвержденные командиром воинской части решения жилищной комиссии воинской части от 30 ноября 2015 года и от 8 декабря 2015 года о признании истца в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве с 18 ноября 2015 года и учета его как подлежащего обеспечению жилым помещением в форме субсидии для приобретения или строитель-

ва жилого помещения (далее – жилищная субсидия) соответственно.

Суд апелляционной инстанции заявление удовлетворил, признал незаконными решение жилищной комиссии от 8 декабря 2015 года полностью, а решение от 30 ноября 2015 года – в части даты признания Ж. нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве, возложив на жилищную комиссию обязанность указать такой датой 11 августа 2005 года.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судами при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм материального права, вызвавшееся в следующем.

Из материалов дела следует, что Ж., признанному решением жилищной комиссии от 31 января 2005 года нуждающимся в жилом помещении на основании его рапорта от 27 января 2005 года и зачисленному с сентября 2005 года в распоряжение командира в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, решением жилищной комиссии от 17 декабря 2014 года в связи с увольнением в запас предложена для получения квартира в г. Люберцы Московской области, находившаяся с 25 июля 2014 года в оперативном управлении федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

После письменного согласия Ж. с получением указанной квартиры решением жилищной комиссии от 25 марта 2015 года она была распределена ему в собственность. Площадь жилого помещения, превышающая норму предоставления, истец оплатил за счет собственных средств.

Однако впоследствии Ж. от получения квартиры отказался, сославшись на недостатки произведенных в жилом помещении отделочных и монтажных работ, и 18 ноября 2015 года обратился с рапортом, в котором указал, что в соответствии с ранее поданным им по команде 11 августа 2005 года рапортом просит считать избранным постоянным местом жительства после окончания военной службы г. Москву.

Решением жилищной комиссии от 30 ноября 2015 года Ж. признан в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве с 18 ноября 2015 года и решением жилищной комиссии от 5 декабря 2015 года он учтен как подлежащий обеспечению жилым помещением в форме жилищной субсидии.

Отменяя решение гарнизонного военного суда о признании законными названных решений жилищной комиссии, суд апелляционной инстанции в обоснование указал, что при решении вопроса о жилищном обеспечении Ж. подлежал разрешению его рапорт не от 27 января 2005 года о признании нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы, а от 11 августа 2005 года о признании нуждающимся в жилом помещении в г. Москве или в г. Голицыно Московской области, тогда как предоставленное ему жилое помещение в г. Люберцы Московской области не находилось ни по месту его службы, ни по избранному месту жительства, а также превышало норму предоставления. С учетом изложенного факт отказа истца от указанного жилого помещения учету не подлежал.

Между тем окружным военным судом оставлено без внимания, что согласие Ж. с получением квартиры в г. Люберцы Мос-

ковской области и последующие его действия, связанные с оплатой площади жилого помещения, превышающей норму предоставления, с достаточной очевидностью свидетельствуют об окончательном избрании им местом постоянного жительства после увольнения с военной службы названного населенного пункта. Тем более что в судебном заседании Ж. пояснил, что для него не имело принципиального значения место обеспечения жильем именно в г. Москве или в г. Голицыно Московской области, поэтому в зависимости от месторасположения населенного пункта он не возражал против обеспечения его жилым помещением в г. Люберцы Московской области.

В связи с изложенным ссылка суда апелляционной инстанции на рапорт истца от 11 августа 2005 года о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Москве или в г. Голицыно Московской области является беспредметной. Необходимость учета такого рапорта командованием отпала с момента согласия истца с предоставленной ему квартирой в г. Люберцы Московской области.

Данное обстоятельство указывает на законность принятого жилищной комиссией решения от 30 ноября 2015 года о признании истца в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве именно с 18 ноября 2015 года, т.е. с момента повторного обращения в жилищную комиссию.

Основано на законе и решение жилищной комиссии от 5 декабря 2015 года об учете Ж. как подлежащего обеспечению жилым помещением в форме жилищной субсидии, поскольку согласно пункту 19 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, признанным нуждающимися в жилых помещениях, отказавшимся от предложенного жилого помещения, расположенного по месту военной службы или по избранному месту жительства, которое соответствует требовани-

ям, установленным законодательством Российской Федерации, а также изъявившим желание изменить ранее избранное место жительства, предоставляется жилищная субсидия.

Что касается мотивов отказа от получения предоставленной Ж. квартиры, то вступившим в законную силу решением Одинцовского гарнизонного военного суда от 5 февраля 2016 года такой отказ был признан необоснованным ввиду соответствия жилого помещения предъявляемым к нему требованиям и отсутствия заключения межведомственной комиссии о признании его непригодным для проживания.

Следовательно, факт отказа истца от предоставленного жилого помещения, вопреки выводу окружного суда, подлежал учету при решении вопроса о предоставлении ему жилищной субсидии.

На основании изложенного Судебная коллегия нашла, что решение гарнизонного военного суда о необоснованности требований Ж. является законным, а вывод суда апелляционной инстанции об обратном основан на неправильном применении норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 16 июня 2016 года по административному исковому заявлению Ж. и оставила в силе решение Одинцовского гарнизонного военного суда от 14 марта 2016 года по административному исковому заявлению Ж.

Учитывая, что гражданину на праве собственности могут принадлежать несколько жилых помещений и проживать он может в любом из них, вселение им в качестве членов семьи других лиц в одно из жилых помещений, в котором он не проживает, свидетельствует об отнесении этих лиц к членам семьи собственника жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 года

№ 210-КГ16-26 по заявлению Л. (извлечение)

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 17 марта 2016 года Л. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными действия начальников федерального государственного казенного учреждения «Северное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление) и филиала № 1 федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Мурманской области», связанные с отказом в принятии на жилищный учет члена его семьи – супруги.

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 6 мая 2016 года решение суда первой инстанции отменено и по делу принято новое решение, которым на начальника Управления возложена обязанность поставить жену административного истца на жилищный учет в составе его семьи. Основанием для такого решения послужил вывод о том, что Лобанова Е.С. применительно к статье 31 ЖК РФ членом семьи собственника жилого помещения не является, так как совместно с ним не проживает.

В кассационной жалобе начальник Управления просил отменить принятое по делу апелляционное определение и оставить в силе решение суда первой инстанции ввиду того, что жена административного истца обеспечена жильем свыше учетной нормы в качестве члена семьи собственника жилого помещения, поскольку зарегистрирована и вселена в соответствующем статусе в жилое помещение, принадлежащее ее матери.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела следует, что Л., проходящий военную службу по контракту с

декабря 1994 года, 31 мая 2006 года признан нуждающимся в жилом помещении. 20 июня 2009 года административный истец заключил брак с гражданкой М., которой была присвоена фамилия Л-а.

В мае 1999 года мать супруги административного истца М.Я. приобрела в собственность трехкомнатную квартиру общей площадью 60,9 кв.м, в которую 15 июля 1999 года вселила свою дочь М. (Л-ву) в качестве члена семьи с регистрацией по указанному адресу.

После заключения административным истцом брака с Л-вой они проживали в указанной квартире, а после приобретения М.Я. в июле 2011 года в собственность еще одной квартиры, переселились в нее с заключением между М.Я. и Л. договора найма.

Решением начальника отдела № 3 федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации от 24 ноября 2015 года отказано во включении жены административного истца в Единый реестр военнослужащих, принятых на учет нуждающихся в жилых помещениях. Основанием для такого решения послужило сохранение супругой административного истца прав члена семьи собственника жилого помещения – трехкомнатной квартиры общей площадью 60,9 кв. м, – принадлежащего ее матери.

Удовлетворяя требования административного истца, суд апелляционной инстанции исходил из того, что применительно к положениям статьи 31 ЖК РФ Л-ва не является членом семьи собственника жилого помещения (матери), поскольку с 2011 года проживает совместно с мужем на основании договора найма жилого помещения в иной (второй) квартире, также принадлежащей ее матери квартире.

При этом судом оставлено без внимания, что Л-ва вселена в первую квартиру в качестве члена семьи своей матери.

Кроме того, из договора найма, заключенным между М.Я. и Л., не следует, что

Л-ва вселяется в квартиру не как член семьи собственника жилого помещения, а в ином качестве и ей каким-либо образом ограничивалось право пользования этим жильем.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно части 1 статьи 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника.

Следовательно, Л-ва с июля 1999 года является членом семьи собственника жилого помещения.

Что касается вселения Л-вой в другую (вторую) квартиру, принадлежащую ее матери на праве собственности, то какого-либо соглашения с собственником, определяющего ее права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ, в материалах не имеется, что с учетом положений части 1 статьи 31 ЖК РФ свидетельствует о том, что как член семьи собственника жилого помещения она вселена и в принадлежащую М.Я. квартиру и как член ее семьи согласно части 2 статьи 31 ЖК РФ имеет право пользования данным жилым помещением наравне с собственником.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что собственник квартиры М.Я. проживает отдельно от своей дочери, не опровергает факт вселения собственником М.Я. в жилое помещение в качестве члена семьи своей дочери с учетом того, что гражданину на праве собственности могут принадлежать несколько жилых помещений и проживать он может в любом из них, а не только в том жилом помещении, в котором проживают вселенные им в качестве членов семьи другие лица.

Тем более что проживание Л-вой в первой квартире с учетом установленных данных не свидетельствует об утрате ею прав члена семьи собственника жилого помещения по месту регистрации.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отме-

нила апелляционное определение Северного флотского военного суда от 6 мая 2016 года и оставила в силе решение Североморского гарнизонного военного суда от 17 марта 2016 года по административному исковому заявлению Л.

Оставление судом без внимания, что обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, повлекло отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2017 года № 202-КГ16-16 по заявлению А. (извлечение)

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2015 года А. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным решение федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Западрегионжилье») об исключении из списка на предоставление служебного жилого помещения.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 21 апреля 2016 года решение суда отменено и по делу принято новое решение, которым административный иск удовлетворен.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя ФГКУ «Западрегионжилье», Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в связи с существенным нарушением норм материального права апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 21 апреля 2016 года и оставила в силе решение Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2015 года об отказе в удовлетворении административного искового заявления А., приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела усматривается, что А., включенный в составе семьи из трех человек в списки на предоставление служебного жилого помещения, прибыв в июле 2015 года к новому месту военной службы, продолжил ее прохождение в воинской части, дислоцированной в поселке Горелово г. Санкт-Петербурга.

При этом в апреле 2015 года А. с использованием денежных средств, полученных им в рамках участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, приобрел в собственность двухкомнатную квартиру, расположенную в г. Всеволожске Ленинградской области.

Решением исполняющего обязанности заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилье», оформленным уведомлением от 20 октября 2015 года, А. с членами семьи исключен из списка на предоставление служебного жилья.

Поводом для исключения А. из указанного списка явилось наличие у него в собственности жилого помещения в сопредельном с местом прохождения военной службы населенном пункте – г. Всеволожске Ленинградской области.

Административный истец, полагая, что его проживание в г. Всеволожске создает значительные затруднения в повседневном исполнении им обязанностей военной службы и препятствует своевременному прибытию к месту службы, оспорил решение жилищного органа в судебном порядке.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и удовлетворяя заявленные иски, исходил из того, что проживание А. в имеющемся у него в собственности жилом помещении в г. Всеволожске не исключало возможности претендовать на получение служебного жилья в г. Санкт-Петербурге с учетом затрачиваемого им времени и других обстоятельств, затрудняющих его своевременное прибытие к месту службы.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном толковании закона.

В суде установлено, что А. обеспечен по установленным нормам жильем в г. Всеволожске Всеволожского района Ленинградской области в непосредственной близости от административной границы г. Санкт-Петербурга. При этом возможность регулярного перемещения из г. Всеволожска в г. Санкт-Петербург и обратно обеспечивается разветвленной транспортной инфраструктурой, позволяющей выбрать различные способы и маршруты движения.

В соответствии с частью 2 статьи 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются по установленным названным кодексом основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населенном пункте.

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и проживающим совместно с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населенных пунктах – в других близлежащих населенных пунктах.

Исходя из системного толкования приведенных положений законодательства обеспеченность военнослужащего жильем в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населенном пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, а поэтому обстоятельства, на которые имеется ссылка в апелляционном определении, юридически значимыми для данного дела не являются.

При таких обстоятельствах дела оснований для удовлетворения административно-

го искового заявления не имелось, поскольку решением жилищного органа об исключении А. из списка на предоставление служебного жилого помещения права и законные интересы последнего, которые подлежали бы восстановлению, не нарушены.

Лица, вселенные военнослужащим в качестве членов семьи в нанимаемое им жилое помещение при невозможности предоставления им служебного жилого помещения, приобретают права, равные с нанимателем данного жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 года № 201-КГ16-53 по заявлению Л. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 9 июня 2016 года отменено решение Смоленского гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года об удовлетворении административного искового заявления Л., в котором он просил признать незаконным решение начальника отделения (территориальное, г. Смоленск) федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – территориальное отделение) от 15 января 2016 года о снятии сына его супруги от первого брака К. с учета нуждающихся в служебном жилом помещении в связи с непредоставлением справки о составе семьи, подтверждающей факт включения К. в личное дело административно-го истца в качестве члена семьи.

По делу принято новое решение об отказе Л. в удовлетворении административного искового заявления.

Рассмотрев материалы дела по доводам кассационной жалобы Л., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Л., заключивший первый контракт после 1 янва-

ря 1998 года, проходит военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Смоленске.

Решением начальника территориального отделения от 16 августа 2013 года Л. признан нуждающимся в получении служебного жилого помещения на состав семьи из 4 человек (административный истец, супруга, его сын и сын супруги от первого брака К.).

Уведомлением начальника территориального отделения от 15 января 2016 года Л. сообщено об исключении сына его супруги от первого брака из списка нуждающихся в обеспечении служебным жильем в связи с непредоставлением справки о составе семьи, подтверждающей факт включения К. в личное дело административного истца как члена семьи военнослужащего.

Данное решение должностного лица Л. оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что при решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение служебным жилым помещением от Министерства обороны Российской Федерации, необходимо руководствоваться положениями ЖК РФ.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая новое об отказе в удовлетворении административного искового заявления, окружной военный суд указал, что при решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение служебным жилым помещением, необходимо руководствоваться пунктом 5 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», который содержит перечень лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего. Поскольку между Л. и К. отсутствует кровное родство, каких-либо данных о том, что последний находится на иждивении административного истца, не имеется, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворении заявленных требований.

Однако такой вывод окружного военного суда основан на неправильном применении норм материального права.

Из пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» следует, что военнослужащие, поступившие на военную службу после 1 января 1998 года, и совместно проживающие с ним члены их семей на весь срок военной службы обеспечиваются служебными жилыми помещениями в соответствии с нормами, установленными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Порядок обеспечения военнослужащих служебными жилыми помещениями регулируется Инструкцией о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, служебных жилых помещений, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 года № 1280 (далее – Инструкция).

Пунктом 2 Инструкции установлено, что для получения служебного жилого помещения военнослужащему следует подать заявление в структурное подразделение уполномоченного органа, к которому приложить необходимые документы, в том числе справку о составе семьи.

Из материалов дела следует, что в 2013 году в установленном порядке Л. обратился с соответствующим заявлением в территориальное отделение, приложив справку от 22 мая 2013 года, подписанную командиром воинской части, о том, что в состав его семьи входит К., 1996 года рождения. Т.е. на момент принятия на учет нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями необходимые документы Л. были представлены.

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что К. утратил право претендовать на обеспечение служебным жилым помещением в качестве члена семьи военнослужащего Л., является необоснованным по следующим причинам.

При решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильем, следует руководствоваться нормами ЖК РФ, по смыслу которых, к членам семьи военнослужащего могут относиться не только родственники, но и иные совместно проживающие с ним лица.

Так, согласно части 5 статьи 100 ЖК РФ к пользованию специализированными жилыми помещениями применяются правила, предусмотренные статьей 65, частями 3 и 4 статьи 67 и статьей 69 ЖК РФ.

Из содержания названных норм следует, что члены семьи нанимателя специализированного жилого помещения имеют равные с нанимателем права и обязанности.

Часть 1 статьи 70 ЖК РФ устанавливает, что на вселение к родителям их несовершеннолетних детей не требуется согласие остальных членов семьи нанимателя и согласие наймодателя.

Из материалов дела усматривается, что в марте 2000 года Л. заключил брак с Л-вой, совместно с которой проживал ее несовершеннолетний сын – К.

Таким образом, с 2000 года, в том числе на момент постановки на учет нуждающихся в обеспечении служебным жилым помещением в 2013 году, К., реализуя предусмотренное частью 2 статьи 54 СК РФ право ребенка жить и воспитываться в семье, совместно проживал со своей матерью и Л., что подтверждается их совместной регистрацией по адресу воинской части, договорами найма жилого помещения от 1 января 2015 года и 1 января 2016 года, из которых следует, что К. вселен в арендуемое Л. жилое помещение в качестве члена семьи, а также свидетельствами о регистрации по месту пребывания и копией домовой книги.

Вопреки выводам суда апелляционной инстанции, по смыслу взаимосвязанных положений пунктов 1 и 3 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», части 5 статьи 100, статьи 65, частей 3 и 4 статьи 67 и статьи 69 ЖК РФ лица,

вселенные военнослужащим в качестве членов его семьи в такое жилое помещение при невозможности представления им служебного жилого помещения приобретают права, равные с нанимателем данного жилого помещения.

При этом, по смыслу пункта 3 статьи 15 указанного закона, проживание военнослужащих с членами семьи в жилых помещениях на условиях найма (поднайма) при отсутствии возможности предоставления им служебных жилых помещений с выплатой ежемесячной компенсации является одной из форм реализации жилищных прав военнослужащих, влекущей те же правовые последствия, что и совместное пользование этими лицами служебным жильем, в том числе право на улучшение жилищных условий.

На момент снятия К. с учета нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями сложившиеся ранее условия совместного проживания в составе семьи названных выше лиц не изменились.

Следовательно, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для признания права Л. на обеспечение служебным жилым помещением с учетом К. является ошибочным.

По тем же основаниям является несостоятельным утверждение о том, что правом на обеспечение жилым помещением обладают лишь члены семьи военнослужащего, указанные в пункте 5 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 9 июня 2016 года и оставила в силе решение Смоленского гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года по административному исковому заявлению Л.

Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные

организации или военные образовательные организации высшего образования

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 208-КГ16-42 по заявлению З. (извлечение)

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 года, удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)» (далее – ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приемной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя.

В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками и были обусловлены поступлением в военно-учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 года для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 года для прохожде-

ния профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных командировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В связи с этим суды, руководствуясь пунктами 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185, пришли к выводу о том, что положения подпунктов «г» и «д» пункта 125 Порядка, утвержденного приказом № 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют свое действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 года пребывал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов.

Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с частью 1 статьи 19 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения.

Порядок и условия приема в образовательные организации высшего образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185 (далее – Порядок).

Согласно пунктам 8, 20, 30 Порядка прием на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренных Порядком (далее – предварительный отбор), а также определению их способности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее – профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приема в вуз приемными комиссиями высших военно-учебных заведений, в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приема в образовательные организации высшего образования.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с пунктом 125 приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотноше-

ний) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуре, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют свое действие также на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренном пунктом 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Кроме того, в соответствии с абзацем четвертым пункта 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 года № 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу.

Только при наличии всех перечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке.

Из материалов же дела не усматривается, что направление З. в период с 4 по 14 февраля 2015 года для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 года для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение З. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 года является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой.

С учетом этого оснований для компенсации З. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными.

Применение судами пунктов 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами материального права – приказами Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700, а также от 2 мая 2012 года № 1055 «О планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий».

Приведя указанные доводы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 года и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 года по заявлению З. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Акт проверки отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части может быть ос-

порен в порядке административного судопроизводства должностными лицами, на которых возложены обязанности по устранению установленных нарушений

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 211-КГ17-5 по заявлению А. (извлечение)

Определением 35 гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 17 мая 2016 года, прекращено производство по административному исковому заявлению начальника федерального государственного казенного учреждения Министерства обороны Российской Федерации (далее – ОМИС) о признании незаконными сведений, изложенных в ряде пунктов акта проверки Межрегионального управления Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (по Восточному военному округу) (далее – КФИ) от 24 ноября 2015 года, о встречной проверке отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника ОМИС, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в 35 гарнизонный военный суд в ином составе суда, указав в обоснование следующее.

Как следует из материалов дела, на основании приказа начальника Межрегионального управления Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (по Восточному военному округу) ревизионной группой проверены отдельные вопросы финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС и по результатам составлен акт от 24 ноября 2015 года, в котором отмечены допущенные нарушения, определен размер причиненного материального ущерба, высказаны предложения об устранении нарушений и возмещении ущерба.

Административный истец, посчитав, что изложенные в акте требования по устранению выявленных в результате проверки нарушений возложены на него как на руководителя организации незаконно и необоснованно, обратился в гарнизонный военный суд с иском, в котором выражал несогласие с изложенными в акте сведениями о непринятии в ОМИС решений по дебиторской задолженности, незаконной выплате заработной платы двум лицам гражданского персонала, неудовлетворительной работе по актуализации арендных ставок по договорам аренды зданий и помещений военного ведомства, о наличии утрат и недостач материальных ценностей, непринятии мер по пресечению бездоговорного безвозмездного использования коммерческими предприятиями федерального имущества, а также с выводами ревизоров о размере ущерба и предложениями начальнику ОМИС по принятию мер для устранения нарушений.

Принимая решение о прекращении производства по делу на основании пункта 1 части 1 статьи 194 и части 2 статьи 225 КАС РФ, гарнизонный военный суд исходил из того, что содержащаяся в акте информация права, свободы и законные интересы административного истца не затрагивает, поскольку к какой-либо ответственности за нарушения, отраженные в акте, он не привлекался, и акт не содержит властного волеизъявления, порождающего для административного истца правовые последствия.

Такой вывод основан на неправильном применении норм процессуального права.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если полагают, что наруше-

ны или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

Судом установлено, что требования об устранении выявленных в ходе проверки нарушений, содержащиеся в оспариваемом акте, обращены к начальнику ОМИС как к руководителю данной организации, ответственному за контроль финансово-экономической и хозяйственной деятельности вверенного ему подразделения.

При этом оспоренные истцом сведения акта констатируют определенные нарушения, допущенные в финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС, содержат требования и предложения, обращенные к руководителю названной организации, об устранении нарушений и возмещении ущерба.

Согласно разделу 4 приказа Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 года № 333 «Об утверждении Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооруженных Силах Российской Федерации» исполнение акта проверки финансово-экономической и хозяйственной деятельности части (подразделения) для соответствующего командира войсковой части (руководителя подразделения) является обязательным.

Таким образом, содержание оспариваемого акта свидетельствует о том, что он непосредственно затрагивает права и возлагает определенные обязанности на начальника ОМИС по устранению нарушений, установленных ревизией, а поэтому подлежит обжалованию в порядке административного судопроизводства, предусмотренном главой 22 КАС РФ.

Непривлечение начальника ОМИС к какой-либо ответственности по результатам проверки возглавляемой им организации, вопреки ссылке гарнизонного военного суда, не является препятствием для его обращения в суд с иском об обжаловании акта проверки.

Несмотря на указанные обстоятельства, доводы начальника ОМИС, приведенные в обоснование незаконности оспоренного акта, остались без правовой оценки суда.

С учетом изложенного применение судом в качестве основания прекращения производства по делу пункта 1 части 1 статьи 194 КАС РФ, определяющего прекращение производства в случае, если административное дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке административного производства, является ошибочным.

Кроме того, неправильным является и применение судом в качестве основания прекращения производства по делу части 2 статьи 225 КАС РФ, поскольку в материалах дела отсутствуют сведения о том, что оспариваемый акт отменен, пересмотрен либо перестал затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

При таких данных суду надлежало по существу дать оценку доводам административного истца с точки зрения соблюдения его прав и законных интересов при вынесении оспоренного акта проверки, чего сделано не было.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Признавая лицо виновным в участии в период с 6 ноября 2011 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ, суд не учел, что самостоятельная уголовная ответственность за совершение этого преступления установлена Федеральным законом от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ лишь с 14 ноября 2013 года, с момента вступления в силу названного закона

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2017 года № 203-АПУ17-4 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Приволжского гарнизонного военного суда от 22 декабря 2016 года

М. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ) к лишению свободы сроком на 4 года 6 месяцев. На основании статьи 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 3 года и с возложением обязанностей, указанных в приговоре.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила по следующим основаниям.

Признавая М. виновным в участии в период с 6 ноября 2011 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ, суд не учел, что самостоятельная уголовная ответственность за совершение этого преступления установлена Федеральным законом от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ лишь с 14 ноября 2013 года, с момента вступления в силу названного закона.

Следовательно, исходя из положений статей 9 и 10 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет, действия М., связанные с участием в деятельности террористической организации до 14 ноября 2013 года, не могли быть квалифицированы по части 2 статьи 205⁵ УК РФ.

Указанные действия М. подлежали квалификации по части 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) как участие в деятельности экстремистской организации, поскольку в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская дея-

тельность (экстремизм) включает в том числе публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность.

Поскольку названные действия фактически вменялись осужденному в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает его положения и не нарушает права на защиту, Судебная коллегия нашла необходимым изменить М. обвинение и квалифицировать его действия за период до 14 ноября 2013 года по части 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ).

В связи с тем, что со дня совершения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), являвшегося преступлением небольшой тяжести, прошло более двух лет и при отсутствии в материалах дела данных об уклонении осужденного от следствия, Судебная коллегия на основании пункта «а» ч. 1 статьи 78 УК РФ посчитала М. подлежащим освобождению от отбывания наказания, назначенного за данное преступление, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Что касается квалификации действий М., выразившихся в участии в период с 14 ноября 2013 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, по части 2 статьи 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ), то она является правильной.

Кроме того, обосновывая необходимость назначения осужденному лишения свободы условно, суд первой инстанции в приговоре признал обстоятельствами, смягчающими его наказание, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, наличие малолетнего ребенка и указал, что М. ранее к уголовной ответственности не привлекался, по месту работы и жительства характеризуется положительно,

чистосердечно раскаялся в содеянном, вину признал полностью, длительное время содержался под стражей, а также принял во внимание, что дело рассматривается в особом порядке при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве.

При этом суд оставил без внимания, что в соответствии с частью 3 статьи 60 УК РФ при назначении наказания помимо личности виновного учету подлежит характер и степень общественной опасности совершенного преступления.

Из материалов дела следует, что М. в течение длительного времени являлся членом террористической организации, давшим клятву верности, т.е. «хизбием», и помимо выполнения общих обязанностей он обучал идеологии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» других членов террористической организации, а также работал в аналитическом центре террористической организации в г. Уфе, где готовил письменные материалы, которые использовались в качестве прокламаций.

Кроме того, судом без должного внимания оставлено то обстоятельство, что преступная деятельность М. была пресечена его задержанием 4 февраля 2015 года, длительное время он вину не признавал, а признательные показания дал только 28 октября 2015 года, после изобличения его органами следствия собранными по делу доказательствами.

При таких данных роль и длительность участия М. в террористической организации, характер выполняемых в ней функций и его личность указывают на повышенную общественную опасность совершенного им преступления и, вопреки выводу суда, не свидетельствуют о том, что цели наказания осужденного могут быть достигнуты без его изоляции от общества.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила:

признала М. виновным в совершении в период с 6 ноября 2011 года по 13 ноября 2013 года преступления, предусмотренно-

го частью 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), на основании которой назначила ему наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб.;

освободила М. от наказания, назначенного по части 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования;

его же признала виновным в совершении в период с 14 ноября 2013 года по 4 февраля 2015 года преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ), на основании которой назначила ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

По аналогичным основаниям апелляционным определением Судебной коллегии по делам военнослужащих от 9 марта 2017 года № 203-АПУ17-5 изменен приговор Приволжского окружного военного суда от 28 декабря 2016 года в отношении Г.

Отменяя приговор в части назначения Г. условного осуждения и назначая ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, Судебная коллегия помимо прочего указала, что осужденный в течение длительного времени являлся членом террористической организации, давшим клятву верности, т.е. «хизбием», и помимо общих обязанностей выполнял обязанности помощника руководителя группы («масуля») террористической организации, занимался подготовкой преподавателей и просвещением участников этой организации.

Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению

от уголовной ответственности по статьям 222 и 222¹ УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2017 года № 205-АПУ17-7 по уголовному делу в отношении Т. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 года Т. признан виновным в том числе в незаконных хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершенных организованной группой, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 222 УК РФ и частью 3 статьи 222¹ УК РФ.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: на основании примечания к статье 222¹ УК РФ в части осуждения Т. по части 3 статьи 222¹ УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к статье 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по части 3 статьи 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при проверке его показаний; смягчила Т. наказание по части 3 статьи 222 УК РФ и по совокупности других преступлений.

В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 года получил от руководителя незаконного вооруженного формирования автомат АК-74, боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 года, после чего дополнительно получил у

другого участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 года.

Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъяты 16 июня 2016 года в ходе проверки показаний Т.

Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы – пять магазинов, снаряженных 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооруженного формирования 12 апреля 2015 года, с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной ответственности по всему объему обвинения по части 3 статьи 222 УК РФ не имеется.

Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из осуждения Т. на основании примечаний к статьям 222 и 222¹ УК РФ обвинения в ношении и хранении предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 года в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов – одного автомата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства – запала УЗРГМ-2), являются обоснованными.

Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется.

Тот факт, что названные предметы были изъяты в ходе проверки показаний Т., не исключает возможности применения примечаний к статьям 222 и 222¹ УК РФ, по-

скольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осужденного о месте их хранения, т.е. после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к статьям 222 и 222¹ УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довел до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовной ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 205-АПУ17-4 по уголовному делу в отношении К. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 года К. признан виновным и осужден за склонение двух граждан к совершению преступления, предусмотренного статьей 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описа-

тельно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования.

Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Между тем в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится.

Кроме того, согласно части 2¹ статьи 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательствах, отвечающих требованиям закона.

При назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим

возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

В срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей засчитывается время принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2017 года № 201-АПУ17-3сс по уголовному делу в отношении Г. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 3 ноября 2016 года, Г. и С. осуждены по части 3 статьи 30, части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), а Г-в и Ф. – по по части 5 статьи 33, части 3 статьи 30, части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), все к лишению свободы со штрафом.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из приговора указание о назначении осужденным дополнительного наказания в виде штрафа, указав следующее.

Дополнительное наказание в виде штрафа согласно санкции части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ) не является обязательным, при этом необходимость его назначения осужденным в приговоре не мотивирована.

Это не соответствует положениям пункта 4 статьи 307 УПК РФ, а также разъяснениям, данным в пункте 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 59 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», о том,

что при назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

Также Судебная коллегия изменила приговор в отношении Ф. и по другим основаниям.

В силу пункта 3 части 10 статьи 109, пункта 9 части 1 статьи 308 УПК РФ в срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей засчитывается время принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях; решение о зачете времени предварительного содержания под стражей суд должен принимать с учетом времени фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, применения к нему соответствующей меры пресечения или времени, когда лицо помещалось в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Из материалов дела усматривается, что на основании постановления судьи районного суда г. Москвы обвиняемая Ф. была в порядке части 2 статьи 203 УПК РФ помещена в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской экспертизы. Срок помещения Ф. в медицинскую организацию исчислен с момента вынесения постановления. Как следует из заключения судебно-медицинских экспертов от 29 июля 2010 года экспертиза в отношении Ф. производилась по 29 июля 2010 года.

Принимая решение о зачете времени предварительного содержания Ф. под стражей суду следовало учесть период ее поме-

щения в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, с 23 июня по 29 июля 2010 года, что не сделано.

При таких обстоятельствах в срок содержания Ф. под стражей необходимо включить период с 23 июня по 29 июля 2010 года.

Судебная коллегия также нашла необходимым изменить приговор в отношении Ф. в части основного наказания, о чем поставлен вопрос в апелляционном представлении государственного обвинителя.

Из положений статей 6, 43 и части 1 статьи 60 УК РФ следует, что назначенное наказание должно быть справедливым, оно применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. При этом необходимо учитывать, как будет влиять наказание на условия жизни семьи осужденного.

Указанные требования уголовного закона по настоящему уголовному делу судом первой инстанции соблюдены не в полной мере.

Суд в должной степени не принял во внимание наличие у Ф. двух малолетних детей, один из которых является инвалидом с детства, страдает тяжелым заболеванием. Сама Ф. страдает рядом заболеваний, подтвержденных имеющимися в деле медицинскими документами, к уголовной ответственности привлекается впервые, ранее ни в чем предосудительном замечена не была, характеризуется только с положительной стороны. Недостаточно учтена судом роль Ф. в преступлении, с момента совершения которого прошло значительное время.

При таких обстоятельствах назначение судом Ф. реального лишения свободы ввиду тяжести не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновной и целям наказания, определенным в статье 43 УК РФ.

В связи с изложенным, учитывая совокупность приведенных смягчающих наказание обстоятельств и отсутствие обстоятельств,

отягчающих наказание, Судебная коллегия определила: на основании статьи 73 УК РФ считать назначенное Ф. наказание условным.

При признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 205-АПУ16-30 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 24 октября 2016 года, М. признан виновным и осужден за публичное оправдание терроризма и за действия, направленные на возбуждение вражды по признаку отношения к религии, а также принадлежности к социальной группе (представителей власти и сотрудников правоохранительных органов), совершенные публично.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционным жалобам защитников осужденного, приговор изменила: исключила из приговора указания о судимости М. по приговору Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 16 марта 2015 года; о признании в его действиях отягчающего наказания обстоятельства – рецидива преступлений и назначении наказания с применением статьи 68 УК РФ; смягчила наказание, назначенное М. по части 1 статьи 282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ, от 3 февраля 2014 года № 5-ФЗ), по части 1 статьи 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) и по совокупности преступлений.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия по делам военнослужащих указала следующее.

Согласно пункту «а» части 4 статьи 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести.

Суд признал обстоятельством, отягчающим наказание М., его судимость по приговору Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 16 марта 2015 года, на основании которого он был осужден по части 1 статьи 282 УК РФ к штрафу в размере 150 000 руб.

Как указано в приговоре, преступление М. совершил примерно в июле 2012 года, выступив на пятничной проповеди в мечети с призывами, направленными на возбуждение вражды, а также унижение достоинства человека и группы лиц по признакам отношения к религии.

По действовавшему в то время уголовному закону это деяние относилось к категории преступлений небольшой тяжести, в связи с чем, а также в силу требований части 1 статьи 9, части 1 статьи 10 УК РФ судимость за его совершение не образует рецидив преступлений по настоящему уголовному делу.

Принятие решения о взыскании процессуальных издержек возможно только в судебном заседании, при этом осужденному должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2017 года № 201-АПУ17-1 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 26 октября 2016 года осужден за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 205² УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), к лишению свободы сроком на три года с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в части решения о взыскании с осужденного процессуальных издержек в

сумме 158 000 руб. за производство судебных экспертиз отменила ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона и направила дело в этой части на новое рассмотрение в тот же суд, указав в обоснование следующее.

В соответствии с пунктом 13 части 1 статьи 299 УПК РФ при постановлении приговора суд помимо вопросов, указанных в данной статье, разрешает вопрос, на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки. При этом согласно требованиям части 6 статьи 132 УПК РФ при взыскании процессуальных издержек с осужденного суд должен учитывать его имущественное положение.

Принятие решения о взыскании процессуальных издержек возможно только в судебном заседании, при этом осужденному должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения.

Однако данные требования закона судом не выполнены.

Как следует из материалов дела, вопрос о взыскании процессуальных издержек с М.

в судебном заседании на обсуждение сторон не выносился, какие-либо доказательства, подтверждающие рассмотрение вопроса о взыскании расходов на производство судебных экспертиз, в судебном заседании не исследовались. Данных о том, что судом осужденному разъяснялись положения статей 131, 132 УПК РФ, не имеется, в связи с чем он был лишен возможности по вопросу о взыскании процессуальных издержек довести до сведения суда свою позицию относительно размера взыскиваемых процессуальных издержек с учетом своего материального положения.

В приговоре отсутствуют мотивы в обоснование решения о взыскании с осужденного расходов на производство судебных экспертиз, а также оценка оснований их производства вне служебного задания.

Судебная коллегия по делам военнослужащих указала, что при новом рассмотрении вопроса о взыскании процессуальных издержек с осужденного суду необходимо учесть изложенные выше обстоятельства, проверить основания производства экспертиз вне служебного задания и постановить законное и обоснованное решение.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2017)

(утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации
12 июля 2017 г.)
(извлечение)

Президиум Верховного Суда Российской Федерации

Разрешение споров, связанных с трудовыми и пенсионными отношениями

10. Право работника на подготовку и дополнительное профессиональное образование реализуется путем заключения дополнительного договора между работником и работодателем.

Расходы, понесенные работником в связи с прохождением им по собственной инициа-

тиве обучения, компенсации за счет работодателя не подлежат.

Я. обратился в суд с иском к войсковой части, управлению финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по субъекту Российской Федерации (далее - УФО), федеральному казен-

ному учреждению “Объединенное стратегическое командование Восточного военного округа” (далее - ФКУ) о взыскании за счет средств, выделяемых на финансирование войсковой части, расходов на обучение, оплату услуг представителя, оформление нотариальной доверенности и компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Я. ссылался на то, что на основании трудового договора он работает в должности второго электромеханика войсковой части. Для занятия данной должности ему необходимо наличие рабочего диплома, который требуется периодически подтверждать или заменять, в связи с чем истец обращался с рапортами на имя командира части о выдаче аванса под отчет с целью прохождения обучения для подтверждения рабочего диплома и, соответственно, с просьбой о включении его в график плана обучения. Поскольку истец не был направлен на обучение работодателем, он самостоятельно прошел обучение в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования за счет собственных денежных средств по соответствующей образовательной программе, что подтверждается документами.

После прохождения обучения Я. обратился к работодателю с заявлением о компенсации затрат на обучение, в удовлетворении которого ему было отказано со ссылкой на отсутствие у УФО денежных средств на эти цели, а также на положения ст. 196 ТК РФ о том, что необходимость прохождения профессиональной подготовки и переподготовки работника определяется работодателем и осуществляется лишь в учебных заведениях, с которыми ФКУ заключены договоры на оказание образовательных услуг.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении заявленных исковых требований, суд первой инстанции сослался на Международную конвенцию о подготовке и дипломировании моряков и несении вах-

ты 1978 года, положения ст. 21, 196, 197, 349 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ), пп. 1 и 2 статьи 54 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений), положение о дипломировании членов экипажей морских судов, утвержденное приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 15 марта 2012 г. № 62 (далее - положение о дипломировании членов экипажей морских судов), и исходил из того, что повышение квалификации и наличие действующего рабочего диплома является необходимым и обязательным условием для продолжения работы Я. на судне в занимаемой должности, а также требованием закона. При этом нормативно закрепленная обязанность работодателя проводить переобучение работников не может зависеть от наличия или отсутствия федерального финансирования на эти цели. Неисполнение работодателем возложенной на него законом обязанности направлять работников для прохождения профессиональной подготовки и переподготовки не может служить поводом для наступления для работника неблагоприятных последствий. Поскольку Я. для работы в занимаемой должности и осуществления своей трудовой функции необходимо подтверждать профессиональную пригодность квалификационным документом, а работодатель не исполнил возложенную на него обязанность направить Я. на переподготовку для получения соответствующего диплома, то, по мнению суда первой инстанции, истец имел право самостоятельно пройти переподготовку и получить диплом, в связи с чем суд пришел к выводу об обоснованности заявленных истцом требований о взыскании понесенных истцом расходов на обучение.

Ввиду того, что работодатель не возместил истцу стоимость расходов на обучение при предоставлении Я. всех необходимых документов, подтверждающих понесенные расходы, и тем самым, по мнению суда первой инстанции, нарушил трудовые права

Я., суд пришел к выводу о взыскании с ответчика компенсации морального вреда и судебных расходов.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с частями первой и второй ст. 196 ТК РФ необходимость подготовки работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительного профессионального образования для собственных нужд определяет работодатель. Подготовка работников и дополнительное профессиональное образование работников осуществляются работодателем на условиях и в порядке, которые определяются коллективным договором, соглашениями, трудовым договором.

Формы подготовки и дополнительного профессионального образования работников, перечень необходимых профессий и специальностей определяются работодателем с учетом мнения представительного органа работников в порядке, установленном ст. 372 данного кодекса для принятия локальных нормативных актов (часть третья ст. 196 ТК РФ).

Согласно частям первой и второй ст. 197 ТК РФ работники имеют право на подготовку и дополнительное профессиональное образование. Указанное право реализуется путем заключения договора между работником и работодателем.

Из приведенных норм следует, что право работника на подготовку и дополнительное профессиональное образование реализуется путем заключения дополнительного договора между работником и работодателем, каких-либо исключений из этой процедуры законом не установлено. Трудовое законодательство не содержит норм, позволяющих работнику по своему усмотрению

определять время и место прохождения переподготовки, в том числе в случаях, когда повышение квалификации работника является обязанностью работодателя. Не предусмотрена трудовым законодательством, другими нормативными правовыми актами, в том числе локальными, и возможность компенсации работнику затрат, связанных с обучением, когда работник самостоятельно, по своей инициативе, прошел такое обучение.

Поскольку работодатель не направлял Я. на переобучение, не издавал соответствующего приказа, не заключал договор с образовательным учреждением на переобучение истца, а Я. самостоятельно выбрал образовательное учреждение и без учета положений части второй ст. 197 ТК РФ заключил с образовательным учреждением договор, без согласования с работодателем оплатил обучение, выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии оснований для взыскания с работодателя расходов, понесенных Я. на обучение, противоречат приведенным положениям Трудового кодекса Российской Федерации и являются неправомерными.

Ссылки судов первой и апелляционной инстанций на нормы Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее - КТМ РФ, Кодекс), Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года, положения о дипломировании членов экипажей морских судов в обоснование вывода о том, что наличие действующего рабочего диплома является необходимым и обязательным условием для продолжения работы Я. на судне в занимаемой должности, признаны Судебной коллегией несостоятельными.

Судами не принято во внимание, что в соответствии со статьей III Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года конвенция применяется к морякам, работающим на морских судах, имеющих право плавания под флагом Стороны, за исклю-

чением моряков, которые, в частности, служат на военных кораблях, военно-вспомогательных судах или работают на иных судах, принадлежащих государству либо эксплуатируемых им и используемых исключительно для правительственной некоммерческой службы.

Согласно п. 1 ст. 1 КТМ РФ отношения, возникающие из торгового мореплавания, регулируются данным кодексом, а также издаваемыми в соответствии с этим кодексом другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации.

В силу ст. 2 КТМ РФ под торговым мореплаванием понимается деятельность, связанная с использованием судов для: перевозок грузов, пассажиров и их багажа; рыболовства; разведки и разработки минеральных и других неживых ресурсов морского дна и его недр; лоцманской, ледовой лоцманской и ледокольной проводки; поисковых, спасательных и буксирных операций; подъема затонувшего в море имущества; гидротехнических, подводно-технических и других подобных работ; санитарного, карантинного и другого контроля; защиты и сохранения морской среды; проведения морских научных исследований; учебных, спортивных и культурных целей; иных целей.

При этом п. 1 ст. 3 КТМ РФ определено, что правила, установленные Кодексом, распространяются на:

морские суда во время их плавания как по морским путям, так и по внутренним водным путям, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законом;

суда внутреннего плавания, а также суда смешанного (река - море) плавания во время их плавания по морским путям, а также по внутренним водным путям при осуществлении перевозок грузов, пассажиров и их багажа с заходом в иностранный морской порт, во время спасательной операции и при столкновении с морским судном.

Пунктом 2 ст. 3 КТМ РФ предусмотрено, что правила, установленные Кодексом, за исключением случаев, прямо в нем предусмотренных, не распространяются на:

военные корабли, военно-вспомогательные суда и другие суда, находящиеся в собственности государства или эксплуатируемые им и используемые только для правительственной некоммерческой службы; некоммерческие грузы, находящиеся в собственности государства. В соответствии с п. 1 ст. 54 КТМ РФ к занятию должностей членов экипажа судна допускаются лица, имеющие дипломы и квалификационные свидетельства, установленные положением о дипломировании членов экипажей судов, утвержденным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Согласно п. 1 положения о дипломировании членов экипажей морских судов данное положение разработано во исполнение ст. 54 КТМ РФ и на основании Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года, а также Конвенции Международной организации труда № 69 о выдаче судовым поварам свидетельств о квалификации.

Таким образом, нормы Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года, Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, положения о дипломировании членов экипажей морских судов распространяются только на торговые (коммерческие) суда, перечисленные в ст. 2 КТМ РФ, и не распространяются на военные и военно-вспомогательные суда, находящиеся в собственности государства или эксплуатируемые им и используемые только для правительственной некоммерческой службы.

Судом первой инстанции было установлено, что Я. работает в должности второго электромеханика кабельного судна, принадлежащего войсковой части и являюще-

гося судном обеспечения Военно-Морского флота Российской Федерации. Следовательно, данное судно относится к военновспомогательным судам Министерства обороны Российской Федерации и находится в собственности государства, в связи с чем на основании статьи III Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года, п. 2 ст. 3 КТМ РФ нормы названных правовых актов, а также разработанного во исполнение ст. 54 КТМ РФ положения о дипломировании членов экипажей морских судов не подлежат применению к спорным отношениям, что судами первой и апелля-

ционной инстанций во внимание принято не было.

Приведенные выше обстоятельства судебными инстанциями при разрешении спора учтены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия признала вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что у истца возникло право на возмещение расходов, понесенных им на обучение, основанным на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующими спорные отношения.

Определение № 60-КГ16-11

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 208-КГ17-12

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Крупнова И.В.,
судей Замашнюка А.Н., Сокерина С.Г.
при секретаре Рябцевой А.И.

рассмотрела в открытом судебном заседании административное дело по кассационной жалобе руководителя Федерального казенного учреждения “Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республики Саха (Якутия)” (далее - Управление финансового обеспечения) на решение Белогорского гарнизонного военного суда от 19 августа 2016 г. и апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 27 октября 2016 г. по делу об оспаривании ефрейтором Ермолаевой С.В. действий руководителя Управления финансового обеспечения, связанных с отказом в возмещении командировочных расходов.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Крупнова И.В., изложившего обстоятельства дела, содержание судебных актов, принятых по делу, до-

воды кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации

установила:

решением Белогорского гарнизонного военного суда от 19 августа 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 27 октября 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление (далее - заявление) Ермолаевой С.В., в котором она просила признать незаконным отказ руководителя Управления финансового обеспечения от 16 июня 2016 г. в возмещении командировочных расходов в связи с нахождением ее в составе штатных подразделений при выполнении задач в период с 25 февраля по 13 мая 2016 г. вне места дислокации воинской части.

На руководителя Управления финансового обеспечения судом возложена обязанность возместить Ермолаевой С.В. суточные за время нахождения в служебной командировке в указанный период, а также в пользу административного истца с Управ-

ления финансового обеспечения взысканы судебные расходы.

Определением судьи Дальневосточного окружного военного суда от 16 января 2017 г. в передаче кассационной жалобы административного ответчика для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

В кассационной жалобе руководитель Управления финансового обеспечения, утверждая о существенном нарушении судами норм материального права, просит судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе Ермолаевой С.В. в удовлетворении ее требований.

В обоснование жалобы он указывает на ошибочность вывода судов о нахождении административного истца в служебной командировке и выполнении конкретного служебного задания, тогда как в действительности она привлекалась в составе подразделения к участию в мероприятиях по поддержанию вооружения и военной техники в установленной степени готовности к использованию по назначению и своевременному их восстановлению в период подготовки к проведению военного парада и исполняла в этот период свои непосредственные должностные обязанности санитарного инструктора, что усматривается из исследованных в судебном заседании доказательств. В связи с этим к спорным правоотношениям подлежал применению п. 125 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. N 2700 (деле - Порядок обеспечения денежным довольствием военнослужащих), согласно которому участие в указанных мероприятиях служебными командировками не являются. Однако этого судом сделано не было.

Руководитель Управления финансового обеспечения также указывает в жалобе, что в соответствии с приказом командира воинской части Ермолаева С.В. подлежала

постановке на котловое довольствие по месту участия в мероприятиях и фактически по прибытии была поставлена на указанное довольствие, однако сама нарушала распоряжение вышестоящего начальника об обеспечении питанием, в связи с чем нельзя сказать о причинении ей действиями должностных лиц убытков.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2017 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Лица, участвующие в деле, о времени и месте рассмотрения жалобы в кассационном порядке извещены своевременно и в надлежащей форме.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия находит жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ст. 328 КАС РФ основаниями для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судами при рассмотрении дела допущено неправильное применение норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что в целях поддержания вооружения и военной техники в установленной степени готовности к использованию по назначению и своевременного их восстановления в период подготовки к проведению военного парада, начальник штаба Восточного военного округа потребовал от командира войсковой части <...> привлечь к участию к указанным мероприятиям ряд подразделений с направлением их под руководством командира батальона воинской части в г. Хаба-

ровск, а размещение и ежедневное питание личного состава определил по месту проведения мероприятий.

Во исполнение указаний начальника штаба Восточного военного округа командир войсковой части <...> издал приказ от 24 февраля 2016 г. N 214, которым сформировал ремонтную группу в составе ряда подразделений воинской части, назначил старшего группы и включил в нее военнослужащих, в том числе Ермолаеву С.В., приказав им совершить до 27 февраля 2016 г. марш на штатной технике до г. Хабаровска, где в составе сводного подразделения они выполняли поставленные задачи.

Санитарным инструктором ремонтной группы, согласно приказу от 24 февраля 2016 г., была назначена Ермолаева С.В.

По прибытии к месту предназначения ремонтная группа была размещена в казарме воинской части (административный истец - в отдельном кубрике) и поставлена на котловое довольствие.

Эти обстоятельства сомнений в своей достоверности не вызывают, поскольку установлены на основании исследованных в суде копий телеграмм начальника штаба Восточного военного округа, приказа командира войсковой части <...> от 24 февраля 2016 г. N 214, приказов командиров войсковых частей <...> и <...> от 26 февраля 2016 г. и от 1 марта 2016 г., соответственно, о зачислении прибывших военнослужащих, в том числе Ермолаевой С.В., на котловое довольствие и иных документов, а также показаниями в судебном заседании представителей административного ответчика, заинтересованных лиц и свидетелей.

Удовлетворяя заявление административного истца, суд первой инстанции исходил из того, что мероприятия, в которых участвовала Ермолаева С.В. вне места постоянной дислокации воинской части, относятся к числу служебных командировок, поскольку административный истец согласно штату не входит в состав подразделений

(взводов), привлеченных к участию в этих мероприятиях, и она фактически не обеспечивалась питанием. С такими выводами согласился окружной военный суд.

Однако такие выводы судов обстоятельствам дела не соответствует.

В суде установлено, что по указанию начальника штаба военного округа в целях поддержания вооружения и военной техники в установленной степени готовности к использованию по назначению и своевременного их восстановления в период подготовки к проведению военного парада в воинской части, в которой проходит военную службу Ермолаева С.В., была сформирована ремонтная группа в составе ряда подразделений воинской части. В эту группу приказом командира воинской части включена административный истец, которая в составе группы принимала участие в указанных мероприятиях, исполняя свои должностные обязанности санитарного инструктора.

Из изложенного следует, что Ермолаева С.В. была привлечена командованием в составе сводного подразделения (ремонтной группы) к участию в мероприятиях вне пункта постоянной дислокации воинской части.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно подп. "з" п. 125 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих не считаются командировками поездки военнослужащих, направленным в составе воинских частей (подразделений) для отработки задач по боевой (учебно-боевой) подготовке в учебные центры, учебные воинские части военных профессиональных образовательных организаций или военных образовательных организаций высшего образования, лагеря, на полигоны и запасные аэродромы и (или) привлекаемым к участию в маневрах, полевых и командно-штабных учениях (играх), в походах кораблей, а также в других мероприятиях вне пункта постоянной дислокации воинской части.

При таких данных нахождение административного истца в составе сводного подразделения вне пункта постоянной дислокации воинской части для отработки поставленных задач не может быть признано нахождением в служебной командировке.

То обстоятельство, что Ермолаева С.В. не входила в штат взводов, из которых было сформировано сводное подразделение, не имеет правового значения, поскольку такое подразделение было сформировано уполномоченным воинским должностным лицом специально для участия в конкретном мероприятии и административный истец включена в указанное подразделение на основании приказа для выполнения штатных должностных обязанностей.

Что касается заявления административного истца о ненадлежащей организации питания по месту проведения мероприятий, то это обстоятельство, - в отсутствие факта нахождения ее в служебной командировке, - само по себе не является основанием для возмещения ей командировочных расходов в размере суточных. В случае установления факта невыполнения командованием по месту проведения мероприятий указания начальника штаба военного округа по организации питания личного состава подразделения и нарушения в связи с этим прав Ермолаевой С.В. на продовольственное обеспечение она не лишена возможности оспорить указанные действия в судебном порядке.

Таким образом, отказ руководителя Управления финансового обеспечения по возмещению административному истцу командировочных расходов является правомерным, а вывод судов о незаконности такого отказа основан на неправильном применении норм материального права.

Допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны защита охраняемых законом публичных интересов, что является основанием для отмены в кассационном порядке обжалуемых судебных актов и принятию по делу нового решения об отказе в удовлетворении заявления, в том числе на основании ст. ст. 103, 111 КАС РФ в части взыскания в пользу административного истца судебных расходов.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 327, 328, п. 5 ч. 1 ст. 329, ст. 330 КАС РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих

определила:

решение Белогорского гарнизонного военного суда от 19 августа 2016 г. и апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 27 октября 2016 г. по делу об оспаривании Ермолаевой С.В. действий руководителя Федерального казенного учреждения “Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республики Саха (Якутия)”, связанных с отказом в возмещении командировочных расходов, отменить.

Принять по делу новое решение, которым Ермолаевой С.В. в удовлетворении заявленных требований отказать.

Председательствующий

И.В. КРУПНОВ

Судьи

А.Н. ЗАМАШНЮК

С.Г. СОКЕРИН

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 78-КГ17-42

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Юрьева И.М.,
судей Горохова Б.А., Назаренко Т.Н.

рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Быковой С.Ю. к ФГКУ “Западное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации о признании права на обеспечение жилым помещением как члена семьи военнослужащего

по кассационной жалобе Быковой С.Ю. на решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 апреля 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 июля 2016 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Юрьева И.М., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Быкова С.Ю. обратилась в суд с иском к ФГКУ “Западное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации о признании за ней права на обеспечение жилым помещением как члена семьи военнослужащего, погибшего (умершего) в период прохождения военной службы.

В обоснование заявленных требований сослалась на то, что является вдовой военнослужащего Быкова М.В., проходившего военную службу по контракту и умершего при исполнении обязанностей военной службы в 2009 году. На момент исключения из списков личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в связи со

смертью продолжительность военной службы Быкова М.В. в календарном исчислении составила более 18 лет. Решением ФГКУ “Западное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации от 22 июня 2015 г. N 02-23/071 Быковой С.Ю. отказано в постановке на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения как члена семьи погибшего (умершего) военнослужащего по мотиву отсутствия сведений о постановке Быкова М.В. при жизни на соответствующий учет.

Решением Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 апреля 2016 г. в удовлетворении иска отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 июля 2016 г. решение суда оставлено без изменения.

В кассационной жалобе заявителем ставится вопрос об отмене обжалуемых судебных постановлений, как незаконных.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Юрьева И.М. от 2 июня 2017 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Лица, участвующие в деле, надлежащим образом извещенные о времени и месте рассмотрения дела в кассационном порядке, в судебное заседание суда кассационной инстанции не явились, о причинах неявки не сообщили, в связи с чем Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 385 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, считает возможным рассмотреть дело в их отсутствие.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что имеются основания для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений.

В соответствии со статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Такие нарушения норм материального и процессуального права были допущены при рассмотрении настоящего дела судами первой и апелляционной инстанций.

Как установлено судом и следует из материалов дела, со 2 августа 2006 г. Быкова С.Ю. состояла с Быковым М.В. в браке (л.д. 11).

Быков М.В. с 19 октября 1993 г. проходил военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, в том числе с 16 ноября 2006 г. по 27 августа 2008 г. в Мулинском гарнизоне в войсковой части <...>, а затем с 28 июня 2008 г. обучался в Военной академии связи (л.д. 16, 31).

При обучении в академии 14 апреля 2009 г. Быков М.В. умер (л.д. 12).

Приказом начальника Военной академии связи от 17 апреля 2009 г. № 10 подполковник Быков М.В., слушатель командного факультета академии, с 15 апреля 2009 г. исключен из списков личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в связи со смертью, которая наступила при исполнении обязанностей военной службы (л.д. 16).

Продолжительность службы подполковника Быкова М.В. в календарном исчислении на 15 апреля 2009 г. составила 18 лет (л.д. 15).

Быкова С.Ю., являясь вдовой военнослужащего, 26 ноября 2014 г. обратилась в ФГКУ “Западное региональное управление жилищного обеспечения” Министерства обороны Российской Федерации с заявлением о постановке на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

Решением ФГКУ “Западное региональное управление жилищного обеспечения” от 22 июня 2015 г. № 02-23/071 Быковой С.Ю. отказано в постановке на учет нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, в связи с отсутствием сведений о признании органом Министерства обороны Российской Федерации подполковника Быкова М.В. при жизни нуждающимся в предоставлении жилого помещения (л.д. 14).

Согласно справке Гороховецкой КЭЧ от 25 августа 2008 г. № 53 подполковник Быков М.В. за время прохождения службы в Мулинском гарнизоне в войсковой части <...>, являющейся местом его предыдущей военной службы, жилой площадью по линии Министерства обороны Российской Федерации не обеспечивался (л.д. 31).

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 15, 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” (далее - Закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ), исходил из того, что право на обеспечение жилым помещением принадлежит членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего в случае наличия у военнослужащего до его гибели (смерти) статуса нуждающегося в улучшении жилищных условий. Поскольку Быкова С.Ю. не представила документов о постановке Быкова М.В. на учет нуждающихся в жилых помещениях, суд пришел к выводу о том, что оснований для удовлетворения исковых требований Быковой С.Ю. не имеется.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что выводы судов первой и апелляционной инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

В силу абзаца первого пункта 1 статьи 15 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных данным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Норма предоставления площади жилого помещения, предоставляемого в соответствии с названным федеральным законом в собственность бесплатно или по договору социального найма, составляет 18 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека (пункт 1 статьи 15.1 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ).

При предоставлении жилого помещения в соответствии с этим Федеральным законом членам семьи погибшего (умершего) военнослужащего (гражданина, уволенного с военной службы) размер общей площади предоставляемого жилого помещения определяется исходя из состава семьи военнослужащего (гражданина, уволенного с военной службы) на дату его гибели (смерти) (пункт 1.1 статьи 15.1 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ).

В соответствии с пунктом 2 статьи 24 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ члены семей военнослужащих, потерявшие кормильца, не могут быть выселены из занимаемых ими жилых помещений без безвозмездного предоставления им другого благоустроенного жилого помещения в случае прекращения членами семей трудовых отношений с соответствующими организа-

циями, за ними после гибели (смерти) военнослужащего сохраняется право на улучшение жилищных условий в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно абзацу первому пункта 3.1 статьи 24 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. N 405-ФЗ, действовавшей на момент обращения Быковой С.Ю. с заявлением от 26 ноября 2014 г. о постановке на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения) членам семей военнослужащих (за исключением военнослужащих, участвовавших в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих), погибших (умерших) в период прохождения военной службы, и членам семей граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, а при общей продолжительности военной службы 20 лет и более вне зависимости от основания увольнения, признанным нуждающимися в жилых помещениях или имевшим основания быть признанными нуждающимися в жилых помещениях в соответствии с указанным федеральным законом до гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, уволенного с военной службы, денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений либо жилые помещения предоставляются в порядке и на условиях, которые предусмотрены пунктами 1, 16, 18 и 19 статьи 15 и статьей 15.1 названного федерального закона, с учетом права военнослужащего или гражданина, уволенного с военной службы, на дополнительную общую площадь жилого помещения на дату его гибели (смерти).

При этом лицам, указанным в абзацах первом и третьем пункта 3.1 статьи 24 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ, денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений либо жилые помещения предоставляются в соответствии с данным Федеральным законом во внеочередном порядке (абзац четвертый пункта 3.1 статьи 24 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. N 405-ФЗ, действовавшей на момент обращения Быковой С.Ю. с заявлением от 26 ноября 2014 г. о постановке на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения).

Из содержания положения пункта 3.1 статьи 24 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. N 405-ФЗ, действовавшей на момент обращения Быковой С.Ю. с заявлением от 26 ноября 2014 г. о постановке на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения) следует, что члены семьи военнослужащего, погибшего (умершего) в период прохождения военной службы, обладают самостоятельным правом быть обеспеченными жилыми помещениями при условии признания их нуждающимися в жилых помещениях или имевшими основания быть признанными нуждающимися в жилых помещениях в соответствии с названным Федеральным законом до гибели (смерти) военнослужащего, то есть вне зависимости от того, были они поставлены на учет нуждающихся в жилых помещениях или нет.

Таким образом, юридически значимым обстоятельством для правильного разрешения спора являлось выяснение вопроса о том, имела ли Быкова С.Ю. основания быть признанной нуждающейся в жилом помещении до гибели супруга-военнослужащего.

Однако приведенные законоположения пункта 3.1 статьи 24 Закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ не были применены судом к спорным правоотношениям при разрешении дела по существу.

Соответственно, вопрос о том, имела ли истец основания быть признанной нуждающейся в жилом помещении до гибели мужа-военнослужащего, судом в качестве обстоятельства, имеющего юридическое значение для дела, определен не был и не выносился на обсуждение сторон, как предусмотрено частью 2 статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения норм материального и процессуального права являются существенными, они повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов Быковой С.Ю., в связи с чем решение Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга от 28 апреля 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам г. Санкт-Петербургского городского суда от 12 июля 2016 г. нельзя признать законными, они подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить спор в соответствии с установленными по делу обстоятельствами и требованиями закона.

Руководствуясь статьями 387, 388, 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 апреля 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 июля 2016 г. отменить, дело направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

О НОВОМ ОСНОВАНИИ ЗАКУПОК УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНЫ СТРАНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА У ЕДИНСТВЕННОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ

(комментарий к Федеральному закону от 7 июня 2017 года № 106-ФЗ)

Е.А. Свиных, кандидат юридических наук, доцент

Осложнение внешнеполитической обстановки повлекло за собой возникновение необходимости в принятии мер по созданию условий для своевременного материально-технического обеспечения элементов военной организации Российской Федерации. В ряде случаев, помимо незамедлительного удовлетворения нужд в сфере обороны страны и безопасности государства, важно добиться также и скрытности закупок требуемых товаров, работ, услуг. Иначе возникает угроза раскрытия сведений о планах применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов.

Вместе с тем, оперативному и скрытному осуществлению закупок может препятствовать действие общих норм законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок, базирующихся на принципах открытости и прозрачности информации об этой системе, обеспечения конкуренции участников закупок. В связи с этим для определенных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства требуется установить специальный правовой режим.

В июне 2017 г. в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе) были внесены изменения, направленные на исключение конкуренции при осуществлении закупок услуг в случае необходимости выполнения воинских перевозок¹. Согласно новым положениям Закона о контрактной системе (п. 50 ч. 1 ст. 93) без применения конкурентных способов определения исполнителя может осуществляться закупка транспортных услуг и связанных с их обеспечением дополнительных услуг в случае необходимости выполнения воинских перевозок при наличии угрозы обороноспособности и безопасности государства, а также для обеспечения участия Вооруженных Сил Российской Федерации в операциях по поддержанию или восстановлению мира и международной безопасности за пределами Российской Федерации. Порядок осуществления таких закупок устанавливается Правительством Российской Федерации.

Анализ содержания пояснительной записки к проекту федерального закона №

¹ О внесении изменений в статьи 93 и 94 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 106-ФЗ // Рос. газ. – 2017. – 9 июня.

114183-7 позволяет выделить необходимость обеспечения оперативности закупок и скрытности воинских перевозок в качестве основной причины предоставления в вышеназванных случаях заказчиком права осуществлять закупки у единственного исполнителя².

В частности, разработчиками законопроекта указывается, что срок осуществления закупки посредством проведения торгов по правилам Закона о контрактной системе составляет 3 – 3,5 месяца. Использование возможностей, предоставленных п. 2 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе (определение единственного исполнителя на уровне указа или распоряжения Президента Российской Федерации либо постановления или распоряжения Правительства Российской Федерации. – *Прим. авт.*), также не позволяет заказчику осуществить закупку в сжатые сроки. В этом случае на заключение государственного контракта с исполнителем услуг уходит не менее месяца. Столь длительные сроки определения неприемлемы для целей выполнения воинских перевозок железнодорожным, морским, речным, воздушным и автомобильным транспортом до объявления мобилизации в Российской Федерации (до вступления в силу контрактов мобилизационного периода).

Еще одной причиной внесения изменений в Закон о контрактной системе явилась необходимость обеспечения конфиденциальности информации о воинских перевозках. Ведь если при осуществлении закупки у единственного исполнителя в случаях, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, заказчик размещает в единой информационной системе (далее – ЕИС) извещение об осуществлении такой закупки (исключения составляют случаи, когда сведения о закупке составляют государственную тайну. – *Прим. авт.*), то в случаях, предусмотренных п. 50 ч. 1 ст. 93 указанного Закона, – нет (ч. 2 ст. 93 Закона о

контрактной системе). При применении же закрытых способов определения исполнителей извещение не подлежит размещению в ЕИС только в случае закупок товаров, работ, услуг, необходимых для обеспечения федеральных нужд, если сведения о таких нуждах составляют государственную тайну. Если же государственную тайну составляют сведения о товарах, работах или услугах, содержащиеся в закупочной документации или в проекте контракта, то извещение об осуществлении закупки должно быть размещено заказчиком в ЕИС.

Упоминание в пояснительной записке к законопроекту положений п. 2 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе может быть связано также и с тем, что применение заказчиками закрепленных в нем положений в целях закупок услуг по выполнению воинских перевозок затруднено необходимостью обоснования Президенту Российской Федерации или Правительству Российской Федерации целесообразности определения конкретного хозяйствующего субъекта в качестве единственного исполнителя. Норма п. 50 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе позволяет заказчиком осуществлять выбор контрагента по государственному контракту самостоятельно, хотя и в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации.

Обращаясь к гипотезе правовой нормы, содержащейся в п. 50 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, следует отметить использование законодателем категории «военная безопасность» в целях определения оснований осуществления закупки у единственного исполнителя. Непосредственно в Законе о контрактной системе данная категория не определяется. В связи с этим возникает необходимость раскрытия ее содержания. Единственная официальная дефиниция военной безопасности Российской Федерации содержится в Военной доктрине

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 93 и 94 Федерального закона “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» [Электронный ресурс]. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&25731EDFE7F297E3C32580E20038A6C7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&25731EDFE7F297E3C32580E20038A6C7) (дата обращения: 10.06.2017).

Российской Федерации (подп. «а» п. 8), утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976. В ней военная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять.

Что касается юридической литературы, то в ней можно встретить весьма разнообразные определения понятия «военная безопасность»³. Наиболее емкое определение предлагает в своей докторской диссертации «Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации» К.В. Фатеев, по мнению которого, военная безопасность Российской Федерации – это состояние межгосударственной и внутригосударственной военно-политической обстановки, военно-стратегический компонент глобального геополитического противоборства, элемент внутренней и внешней безопасности государства, при котором обеспечиваются независимость, суверенитет, государственная и территориальная целостность, предотвращается военная агрессия против России и ее союзников, уменьшается угроза национальным интересам государства и вероятность вовлечения его в войну или вооруженные конфликты, а в случае возникновения внешней, внутренней или трансграничной военной угрозы жизненно важным интересам государства, общества и личности обеспечиваются условия для их мирного, демократического развития и их вооруженная защита⁴.

По всей видимости, в целях использования положений Закона о контрактной системе будет применяться трактовка военной безопасности, содержащаяся в Военной доктрине Российской Федерации.

Учитывая особенности закупок услуг по выполнению воинских перевозок, законодатель освободил заказчиков от обязанности обосновывать в документально оформленном отчете невозможность или нецелесообразность использования конкурентных способов определения поставщика, а также цену контракта и иные существенные условия контракта (ч. 3 ст. 93 Закона о контрактной системе), а также разрешил заказчикам не привлекать экспертов, экспертные организации к проведению экспертизы оказанной услуги (п. 1 ч. 4 ст. 93 Закона о контрактной системе).

Однако при этом на заказчиков возложена обязанность уведомлять об осуществленной закупке в срок не позднее одного рабочего дня с даты заключения контракта контрольный орган в сфере закупок (ч. 2 ст. 93 Закона о контрактной системе).

В завершение повторим вывод, приведенный в одной из наших предыдущих публикаций: анализ изменений Закона о контрактной системе, направленных на сокращение круга случаев обязательного применения конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) при осуществлении закупок товаров (работ, услуг) для обеспечения обороны страны и безопасности государства⁵, свидетельствует о поиске отечественным законодателем объективных предпосылок исключения конкуренции между участниками указанных закупок⁶. И при-

³ См., напр.: *Зателепин О.К.* Объект преступления против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 61; *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М., 1998. С. 67; *Евтушенко С.Г.* Правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 83 – 84; *Кудашкин А.В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001. С. 13.

⁴ Цит. по: *Корякин, В.М.* Военное право : антология диссертаций : в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. С. 159.

⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» от 1 декабря 2014 г. № 416-ФЗ; Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”» от 30 декабря 2015 г. № 469-ФЗ.

⁶ *Свинных Е.А., Шилов А.И.* О целях исключения конкуренции между участниками закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства // Военное право : электрон. науч. изд. 2016. Вып. 4. С. 162. URL: <http://www.voennoepravo.ru/files/VP4.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).

нятие Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 106-ФЗ является лишь еще одним подтверждением этого заключения. Представляется, что при определении оснований закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) законодателю следует использовать не казуальный, а абст-

рактный способ изложения гипотезы правовой нормы. Повышение степени абстракции законоположений, в свою очередь, повысит стабильность правового регулирования и позволит избежать постоянного внесения изменений в Закон о контрактной системе.

Информация

В Воронежской области по материалам военных прокуроров управляющая компания привлечена к административной ответственности за нарушение экологического законодательства

05.07.2017

Военной прокуратурой Воронежского гарнизона при проверке исполнения экологического законодательства установлено, что АО «Главное управление жилищно-коммунального хозяйства» не обеспечило своевременный вывоз твердых бытовых отходов и надлежащее содержание общего имущества на закрепленной территории военного городка в городе Острогожск Воронежской области, что повлекло образование несанкционированных свалок мусора и загрязнение почвы.

По материалам военных прокуроров АО «ГУ ЖКХ» привлечено к административной ответственности по ст. 8.2 КоАП РФ (несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления) в виде штрафа 150 тыс. рублей, допущенные нарушения устранены, территория военного городка очищена от мусора.

<http://gvp.gov.ru/news/>

Московская городская военная прокуратура разъясняет

03.07.2017

В ряде средств массовой информации опубликованы материалы об изъятии квартиры у военнослужащего Б. по инициативе военной прокуратуры за нарушение им законодательства о статусе военнослужащего.

В связи с этим Московская городская военная прокуратура разъясняет, что, как ранее сообщалось, при проверке исполнения законодательства о противодействии коррупции установлено, сумма приобретенного в 2013-2014 гг. старшим лейтенантом Б. и его супругой недвижимого и иного имущества (более 12 млн рублей) превысила их совокупный доход за 2010-2014 гг. (около 7,2 млн рублей).

В связи с выявлением обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов семьи Б. их общему доходу, по заявлению военного прокурора в порядке статьи 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» Одинцовским городским судом Московской области квартира стоимостью 4,8 млн рублей и денежные средства в размере 215,4 тыс. рублей, в отношении которых не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, обращены в доход Российской Федерации.

Московским областным судом это решение оставлено без изменений. В настоящее время принимаются меры к исполнению судебного решения.

<http://gvp.gov.ru/news/>

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО ЗА УТРАТУ ИМУЩЕСТВА

(комментарий к приговору Московского окружного военного суда по обвинению рядового Х. в совершении преступления, предусмотренного статьей 348 УК РФ)

Я.Н. Ермолович, кандидат юридических наук

Рядовой Х. вместе с другими военнослужащими воинской части участвовал в обеспечении боевых действий в Сирийской Арабской Республике. Он и другие военнослужащие принимали грузы, поступающие на пункт базирования Военно-Морского Флота Вооруженных Сил Российской Федерации, затем в качестве охраны сопровождали военные грузы до пункта назначения. Во время проведения погрузочных работ рядовой Х. забыл снять автомат, который повесил на борт автомашины «Урал». В дороге оружие было утеряно. 314-й военный следственный отдел возбудил уголовное дело в отношении рядового Х. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ (утрата военного имущества). В ходе рассмотрения дела в суде рядовой Х. полностью признал свою вину.

Московский окружной военный суд, который рассматривал уголовное дело в первой инстанции, с учетом того, что Х. впервые привлекается к уголовной ответственности, положительно характеризуется командованием воинской части, где он проходит военную службу, является участником боевых действий, принял решение назначить ему наказание в виде штрафа в минимальном размере (5 000 руб.)¹. По-

скольку указанное дело стало одним из первых дел о преступлениях, совершенных российскими военнослужащими в период выполнения задач на территории Сирийской Арабской Республики, это вызвало довольно существенный общественный резонанс, поэтому следует более подробно осветить обстоятельства дела и особенности привлечения к уголовной ответственности за утрату военного имущества.

В соответствии с ч. 2 ст. 12 УК РФ военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцированных за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность согласно названному Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. Как правило, такими международными договорами уголовная юрисдикция Российской Федерации ограничивается только преступлениями, направленными против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации, преступлениями против лиц, входящих в состав войск, дислоцированных на территории иностранного государства, или членов их семей, а также в случае совершения преступлений при исполнении служебных обязан-

¹ За потерю оружия осудят автоматом: определена подсудность преступления, совершенного российским солдатом в Сирии // Коммерсант. 2017. 6 апр.; Участник боевых действий в Сирии понес посильное наказание: за утерю оружия его оштрафовали на минимальную сумму // Там же. 19 мая.

ностей или преступлений против военной службы. В приведенном случае преступление было направлено против установленного порядка прохождения военной службы, вред был причинен только интересам Российской Федерации, общественно опасные последствия не вышли за рамки порядка прохождения военной службы, местному населению какой-либо вред от совершения преступления причинен не был, поэтому уголовная юрисдикция Российской Федерации по этому делу несомненна с любой точки зрения.

Следует отметить, что в ст. 348 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил сбережения вверенных для служебного пользования оружия, боеприпасов или предметов военной техники, если это повлекло по неосторожности их утрату. *Непосредственным объектом* преступного посягательства является порядок сбережения военного имущества, который определен в уставных обязанностях должностных лиц полка (части), предусмотренных Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами.

Предметы посягательства строго ограничены, ими являются не все виды военного имущества, а только оружие, боеприпасы или предметы военной техники. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ под *оружием* следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Применительно к ст. 348 УК РФ под оружием понимаются технические устройства, предназначенные для уничтожения живой силы, сооружений и огневых средств противника, находящиеся на вооружении Вооруженных Сил Российской Федерации, включая как огнестрельное, так и холодное оружие, артиллерийское вооружение, ядерное оружие и др.

Не признаются оружием в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ, технические устройства, не

предназначенные для уничтожения живой силы, сооружений и огневых средств противника (например, ракетница, охотничье ружье, строительные, стартовые, сигнальные пистолеты, иные стреляющие устройства, не предназначенные для ведения боя).

К предметам рассматриваемого состава преступления относятся такие технические устройства, составной частью которых является один из видов оружия (огнестрельного, артиллерийского и иного). Например, бронетранспортер, боевая машина пехоты, танк, самоходная артиллерийская установка, боевой самолет и т. п.

Под *предметами военной техники* как предметами рассматриваемого преступления следует понимать технические устройства, находящиеся на снабжении войск, которые непосредственно не предназначены для поражения живой силы противника и иных его военных объектов, но призваны обеспечивать ведение боевых действий присутствующими им качествами. Например, приборы, используемые для управления боем (радиостанции, телеустановки, радиолокаторы, приборы ночного видения, беспилотные летательные аппараты), либо специальные машины, обеспечивающие передвижение войск на поле боя, но не несущие на себе оружие (тягачи, автомобили, инженерно-мостовое оборудование и т. п.). К предметам военной техники относятся также ее составные части, например прицелы, стволы орудий, затворы, замки орудий и т. п.

Не относятся к предметам рассматриваемого преступления технические устройства, которые не предназначены непосредственно для применения оружия и боеприпасов, а служат целям бытового, санитарного и иного хозяйственного обслуживания: полевые прачечные машины, походные хлебопекарни, медицинское оборудование пунктов медицинской помощи и т. п.

Под *боевыми припасами* в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной,

метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание.

Необходимо учитывать, что под предметами военной техники понимаются только состоящие на балансе и числящиеся по штату воинской части технические средства в их полной комплектации, предназначенные для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск и сил флота.

Особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ, и отличием от сходных составов преступления, предусмотренных ст.ст. 346, 347 УК РФ, является указание в диспозиции статьи на то, что предметы преступления были вверены виновному для служебного пользования.

Под *служебным использованием* следует понимать использование оружия, боеприпасов, предметов военной техники для ведения боевых действий, на учениях, стрельбах, при несении специальных видов военной службы (караул, конвоирование, патрулирование, внутренняя служба), а также для технического обслуживания закрепленного за военнослужащими оружия. Для несения специальных видов службы оружие, боеприпасы и предметы военной техники выдаются в установленном порядке под расписку, сведения о закрепленных за военнослужащими оружии или техническом средстве вносятся в военный билет, удостоверение личности (кроме того, военнослужащий расписывается в книге выданного оружия о получении им оружия). В рассматриваемом примере оружие – автомат Калашникова было выдано рядовому Х. для исполнения должностных и специальных обязанностей.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления выражается в *действиях* или *бездействии*, в результате которых были нарушены правила сбережения предметов преступления и это повлекло их утрату.

Под *сбережением* военного имущества понимается такое обращение с ним, которое обеспечивает его сохранность и готовность к использованию. Правила сбережения

военного имущества регламентируются соответствующими уставами, инструкциями, руководствами, наставлениями и иными нормативными документами.

Нарушение правил может выражаться, например, в незаконной передаче указанных выше предметов посторонним лицам, в оставлении этих предметов без присмотра или в местах, не обеспечивающих их защиту от попадания на них осадков, химических реактивов и других разрушающих оружие, боеприпасы, предметы военной техники средств.

Под *утратой* понимается выход имущества из владения воинской части, в ведении которой оно находилось. Она может выражаться в утере предмета, его похищении либо уничтожении посторонним лицом и т. п.

Состав утраты считается оконченным с момента, когда предмет вышел из владения военнослужащего, которому он был вверен, и принятыми мерами установить над ним контроль не представилось возможным. Последующее обнаружение и возвращение предмета по принадлежности на квалификацию по ст. 348 УК РФ не влияет, но при определенных обстоятельствах может свидетельствовать о малозначительности совершенного деяния либо учитываться в качестве смягчающего наказание обстоятельства.

В рассматриваемом случае рядовой Х. оставил выданный для служебного пользования автомат Калашникова без присмотра, чем грубо нарушил правила хранения оружия, предусмотренные ст. 13 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, а именно: военнослужащие при исполнении обязанностей военной службы, а при необходимости и во внеслужебное время, в соответствии с законодательством Российской Федерации имеют право на хранение, ношение, применение и использование оружия; при ношении и использовании оружия военнослужащие обязаны обеспечить его сохранность и исключить доступ к нему посторонних лиц. В ре-

зультате нарушения правил хранения оружия рядовым Х. наступили общественно опасные последствия в виде утраты выданного для служебного пользования оружия.

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 348 УК РФ, является довольно редким в судебной практике военных судов последних десятилетий, однако в единичных случаях встречается в их практике. Например, во время несения службы в составе караула сержант М. потерял выданный ему магазин с патронами калибра 5,45 мм к автомату АКС-74. За указанные действия военным судом Кяхтинского гарнизона М. обоснованно осужден на основании ст. 348 УК РФ. Являясь дежурным по части, капитан Б. употребил спиртные напитки, после чего забыл в туалете выданные ему пистолет ПМ и 16 патронов к нему. В результате нарушения названным лицом правил сбережения военного имущества, вверенного для служебного пользования, пистолет и патроны были похищены. Военным судом Екатеринбургского гарнизона Б. обоснованно осужден по ст. 348 УК РФ².

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что уголовная ответственность за утрату военного имущества была установлена с введением Воинского устава о наказаниях в 1867 г., в котором была глава «Об утрате, порче и противозаконном отчуждении нижними чинами казенного оружия и имущества». В нее были включены следующие составы преступлений: промотание выданных для употребления казенных амуниционных и мундирных вещей, промотание выданных для употребления казенного оружия, патронов или лошади, умышленная порча тех же предметов, оставление без присмотра тех же предметов (ст.ст. 162 – 168). Указанные составы преступлений практически в неизменном виде существовали до начала Первой мировой войны, в ходе которой обострились существующие противоречия в сфере уголовно-правовой

охраны военного имущества и проявились проблемы и противоречия существовавшего военно-уголовного законодательства. Как отмечал генерал-лейтенант Н. Н. Головин, бывший генерал-квартирмейстером штаба армии, начальником штаба армии и фронта в годы Первой мировой войны, «...войсковые части продолжали требовать и требовать обувь, а между тем, по имеющимся у нас расчетам, их потребности должны были быть уже удовлетворены. Я лично объехал для поверки корпуса, некоторые дивизии и полки. Оказалось, что все прибывающие маршевые роты, а их в этот период прибывало много, почти поголовно прибывали со старой, никуда не годной обувью. Между тем, согласно установленному порядку, все чины маршевых рот, высылаемых запасными батальонами, снабжались совершенно новыми сапогами. В ближайшие же дни выяснилось, что чины маршевых рот, проходя через деревни, продавали новые сапоги, обменивая их на никуда не годные, причем производилось это почти повально. Все опрошенные после поимки совершенно искренно отвечали, что они думали, что, когда придут в окопы, им должны дать новые сапоги. Одновременно с этим открылось, что торговля казенным вещевым довольствием приняла настолько массовый характер, что произведенный местной полицией обыск в селах, лежащих по пути прохождения маршевых рот, обнаружил даже небольшие мастерские, в которых перешивали солдатские полотнища палаток в юбки для деревенских баб. Борьба с этим злом было очень трудно. С маршевыми ротами шли малоопытные прапорщики; полицейских сил в деревне было мало. Для того чтобы наладить порядок, пришлось усилить кадры армейских запасных батальонов за счет опытного офицерского состава частей, последний же в это время ценился на самом фронте в полном смысле на вес золота; пришлось создать сильную военную полицию в тылу – опять-

² Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996 – 2001 гг.) / под ред. Н. А. Петухова, А. Т. Уколова. М., 2002. 282 с.

таки за счет частей, боровшихся на фронте. Представляет интерес распоряжение генерала Брусилова, который был в это время Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Этот генерал, пораженный своим циничным отношением к офицерской и солдатской крови, задумал решить вопрос чрезвычайно просто: он приказал пороть 50 ударами розог всех чинов маршевых рот, которые придут в части с недостатками в выданном им вещевом довольствии. ...С началом революции небрежное отношение к казенному имуществу сразу же быстро возросло и вскоре превратилось в какую-то безудержную вакханалию»³. Таким образом, существующие уголовно-правовые нормы уже не соответствовали фактически существующим общественным отношениям и новым криминальным угрозам установленному порядку сбережения военного имущества. Уголовная ответственность за утрату военного имущества была ужесточена только в 1915 г.⁴

После Октябрьской революции 1917 г. все перечисленные уголовно-правовые нормы об охране военного имущества практически без изменения были включены в УК РСФСР 1922 г. Состав промотания или утраты военного имущества в разных редакциях с незначительными изменениями существовал до 1997 г., когда вступил в силу УК РФ 1996 г., в который были включены новые нормы об умышленном и неосторожном уничтожении военного имущества, а также об утрате военного имущества. При этом были декриминализованы продажа, залог или передача в пользование военнослужащим срочной службы выданных ему для личного пользования предметов обмундирования или снаряжения (что и составляло промотание), а также утрата или порча этих предметов вследствие нарушения правил их сбережения.

Субъективная сторона утраты военного имущества характеризуется виной в форме

неосторожности, которая определяется по отношению к наступившим последствиям, т. е. утрате. В рассматриваемом случае имела место классическая небрежность. Лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий (утраты выданного для служебного пользования оружия) своих действий (оставления оружия без присмотра), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Субъект преступления специальный. Ответственность за рассматриваемое преступление могут нести лишь те военнослужащие, которым оружие, боеприпасы или предметы военной техники были *вверены для служебного пользования*, т. е. выданы для *индивидуального* применения в ходе исполнения конкретной служебной функции (несения службы в наряде, выполнения стрельб, сопровождения грузов и т. п.).

Вместе с тем, если предмет был выдан лицу *не для индивидуального применения* при исполнении служебных обязанностей, основания для квалификации по ст. 348 УК РФ отсутствуют. В частности, не могут быть квалифицированы по рассматриваемой статье действия начальника, повлекшие по неосторожности утрату предметов военного имущества, выданных для обеспечения служебной деятельности подчиненных. В таких случаях содеянное подлежит квалификации по ст. 293 УК РФ как халатность, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе.

Например, для обеспечения стрельб подразделения командир взвода старший лейтенант Б. получил под личную роспись два автомата АК-74, после чего вопреки Инструкции по организации учета, хранения и выдачи стрелкового оружия и боеприпасов в Вооруженных Силах Российской Федера-

³ Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006. 528 с. Перепеч. с изд.: Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939.

⁴ Воинский устав о наказаниях / сост. Д. Ф. Огнев. Пг., 1916. С. 210 – 222.

ции передал оружие для перевозки на войсковое стрельбище лицу, за которым оно закреплено не было. В результате ненадлежащего исполнения Б. своих обязанностей один из автоматов был утерян. Действия Б. органами предварительного следствия были квалифицированы по ч. 2 ст. 293 УК РФ. Переквалифицируя содеянное Б. на ст. 348 УК РФ, военный суд Южно-Сахалинского гарнизона указал, что при получении оружия и передаче его другому военнослужащему Б. функций должностного лица не осуществлял и поэтому субъектом должностного преступления не является. Это решение не может быть признано правильным. Являясь начальником для солдат и сержантов роты, Б. обладал всеми признаками должностного лица. Поэтому ненадлежащее исполнение им обязанностей по организации и проведению стрельб подчиненными, повлекшее утрату выданного Б. оружия, следовало квалифицировать по ст. 293 УК РФ, как это сделали органы предварительного следствия⁵.

Лицо, признанное виновным в хищении оружия, боеприпасов или предметов военной техники, дополнительной ответственности за их утрату, уничтожение или повреждение нести не может.

Статья уголовного закона об утрате военного имущества является бланкетной. Поэтому при квалификации преступления необходимо точно указывать, какие конкретно правила сбережения военного имущества, предусмотренные нормативными документами, нарушены и в чем это нарушение выразилось.

Деяния, описанные в указанной статье, относятся к преступлениям небольшой тяжести. В качестве уголовных наказаний в ст. 348 УК РФ предусмотрены: штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев; ограничение по военной службе на срок до двух лет; арест на срок до шести

месяцев; содержание в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет; лишение свободы на срок до двух лет.

Исходя из того что рядовой Х. проходит военную службу по контракту, к нему не может применяться наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части. Уголовное наказание в виде ареста не применяется. Поэтому из всех наказаний, предусмотренных ст. 348 УК РФ, к подсудимому могли быть применены штраф, ограничение по военной службе или лишение свободы.

В соответствии с общими началами назначения наказания (ст. 60 УК РФ) лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей. В силу положений ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Суд с учетом того, что преступление, предусмотренное ст. 348 УК РФ, является неосторожным и относится к категории преступлений небольшой тяжести, того, что подсудимый впервые совершил преступление, а также других обстоятельств дела принял решение о назначении наиболее мягкого наказания из предусмотренных ст. 348 УК РФ – наказания в виде штрафа. В этой части суд принял законное и обоснованное

⁵ Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996 – 2001 гг.).

решение и не вышел за пределы своих полномочий.

По всей видимости, преступление было совершено до 20 июля 2016 г., поскольку 6 июля 2016 г. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ был дополнен новымотягчающим обстоятельством – совершением преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий. Исходя из этих обстоятельств, суд не вменял Х. в качестве отягчающего обстоятельства совершение преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий.

Следует учитывать, что в соответствии со ст. 86 УК РФ в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания. В соответствии со ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить штраф в течение 60 дней со дня вступления приговора суда в законную силу. В соответствии со ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления.

Таким образом, с рядовым Х. в течение года после исполнения наказания не может быть заключен новый контракт о прохождении военной службы. При этом старый контракт продолжает действовать. Военнослужащий подлежит увольнению с военной службы только в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении ему наказания в виде лишения свободы, в связи с вступлением в законную силу приговора суда о лишении военнослужащего права занимать воинские должности в те-

чение определенного срока (подп. «е», «з» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении ему наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное по неосторожности (подп. «д» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). В то же время военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, подлежит увольнению с военной службы в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении ему наказания в виде лишения свободы условно за преступление, совершенное умышленно (подп. «е.1» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Таким образом, фактически увольнению с военной службы подлежит военнослужащий, осужденный к лишению свободы с реальным исполнением наказания или пожизненному лишению свободы, а также к лишению свободы условно за совершение умышленного преступления. В остальных случаях осужденный военнослужащий может проходить военную службу. Если же у рядового Х. контракт закончится в течение срока судимости, он будет уволен с военной службы по истечении срока контракта и в связи с невозможностью заключения с ним нового контракта о прохождении военной службы.

Еще одной проблемой российского уголовно-процессуального законодательства, которую выявило рассмотрение указанного дела, является отсутствие ясных положений закона о подсудности уголовных дел о преступлениях военнослужащих, совершенных за пределами Российской Федерации. Сначала уголовное дело было направлено в Московский окружной военный суд, поскольку воинская часть, в которой проходит военную службу осужденный, территориально относится к подсудности этого

суда. Однако Московский окружной военный суд вернул дело в военную прокуратуру, так как, по мнению судей, дело должно было рассматриваться в Северо-Кавказском окружном военном суде, поскольку предварительное следствие по делу проводилось в г. Ростове-на-Дону, гарнизон которого территориально относится к подсуд-

ности этого суда. Главной военной прокуратурой это решение Московского окружного военного суда было обжаловано в Верховный Суд Российской Федерации, который направил дело для рассмотрения по первой инстанции в Московский окружной военный суд, который, в свою очередь, и рассмотрел дело по существу.

О ПРОИЗВОДСТВЕ КОМАНДИРОМ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

И.Г.Сазонова, преподаватель кафедры уголовного процесса Военного университета

Командиры воинских частей, в соответствии со ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), наряду с начальниками органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командирами соединений, начальниками военных учреждений и гарнизонов, являются органами дознания.

Командир воинской части как орган дознания обладает следующими полномочиями и обязанностями:

1) проводит необходимые предусмотренные законом мероприятия в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, а также для предупреждения и пресечения преступлений;

2) в случае обнаружения признаков преступления принимает необходимые меры по установлению события преступления, изобличению лица, виновного в его совершении;

3) осуществляет прием, регистрацию и проверку сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении в пределах своей компетенции в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ;

4) принимает по результатам рассмотрения сообщения о преступлении одно из следующих процессуальных решений:

- о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;

- о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения при наличии заявления потерпевшего о возбуждении уголовного дела в суд;

5) после возбуждения уголовного дела о преступлении, по которому производство предварительного следствия обязательно, производит неотложные следственные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования;

6) после производства неотложных следственных действий направляет уголовное дело через военного прокурора руководителю военного следственного органа Следственного комитета Российской Федерации;

7) в случае возбуждения уголовного дела о преступлении, не подследственном воен-

ным следственным органам Следственного комитета Российской Федерации, после производства по нему неотложных следственных действий передает уголовное дело военному прокурору для направления по подследственности в иной орган предварительного расследования;

8) применяет иные предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством полномочия.

При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности военными органами дознания возникает немало проблем¹. Не является исключением и производство командиром воинской части неотложных следственных действий. Статистические данные о надзоре за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, представленные Главной военной прокуратурой, свидетельствуют о наличии затруднений, связанных с производством военными органами дознания неотложных следственных действий.

Под неотложными следственными действиями УПК РФ подразумевает действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих немедленного закрепления, изъятия и исследования.

После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела командир воинской части направляет уголовное дело через военного прокурора руководителю военного следственного органа в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ, о чем выносится соответствующее постановление.

После направления уголовного дела руководителю военного следственного органа

на Следственного комитета Российской Федерации командир воинской части (как орган дознания) и дознаватель могут производить по нему следственные и иные процессуальные действия, а также розыскные мероприятия только по поручению следователя.

Командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений производят неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или на территории (в расположении) воинской части, соединения, военного учреждения.

Начальники гарнизонов производят неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (лицами гражданского персонала – в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей), не проходящими службу (неработающими) в воинских частях, соединениях и военных учреждениях данного гарнизона, но совершившими преступления в расположении гарнизона.

Что же касается начальников органов военной полиции Вооруженных Сил, то они производят неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил, гражданами, проходящими военные сборы в Вооруженных Силах, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или на тер-

¹ Более подробно см.: *Ермолович Я.Н.* Нужна ли нам военная полиция? // *Право в Вооруженных Силах.* 2013. № 2. С. 109 – 119; *Его же.* Военное право и совершенствование уголовно-процессуального законодательства // *Военно-юрид. журн.* 2015. № 5. С. 11 – 16; *Его же.* Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: моногр. М., 2012.

ритории (в расположении) органа военной полиции, воинской части, соединения, военного учреждения².

Получается, что УПК РФ не конкретизирует, в каких случаях неотложные следственные действия осуществляют командиры воинской части, соединения, учреждения, гарнизона, а в каких – начальники органов военной полиции. С одной стороны, можно предположить, что начальник органа военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации реализует предоставленные ему полномочия и обязанности лишь в отношении подчиненных военно-служащих и лиц гражданского персонала, причем по месту дислокации вверенных ему подразделений. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что указанный участник уголовного судопроизводства осуществляет полномочия органа дознания по всем преступлениям, совершенным военно-служащими, гражданами, проходящими военные сборы в Вооруженных Силах, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил³.

Кроме того, содержание норм УПК РФ, посвященных производству неотложных следственных действий, не позволяет сделать однозначный вывод об их правовой природе. Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, утвержденная приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 г. № 150 (далее – Инструкция), не конкретизирует нормы УПК РФ в части определения сущности неотложных следственных действий, по ее содержанию также нельзя понять, что же представляют собой неотложные следственные действия.

Термин «неотложные следственные действия» можно трактовать и как вид уголовно-процессуальной деятельности, и как признак, характеризующий следственные действия. Отсутствие единообразного понимания сущности неотложных следственных действий может повлечь затруднения при определении компетенции органа дознания.

И это не последняя проблема в правовом регулировании института неотложных следственных действий. Определенные недоразумения связаны с категорией уголовных дел, в рамках которой командир воинской части осуществляет уголовно-процессуальные полномочия.

Исторически аналогичный вид уголовно-процессуальной деятельности рассматривался в качестве одного из видов дознания и определялся как «деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно»⁴. В настоящее время дознанием признается лишь форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому предварительное следствие обязательно.

В соответствии с УПК РФ командир воинской части возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, по которому предварительное следствие обязательно. Для того чтобы проследить, по каким категориям уголовных дел командир воинской части вправе осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, следует определить категории уголовных дел, по которым предварительное следствие обязательно.

Производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам,

² Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (утверждена приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора от 23 октября 2014 г. № 150).

³ Более подробно см.: Сазонова И.Г. Перспективы разграничения компетенции командира воинской части и начальника органа военной полиции как органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10. С. 79 – 83.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

за исключением уголовных дел о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Помимо уголовных дел, указанных в ч. 3 ст. 150 названного Кодекса, предварительное следствие обязательно по уголовным делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести по письменному указанию прокурора.

Пункт 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ четко определяет круг дел, по которым командир воинской части производит неотложные следственные действия. Это уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, а также о преступлениях, совершенных в расположении воинской части.

Помимо этого, командир воинской части (или военный дознаватель) как должностное лицо, наделенное полномочиями органа дознания, может осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно.

Е.А. Глухов отмечает, что ч. 3 ст. 150 УПК РФ устанавливает перечень преступлений, уголовные дела по которым расследуются в форме дознания. Именно по этим нарушениям теоретически вправе возбуждать уголовные дела орган дознания. Однако сказанное относится в первую очередь к органам дознания в системе МВД России и не относится к военным органам дознания. Ведь предварительное расследование в форме дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, органами дознания Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов не производится⁵.

Таким образом, по уголовным делам такой категории командир воинской части

производить следственные действия не вправе. В соответствии с содержанием УПК РФ полномочия командира воинской части по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, ограничиваются лишь приемом, регистрацией сообщения о преступлении и передачей сообщения по подследственности согласно ст. 151 УПК РФ.

Вместе с тем, ст. 8 Инструкции определяет, что деятельность органов дознания и дознавателей по рассматриваемой категории преступлений заключается в выполнении действий, указанных в п. 2 ст. 4 Инструкции, т. е. приеме, регистрации и проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также в принятии по результатам рассмотрения сообщения о таком преступлении одного из процессуальных решений, предусмотренных пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ (об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности).

Если следовать содержанию Инструкции, то командир воинской части вправе не только принять и зарегистрировать сообщение о преступлении, по которому предварительное следствие необязательно, но и проверить его посредством получения объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребования документов и предметов, изъятия их в порядке, предусмотренном УПК РФ, назначения и производства судебной экспертизы, производства осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствования, документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов.

Получается, что Инструкция толкует полномочия командира воинской части по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, несколько шире, чем УПК РФ. Возможно, причина этого кроется в том, что разработчики

⁵ Глухов Е.А. Из пушек по воробьям... или о необходимости совершенствования уголовно-процессуальной деятельности военных органов дознания и внештатных дознавателей // Военное право. 2017. № 2 (42). С. 145, 142 – 152.

Инструкции считают ограничение полномочий командира воинской части по данной категории уголовных дел необоснованным. В правоприменительной практике имеются случаи, когда дознаватель по поручению командира воинской части в ходе проверки сообщения о преступлении и после возбуждения уголовного дела проводил следственные действия.

Установленный действующим законодательством институт неотложных следственных действий, осуществляемый органами дознания по делам, им неподследственным, ограничивает деятельность этих органов чрезмерно суженными рамками. Это не лучшим образом сказывается на эффективности уголовного судопроизводства. Остается непонятным, по какой причине законодатель исключил возможность производства неотложных следственных действий органом дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно. Безусловно, степень общественной опасности преступлений, расследование которых предполагает форму дознания, ниже, чем у преступлений, расследуемых в форме предварительного следствия, но от этого они не перестают быть преступлениями. Права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления, в любом случае нарушены.

Например, в расположении воинской части, находящейся на учениях в местности, отдаленной от военных следственных органов, совершена кража, т. е. преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ. Данный вид преступления отнесен ч. 3 ст. 151 УПК РФ к подследственности следователей военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации. Командир воинской части как орган дознания в данном случае уголовно-процессуальную деятельность осуществлять не может, так как это выходит за рамки его компетенции. В случае если он будет производить неот-

ложные следственные действия по рассматриваемой категории уголовных дел, может возникнуть вопрос о легитимности субъекта возбуждения уголовного дела.

Совершение преступлений, даже если они не относятся к категории тяжких и особо тяжких, в местах, отдаленных от органов предварительного расследования, нельзя отнести к рядовым случаям, ситуация усугубляется тем, что велика вероятность утраты доказательств, которые впоследствии восполнить будет проблематично. Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законе допущен существенный пробел, который необходимо устранить.

В связи с тем что в уголовно-процессуальном законодательстве имеется пробел, в научной литературе высказывается мнение о возможности применения института неотложных следственных действий по аналогии⁶.

Применение аналогии в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено. В целях единообразного понимания и применения уголовно-процессуального законодательства, а также повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности считаем необходимым на законодательном уровне расширить границы института неотложных следственных действий и распространить применение неотложных процессуальных и иных действий командиром воинской части (военным дознавателем) и в отношении уголовных дел, по которым предварительное следствие необязательно, т. е. расследование которых должно осуществляться в форме дознания, путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ. Вместе с этим, на законодательном уровне должны быть разрешены вопросы, связанные с определением процессуальной сущности неотложных следственных действий, а также с разграничением компетенции между военными органами дознания.

⁶ Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. М., 2009. С. 481.

ЕЖЕГОДНЫЙ ОСНОВНОЙ УДЛИНЕННЫЙ ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПУСК НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Д.Е. Зайков, кандидат юридических наук

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей.

При этом в силу ч. 2 ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации установление различий, предпочтений, которые обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите, в целях обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов и в целях решения иных задач внутренней и внешней политики государства, не является дискриминацией.

Трудовое законодательство содержит значительное количество подобных различий и предпочтений, обусловленных разными обстоятельствами.

Так, один из подобных примеров касается научной сферы деятельности¹.

Постановлением Правительства Российской Федерации «О ежегодных отпусках научных работников, имеющих ученую степень» от 12 августа 1994 г. № 949 (далее – Постановление Правительства Российской Федерации № 949) научным учреждениям (организациям), финансируемым из федерального бюджета (далее – научные организации), предоставлено право устанавливать ежегодный оплачиваемый отпуск научным работникам, имеющим ученую степень (далее – удлиненный основной отпуск):

- доктора наук – 48 рабочих дней;
- кандидата наук – 36 рабочих дней².

Указанный отпуск предоставляется научным работникам, занимающим штатные должности, ученые степени по которым предусмотрены тарифно-квалификационными требованиями, согласованными и утвержденными в установленном порядке.

¹ Пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации «О доктрине развития российской науки» от 13 июня 1996 г. № 884 поддержка развития науки определена как приоритетная задача государства, повышение престижности научного труда, создание достойных условий жизни и работы ученых и специалистов – в качестве одного из основных положений государственной научной политики.

² Согласно ч. 1 ст. 120 Трудового кодекса Российской Федерации продолжительность ежегодного основного и дополнительных оплачиваемых отпусков исчисляется в календарных днях. Таким образом, и продолжительность удлиненного основного отпуска должна устанавливаться в календарных днях. Порядок пересчета отпуска, установленного в рабочих днях, в календарные дни определен письмом Минтруда России от 1 февраля 2002 г. № 625-ВВ. Для доктора наук продолжительность удлиненного основного отпуска составляет 56 календарных дней, для кандидата наук – 45 календарных дней.

В ведомственном подчинении Министерства обороны Российской Федерации в настоящее время находится 21 научная организация³, поэтому проблемы применения в практической деятельности Постановления Правительства Российской Федерации № 949 имеют актуальное значение для Вооруженных Сил Российской Федерации.

В силу п. 1 ст. 5 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о науке) научной организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющее в качестве основной деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность.

Согласно п. 1 ст. 4 Закона о науке научным работником⁴ (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью. Должности научных работников предусматриваются в научных организациях, организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также в иных организациях, осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность.

Перечень должностей научных работников конкретно не определен.

Так, например, Перечень должностей научных работников, подлежащих замещению по конкурсу, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 937, предусматривает следующие должности:

- заместитель директора (заведующего, начальника) по научной работе;
- главный (генеральный) конструктор;

- директор (заведующий, начальник) отделения (института, центра), находящегося в структуре организации;

- руководитель научного и (или) научно-технического проекта;

- заведующий (начальник) научно-исследовательского отдела (лаборатории);

- заведующий (начальник) конструкторского отдела (лаборатории);

- заведующий (начальник) центра (отдела) (патентования, научной и (или) научно-технической информации, коллективного пользования научным оборудованием, коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности);

- главный научный сотрудник;

- ведущий научный сотрудник;

- старший научный сотрудник;

- научный сотрудник;

- младший научный сотрудник (инженер-исследователь).

Тарифно-квалификационные требования к должностям научных работников предусмотрены Квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденным постановлением Минтруда России от 21 августа 1998 г. № 37 (далее – Квалификационный справочник).

Например, требованиями к квалификации Квалификационного справочника к должности «ведущий научный сотрудник» прямо предусмотрена ученая степень доктора или кандидата наук.

Однако спорная ситуация возникает в отношении таких должностей научных работников, как «младший научный сотрудник», «научный сотрудник» и «старший научный сотрудник»: по общему правилу требования к квалификации ученую степень не предусматривают – достаточно определенного стажа работы по специальности, но одновременно установлена и альтернатива: при наличии ученой степени –

³ URL: <http://ens.mil.ru/science/SRI.htm> (дата обращения: 10.06.2017). Значительную часть личного состава научных организаций Министерства обороны Российской Федерации составляют работники.

⁴ О проблеме использования в правоприменительной практике термина «научный работник» см.: *Зайков Д.Е.* Научные сотрудники или научные работники: проблема терминологии // *Право в Вооруженных Силах.* 2015. № 6.

без предъявления требований к стажу работы.

Можно ли считать, что по указанным должностям ученые степени предусмотрены квалификационными требованиями?

С одной стороны, да, так как Квалификационный справочник предусматривает наличие ученой степени по рассматриваемым должностям.

С другой стороны, нет, так как требование о наличии ученой степени не является основным и не предъявляется ко всем претендентам на замещение таких должностей.

Вместе с тем, по мнению Департамента науки и технологии Министерства образования и науки Российской Федерации, выраженного в письме от 29 мая 2017 г. № 14-ПГ-МОН-19905, работникам научной организации, у которых наличие ученой степени предусмотрено не как обязательное требование к квалификации, научная организация вправе предоставлять основной удлиненный отпуск при наличии у таких работников ученой степени.

Как представляется, такой подход является обоснованным, отвечающим интересам научных работников и мотивирующим их на повышение своей квалификации.

При этом согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2015 г. № АКПИ15-388 Квалификационный справочник носит для работодателя не обязательный, а рекомендательный характер. Исключения составляют случаи, когда в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, иными федеральными законами с выполнением работ по определенным должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений. В таких случаях наименование этих должностей, профессий или специальностей и квалификационные требования к ним должны соответствовать наименованиям и требованиям, указанным в квалификацион-

ных справочниках, утверждаемых в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, или положениям профессиональных стандартов.

Однако наиболее существенная проблема применения Постановления Правительства Российской Федерации № 949 заключается в неопределенности предусмотренной им социальной гарантии.

Так, указанный правовой акт не предоставляет научным работникам, отвечающим предъявляемым требованиям, право на удлиненный основной отпуск, а лишь предоставляет *научным организациям право устанавливать* удлиненный основной отпуск указанной категории лиц⁵. Разница и правовые последствия очевидны.

Вот каким образом толкует Постановление Правительства Российской Федерации № 949 Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации в своем письме от 14 апреля 2017 г. № 14-2/В-320:

«Продолжительность ежегодного основного оплачиваемого отпуска – 28 календарных дней установлена ст. 115 Трудового кодекса РФ. Ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью более 28 календарных дней (удлиненный основной отпуск) предоставляется работникам в соответствии с Трудовым кодексом РФ и федеральными законами.

В соответствии с постановлением Правительства от 12 августа 1994 г. № 949 “О ежегодных отпусках научных работников, имеющих ученую степень” научным учреждениям (организациям), финансируемым из федерального бюджета, предоставлено право устанавливать ежегодный оплачиваемый отпуск научным работникам, имеющим ученую степень:

- доктора наук – 48 рабочих дней,
- кандидата наук – 36 рабочих дней.

Федеральными законами предоставление удлиненного ежегодного оплачиваемого отпуска научным работникам не предусмотрено.

⁵ Ср., напр., с Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке предоставления льгот работникам, подвергающимся риску заражения вирусом иммунодефицита человека при исполнении своих служебных обязанностей» от 3 апреля 1996 г. № 391.

С учетом изложенного полагаем, что при наличии финансовых возможностей научное учреждение (организация) вправе предусмотреть установление удлиненного отпуска научным работникам, в том числе руководителям учреждений (организаций), в коллективном договоре».

Данная позиция Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации вызывает много вопросов.

Так, в указанном ответе пояснено, что федеральными законами предоставление удлиненного основного отпуска научным работникам не предусмотрено. Однако в силу ч. 2 ст. 423 Трудового кодекса Российской Федерации изданные до введения в действие данного Кодекса нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и применяемые на территории Российской Федерации постановления Правительства СССР по вопросам, которые в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации могут регулироваться только федеральными законами, действуют впредь до введения в действие соответствующих федеральных законов.

Вызывает недоумение и указание Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации о праве научной организации предусмотреть установление удлиненного основного отпуска руководителю научной организации в коллективном договоре.

Руководитель научной организации одновременно выступает как в качестве работодателя для работников научной организации, так и в качестве работника⁶ по отношению к Министерству обороны Российской Федерации (работодателю)⁷. При этом в силу ст. 40 Трудового кодекса Российской Федерации руководитель научной органи-

зации является стороной коллективного договора. Однако регулирование соответствующих социально-трудовых отношений с участием руководителя научной организации, в том числе и в части установления ему удлиненного основного отпуска, осуществляется в его трудовом договоре по решению работодателя.

Кроме того, позиция Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации заключается в том, что право научных работников научных организаций на получение удлиненного основного отпуска полностью зависит от усмотрения соответствующей научной организации⁸. При этом ни Постановлением Правительства Российской Федерации № 949, ни иными нормативными правовыми актами критерии реализации такого права научных организаций не установлены, что создает неопределенность в части порядка реализации названного правового акта. Указание Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на такой критерий, как «наличие финансовых возможностей», является неясным и ничем не обусловленным.

В то же время указанный подход в предоставлении рассматриваемого отпуска, основанный на дискреции научной организации, нарушает один из основополагающих принципов трудового права, предусмотренный ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации, – принцип равенства прав работников, так как реализация научной организацией права, предусмотренного Постановлением Правительства Российской Федерации № 949, или отказ от такого влекут существенные правовые последствия для их научных работников соответствующей категории. Изложенное может привести к ситуации, при которой научные работники разных научных орга-

⁶ При замещении такой должности лицом гражданского персонала.

⁷ Приказ Министра обороны Российской Федерации «О представителях Министерства обороны Российской Федерации, осуществляющих полномочия работодателя в отношении работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 3910.

⁸ Буквальное толкование Постановления Правительства Российской Федерации № 949 именно такое. Хотя трактовка данного документа в юридической литературе нередко сводится к констатации факта о наличии у научных работников права на удлиненный основной отпуск (см., напр.: Колбасов В.В. Отпуска. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017).

низаций, причем даже подведомственных одному федеральному органу исполнительной власти, будут обладать разным объемом социальных гарантий, что видится нарушением требований ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации.

Данная проблема, на что акцентировало внимание в своем ответе и Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, обусловлена определением источника финансирования предоставления удлиненного основного отпуска: за счет средств федерального бюджета или за счет собственных средств научных организаций (средств от приносящей доходы деятельности).

При этом, по нашему мнению, с учетом собственника научных организаций – государства источником финансирования реализации Постановления Правительства Российской Федерации № 949 должен являться федеральный бюджет.

В противном случае наличие Постановления Правительства Российской Федерации № 949 было бы неактуально. Согласно ч. 2 ст. 116 Трудового кодекса Российской Федерации работодатели с учетом своих производственных и финансовых возможностей *могут самостоятельно устанавливать дополнительные отпуска для работников*, если иное не предусмотрено Трудовым кодексом Российской Федерации и иными федеральными законами. Порядок и условия предоставления этих отпусков определяются коллективными договорами или локальными нормативными актами, которые принимаются с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации.

В Министерстве обороны Российской Федерации указанная проблема была решена оригинальным способом.

Пунктом 2 приказа Министра обороны Российской Федерации «О размерах ежемесячных доплат за ученые степени гражданскому персоналу бюджетных учреждений (организаций) науки Министерства обороны Российской Федерации и военных об-

разовательных учреждений высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации и продолжительности ежегодных оплачиваемых отпусков научных работников бюджетных учреждений (организаций) науки Министерства обороны Российской Федерации, имеющих ученую степень» от 16 апреля 2003 г. № 120 (далее – приказ Министра обороны Российской Федерации № 120) заместителям Министра обороны Российской Федерации, главнокомандующим видами Вооруженных Сил Российской Федерации, командующим войсками военных округов, флотами, родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации, начальникам главных и центральных управлений Министерства обороны Российской Федерации, военных образовательных учреждений высшего профессионального образования и бюджетных учреждений (организаций) науки Министерства обороны Российской Федерации было приказано обеспечить предоставление в установленном порядке научным работникам бюджетных учреждений (организаций) науки Министерства обороны Российской Федерации, имеющим ученую степень, ежегодного оплачиваемого отпуска продолжительностью:

- доктора наук – 48 рабочих дней;
- кандидата наук – 36 рабочих дней.

Также определено, что указанный отпуск предоставляется научным работникам, занимающим штатные должности, ученые степени по которым предусмотрены тарифно-квалификационными требованиями.

Необходимость издания данного правового акта (в части отпусков научных работников) в связи с дублированием им Постановления Правительства Российской Федерации № 949 на первый взгляд вызывает сомнения, однако его анализ приводит к противоположному выводу.

Фактически приказ Министра обороны Российской Федерации № 120 решил за научные организации возможную дилемму: предоставлять ли научным работникам уд-

линные основные отпуска⁹. Наличие подобного решения исключило необходимость выбора научной организацией между дополнительными социальными гарантиями для научных работников и увеличенным объемом трудоемкости вместе с сэкономленными на удлинённом основном отпуске денежными средствами. Кроме того, такой подход исключил возможную дифференциацию научных работников научных организаций Министерства обороны Российской Федерации в зависимости от наличия (отсутствия) у них права на удлинённый основной отпуск.

Вместе с тем, приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 июня 2016 г. № 327 приказ Министра обороны Российской Федерации № 120 признан утратившим силу¹⁰, что повлекло неоднозначное восприятие со стороны научных организаций Министерства обороны Российской Федерации: от отсутствия каких-либо изменений до отмены удлинённых основных отпусков научным сотрудникам.

Однако позиция Министерства обороны Российской Федерации по данному вопросу явилась законной и обоснованной.

Положения, установленные Постановлением Правительства Российской Федерации № 949, являются нормой прямого действия, в связи с чем научная организация Министерства обороны Российской Федерации имеет право предоставлять удлинённый основной отпуск научным работникам, имеющим ученую степень и занимающим штатные должности, ученые степени по которым предусмотрены тарифно-квали-

фикационными требованиями, утвержденными в установленном порядке. Наличие правового акта Министерства обороны Российской Федерации при этом не требуется¹¹.

Постановление Правительства Российской Федерации № 949 является нормативным правовым актом прямого действия и обязательно для исполнения на территории Российской Федерации. Таким образом, признание утратившим силу приказа Министра обороны Российской Федерации № 120 не является основанием для внесения изменений в действующие трудовые договоры работников в целях установления уменьшенной продолжительности отпуска.

Из вышесказанного следует, что при предоставлении отпусков научным работникам, имеющим ученую степень, необходимо руководствоваться Постановлением Правительства Российской Федерации № 949¹².

Вместе с тем, изложенное не решает главную проблему, возникшую в связи с отменой приказа Министра обороны Российской Федерации № 120: каким образом поступать в указанной ситуации научным организациям Министерства обороны Российской Федерации в части реализации Постановления Правительства Российской Федерации № 949¹³? Предоставлять научным работникам соответствующей категории удлинённый основной отпуск или отказаться от этого¹⁴?

В настоящее время решение указанной проблемы полностью находится в компетенции самой научной организации, однако такой подход как создает предпосылки

⁹ Данная проблема в отношении научных организаций, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации, была решена посредством установления соответствующего права научных работников со ссылкой на Постановление Правительства Российской Федерации № 949 в п. 4.2.3 Отраслевого соглашения Министерства здравоохранения Российской Федерации и Профсоюза работников здравоохранения Российской Федерации от 6 сентября 2013 г. по федеральным государственным бюджетным и казенным учреждениям, находящимся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, на 2013 – 2016 годы.

¹⁰ Причем указанный приказ был отдельно доведен до научных организаций Министерства обороны Российской Федерации.

¹¹ Письмо Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации от 4 октября 2016 г. 207/3389.

¹² Письмо Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 10 мая 2017 г. № 173/ТК/957.

¹³ Указанное ставит вопрос о действительной причине отмены приказа Министра обороны Российской Федерации № 120: устранение юридико-технического недостатка путем исключения дублирования нормативных правовых актов или прекращение действия решения Министра обороны Российской Федерации о реализации постановления Правительства Российской Федерации № 949 в отношении научных организаций Министерства обороны Российской Федерации.

¹⁴ На возникающий вопрос о предоставлении научным работникам отпуска продолжительностью менее установленной Постановлением Правительства Российской Федерации № 949 следует ответить отрицательно, так как возможность установления удлинённого основного отпуска иной продолжительности указанным правовым актом не предусмотрена.

для необоснованного усмотрения при решении данного вопроса, так и обуславливает создание неравных условий труда для научных работников различных научных организаций Министерства обороны Российской Федерации.

Как представляется, рассматриваемая проблема должна быть решена законодательным путем, причем не на ведомственном, а на федеральном уровне.

Попытки подобного развития ситуации уже были.

Так, в Заключении Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по труду, социальной политике и делам ветеранов по проекту федерального закона № 540253-6 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций и их заместителей» отмечалось: с учетом специфики научного труда законопроект целесообразно дополнить нормой о том, что научным работникам устанавливается ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого устанавливается Правительством Российской Федерации¹⁵.

Указанный Федеральный закон был принят¹⁶, однако предлагаемое дополнение об удлиненном основном отпуске научных работников в нем так и не появилось.

Кроме того, Министерством образования и науки Российской Федерации в июле

2015 г. был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части предоставления ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска научным работникам».

В пояснительной записке к названному проекту было указано, что законопроект призван гарантировать равное право на ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск научным работникам, осуществляющим трудовую деятельность в организациях, финансируемых за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Действие указанного законопроекта не распространяется на научных работников, осуществляющих трудовую деятельность в организациях, не финансируемых за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

К сожалению, по настоящее время указанный законопроект так и не был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Таким образом, проблема предоставления научным работникам соответствующей категории удлиненного основного отпуска носит актуальный характер и требует своего разрешения на законодательном уровне. Государственная поддержка развития науки и повышение престижности научного труда не могут быть реализованы без создания для ученых достойных условий как работы, так и отдыха.

На журнал «Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение» и серию книг «Юридическая энциклопедия военнотружущего» можно подписаться в любом почтовом отделении (подписные индексы – 72527 и 80680)

¹⁵ Аналогичное предложение было высказано и в Заключении Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и наукоемким технологиям на проект федерального закона № 540253-6 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций и их заместителей».

¹⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» в части совершенствования механизмов регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций, их заместителей» от 22 декабря 2014 г. № 443-ФЗ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

К.В. Харабет, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Военного университета, сопредседатель Фонда научных исследований в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А.А. Тер-Акопова, полковник юстиции запаса

Двадцатилетие любимого военными юристами и уважаемого в научном мире «ваковского» журнала – прекрасный повод не только вспомнить обо всем хорошем, что было в военно-криминологической науке за эти годы, но и «высказаться» о «наболевшем», в данном случае – о современном состоянии и некоторых (наиболее важных по субъективному пониманию автора этих строк) проблемах военной криминологии. Тем более что за период 1997 – 2017 гг. именно на страницах журнала «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение» были опубликованы многие интересные работы по данной проблематике и тем самым «дан старт» в большую науку многим ученым – военным юристам. В качестве посильной задачи в рамках настоящей статьи попытаемся обозначить основные «реперные точки» состояния военно-криминологической науки, ее проблем, предложить свое видение их возможного решения.

1. Современная военная криминология нами рассматривается как отрасль криминологической науки и учебная дисциплина, изучающая преступность, ее криминогенные детерминанты, личность преступника, противодействие преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, а также ее «фоновые» явления (наркотизм, пьянство и алкоголизм, суицидальное поведение, криминальный бюрократизм и некоторые другие явления – во

взаимосвязи с преступностью военнослужащих). Нами криминология рассматривается как междисциплинарная отрасль знаний – социально-правовая, – вышедшая из «недр» уголовного права и социологии (ее раздела – девиантологии), оказывающих на нее существенное влияние, впрочем, взаимное. Существуют и иные подходы применительно к институциональному определению и позиционированию военной криминологии.

Главная *стратегическая* задача, стоящая перед военной криминологией, – разработка и сопровождение эффективной военно-криминологической политики в интересах обеспечения законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. В широком понимании рассматриваемого термина военно-криминологическая политика является одним из важных направлений военно-уголовной политики. Основная *прикладная* задача военной криминологии – обеспечить командование, органы военной юстиции, другие субъекты борьбы с преступностью теоретическими и практическими знаниями, направленными на противодействие преступности в войсках, снижение (нейтрализацию) ее детерминант, пресечение и профилактику преступности (а равно и ее «фоновых» явлений). Главная особенность борьбы с преступностью в войсках – это ее «подчиненность» задаче обеспечения боеготовности и боеспособности Вооружен-

ных Сил, особенно в условиях военного времени (боевой обстановки), когда задача вооруженной защиты государства от внешних угроз отводится по понятным причинам приоритетное место.

Сокращение уровня регистрируемой преступности происходит во всем мире, России и ее Вооруженных Силах¹. Состояние и динамика преступности военнослужащих в последние два десятилетия характеризуются трендом на снижение абсолютного числа зарегистрированных преступлений и фактической преступности в целом. Также зафиксировано начиная с 2007 г. *снижение* количества осужденных военнослужащих. Процесс снижения преступности является следствием сокращения общей численности военнослужащих, а также следствием сокращения интенсивности преступных проявлений среди военнослужащих. Наблюдается уменьшение доли «воинской» преступности в структуре преступности военнослужащих, что отчетливо проявляется начиная с 2011 – 2012 гг. и во многом вызвано изменением качественного состава Вооруженных Сил – увеличением доли «контрактников» и одновременно – со значительным повышением уровня социальной защищенности военнослужащих, повышением престижности военной службы – повышением «планки» требований к поступающим на службу.

Следует учитывать, что последние годы отмечается более чем 2 – 3-кратный (в сравнении с двадцатилетней давностью) рост преступности среди офицерского состава; зафиксирована опасная тенденция увеличения доли выявленных преступлений корыстной и коррупционной направленности, а также наркопреступлений в общей структуре преступности военнослужащих. Автор сознательно не приводит в качестве основного «аргумента» вышесказанного абсолютные и относительные показатели заре-

гистрированной преступности и судимости, считая, что в ряде случаев (особенно применительно к высоколатентным видам преступности военнослужащих) они лишь на *вероятностном* уровне, приблизительно характеризуют фактическое состояние криминала. Так, например, зарегистрированная преступность военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков (НОН) в 2014 – 2016 гг. (по Вооруженным Силам Российской Федерации) достигла почти шестипроцентного рубежа. Между тем на этот счет применительно к оценке действительного уровня наркопреступности в России имеются серьезные сомнения: многочисленные опубликованные исследования, проведенные профессорами Т.А. Боголюбовой, А.В. Наумовым, Л.И. Романовой, А.В. Федоровым, а также автором настоящей статьи и другими учеными, указывают на то, что правовая статистика по НОН в современной России *не имеет ничего общего* с характеристикой состояния и динамики фактической наркопреступности, а ее периодические «всплески» или снижения обусловлены различными специфическими субъективными и организационными факторами: «кампанейщиной» в деятельности правоохранительных органов, перманентным и несистемным изменением уголовного законодательства, уточнением «размеров» наркотиков, используемых в незаконном обороте, изменением судебной и экспертной практики в вопросах определения размеров наркотиков и проч.

В области противодействия преступности военнослужащих за последние 10 – 20 лет произошло много позитивных изменений. Приняты законодательные меры по обеспечению полной организационной, материальной и иной независимости органов военной юстиции от военного командования. Введены новые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, сформирована в

¹ До сих пор отечественной и зарубежной криминологической наукой не дан четкий ответ, объясняющий этот феномен. Среди наиболее часто встречающихся объяснений три: развитие и изменение преступности в мире носит сложно-циклический характер; происходит бурное распространение высокоэффективных средств защиты от преступности; уличная насильственная преступность в последнее десятилетие ушла в «виртуальный мир» (негативная, а также избыточная сексуальная энергия, агрессия и т. д. выплескиваются несовершеннолетними за мониторами компьютерных игр).

целом непротиворечивая судебная практика по уголовным делам в отношении военнослужащих. Новые субъекты военно-криминологической профилактики – военные следственные органы и военная полиция активно участвуют в правоохранительной деятельности. В Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах борьба с преступностью осуществляется под руководством и при координации со стороны военных прокуроров соответствующего звена, на основе решений, принятых на ежегодных и неплановых координационных совещаниях под председательством заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора. Сформирована и совершенствуется ведомственная правовая база (например, в ранге приказов Министра обороны Российской Федерации) по предупреждению наркотизма, пьянства и алкоголизма, суицидального поведения, табакокурения, грубых воинских дисциплинарных проступков, профилактике травматизма, соблюдению законодательства о государственной и военной тайне, укреплению безопасности военной службы в целом. Министерством обороны Российской Федерации заключены двусторонние межведомственные соглашения с правоохранительными ведомствами (ФСБ, ФСКН России – до 2016 г., МВД России) по отдельным направлениям сотрудничества, например информационному.

В то же время практика последних лет выявила и «резервы» антикриминогенного потенциала в деятельности органов военной прокуратуры, военных следственных органов, военной контрразведки, которые заключаются, прежде всего, в необходимости «переориентирования» их на *раннее* пресечение и предупреждение преступности, иных правонарушений в войсках, в том числе в целях недопущения повторения как минимум ошибочных управленческих и уголовно-правовых «событий» 2007 – 2011 гг., когда многочисленные случаи много-

миллионных преступных деяний корыстной направленности были «вскрыты» и расследованы лишь после смены руководства военного ведомства, хотя информация о них была известна; существенные негативные последствия (в том числе с позиции материального и иного ущерба, причиненного законности и правопорядку, боеготовности войск) принесли армии и флоту действия по реформированию военно-медицинской и военно-юридической служб. Нужно не ждать «команды сверху», а своевременно правовыми средствами бескомпромиссно реагировать в пределах своей компетенции на нарушения законности, быть настойчивыми, вплоть до обращения к «первым лицам» государства, в своей профессиональной деятельности по защите интересов национальной безопасности (опубликованные в 2015 г. воспоминания бывшего Главного военного прокурора Б.С. Попова содержат немало тому примеров, имевших место в 1986 – 1989 гг. в деятельности военных прокуроров).

Современная криминальная ситуация в настоящее десятилетие XXI в. формирует перед военной криминологией новые вызовы и угрозы, а также задачи, к которым, по мнению автора, следует, прежде всего, отнести: а) рост отдельных опасных девиаций в России, среди которых наркотизм, криминальная агрессия (особенно в среде несовершеннолетних – будущих военнослужащих); б) осязаемое ухудшение в условиях жесткого социально-экономического кризиса социального и психического самочувствия значительной части населения, которое стремительно нищает, и к последствиям этого нужно быть готовыми. Активизируются на этом фоне и протестные настроения среди несовершеннолетних и молодежи – призывного контингента; в) необходимость проведения комплексных междисциплинарных исследований и, как результат, принятие правовых, организационных решений по предупреждению правонарушений и социальной реабилитации военнослужащих и иных лиц, подвергшихся воз-

действию боевой массовой психологической травмы (БМПТ). Наша страна становится все более «воюющей», в СМИ появились публикации о привлечении частными военными компаниями россиян, в том числе «вчерашних» военных, для участия в военных действиях на территории Сирии и Донбасса. В свое время исследования советских, американских, немецких ученых, независимо друг от друга, выявили многочисленные негативные последствия для лиц, подвергшихся БМПТ, – «уход» в пьянство и наркотизм, склонность к суицидам, острые психические расстройства с «выходом» в необузданную агрессию криминального характера; г) разработка методик, овладение навыками (с использованием результатов современной науки и техники) индивидуального прогнозирования преступности и преступности в целом. Новые современные виды нелетального оружия, разрабатываемые для нужд обороны, справедливо рассматриваются отечественной и зарубежной криминологией как потенциально опасный источник преступности; д) необходимость самостоятельного криминологического анализа предупреждения правонарушений военнослужащих, детерминируемых факторами «гибридных войн»; е) необходимость творческого изучения опыта противодействия преступности в условиях полномасштабных боевых действий (на примере Великой Отечественной войны), тем более когда военно-уголовное законодательство «на особый период» в нашей стране до сих пор не разработано.

2. Военная криминология своим рождением и современным состоянием обязана, прежде всего, «отцу-основателю» – ныне здравствующему мэтру доктору юридических наук, профессору Виктору Васильевичу Лунееву, подготовившему первый учебник по военной криминологии (1986), а также военным криминологам – представителям старшего поколения – Василию Павловичу Маслову и Олегу Валерьевичу Дамаскину (последний и по сей день регулярно радуется криминологическое сообщество

интересными монографическими исследованиями. – К. Х.), защитившим докторские диссертации по военно-криминологической проблематике, а также блестящей плеяде ученых и практиков – военных юристов, чьи многолетние военно-правовые исследования включали в себя и военно-криминологическую проблематику; это, прежде всего, Х.М. Ахметшин, Ф.С. Бражник, В.Г. Белявский, А.Г. Горный, А.С. Кобликов, Е.М. Самойлов, А.А. Тер-Акопов, Г.И. Загорский, В.П. Шупленков. Военно-криминологические исследования указанных авторов состоялись не на «пустом месте» – их предшественниками времен Военно-юридической академии в известной степени были профессора А.А. Герцензон и В.М. Чхиквадзе, еще ранее – до революции – военные юристы, ученые в области военно-уголовного права профессора П.О. Бобровский, С.А. Друцкой, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.

Показательно, что последнее двадцатилетие (1997 – 2017) является в некотором смысле «рубежным» и для военной криминологии – двадцать лет назад вступил в действие новый Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; начиная с 1997 г. были защищены докторские диссертации следующим поколением ученых – военных юристов: учеником В.В. Лунеева Сергеем Михайловичем Иншаковым, разработавшим в новых условиях военного строительства концепцию многоуровневого воздействия на преступность в Вооруженных Силах и подготовившего второй учебник по военной криминологии, в двух частях (1999, 2001); А.А. Толкаченко (военно-пенитенциарная, и не только, проблематика) и А.С. Самойловым (противодействие криминальному обороту оружия). Труды этих ученых содержат значительный криминологический пласт. Военно-криминологическую науку «обогатили» своими исследованиями известный отечественный криминолог профессор И.М. Мацкевич, а также профессора и доктора наук И.Ю. Белый, А.Ю. Винокуров, О.К. Зателепин,

Н.Н. Карпов, В.М. Корякин, К.С. Лиховидов, С.В. Маликов, Ю.Н. Туганов, Н.А. Шулепов, чьи многолетние исследования различных военно-правовых проблем (уголовно-правовых, административно-правовых, прокурорского надзора, криминалистических и др.) включали в себя и военно-криминологический аспект. Также следует указать и на докторские диссертационные исследования руководителей органов военной юстиции (Н.А. Петухова, А.Н. Савенкова и С.Н. Фридинского), содержащие анализ военно-криминологических показателей применительно к отдельным видам преступности в Вооруженных Силах (военной организации государства). Большая группа ученых на протяжении многих лет плодотворно разрабатывает военно-криминологическую проблематику, среди них хочется выделить доцента Ю.В. Духанину (Рыкову), кандидатов юридических наук А.С. Паршакова и Ю.П. Оноколова, доцентов Е.А. Моргуленко (в недавнем прошлом – руководителя кафедры уголовного права Военного университета) и Р.В. Закомолдина, кандидатов юридических наук К.А. Кадолко, И.В. Крупнова, М.А. Торкунова и др. Преданы «своей» духовно-нравственной проблематике (в том числе применительно к противодействию преступности военнослужащих) доценты О.А. Мозговой и О.А. Овчаров. Исторический аспект развития военной юстиции (и преступности в войсках) успешно многие годы (и с большим читательским признанием) исследует военный судья в отставке В.Е. Звягинцев.

Многочисленными содержательными исследованиями по военно-криминологической проблематике, в том числе монографического плана, «отметился» докторант Военного университета Я.Н. Ермолович, в 2017 г. успешно защитивший диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, посвященную уголовно-правовым основам обеспечения обороны страны.

Всего же на «портале военно-правовой информации» (сайт www.Voenpravo.ru) по

состоянию на сентябрь 2016 г. содержится информация о защищенных в СССР и России 93 диссертациях, из них – 9 докторских, по военной криминологии.

К существенным достижениям военной криминологии последних двух десятилетий также следует отнести:

- завершение институализации военной криминологии как отрасли знаний и учебной дисциплины. Предмет военной криминологии фактически расширился за счет «включения» в него девиантного поведения, прежде всего в той части, как оно связано с преступностью;

- значительное расширение «репертуара» военно-криминологических исследований, в том числе за счет изучения духовно-нравственного аспекта противодействия преступности;

- рост количества центров, научных площадок, осуществляющих военно-криминологические исследования: помимо Военного университета, это Московский пограничный институт ФСБ России, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, в период 2003 – 2016 гг. находился в ведении ФСКН) и др.;

- присутствие в настоящее время в российском печатном и информационном поле сразу трех «ваковских» периодических изданий, в которых регулярно публикуются материалы по военно-криминологической проблематике: помимо старейшего военно-правового журнала «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение», это электронное периодическое издание «Военное право» и «Военно-юридический журнал».

Серьезный импульс военно-криминологическим исследованиям на рубеже столетий был задан циклом научно-практических конференций по актуальным проблемам военного права и изданными на их основе сборниками материалов конференций и монографиями в серии «Право в Вооруженных Силах – консультант» по инициативе ученых из Общественного движения «За права военнослужащих» (А.В. Кудаш-

кина, К.В. Фатеева, С.С. Харитоновы и их единомышленников). Военно-криминологическая проблематика широко присутствовала и в конкурсных работах (2005 – 2012) ежегодных всероссийских конкурсов научных работ среди студентов и молодых ученых по проблематике безопасности человека, проводимых Фондом содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А.А. Тер-Акопова.

3. *Некоторые проблемы, стоящие перед военной криминологией.* Первая и важнейшая системная проблема, общая для всех военных криминологов, – отсутствие открытого доступа к статистическим сведениям о преступности в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также иным показателям моральной статистики, характеризующим военно-девиантологические феномены; затруднены организация и проведение военно-полевых исследований. В то же время Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ст. 7) прямо указывает на недопустимость засекречивания сведений о состоянии преступности. Открытыми и общедоступными являются только сведения о судимости военнослужащих. Налицо избыточная и незаконная засекреченность, даже с учетом объективных реалий, связанных со спецификой функционирования военной организации государства. Нередко статистические данные военных прокуратур и военных следственных органов (не секретные) просто не публикуются в открытой печати, военные исследователи «добывают» их с помощью личных связей в органах военной юстиции. «Закрытыми» являются и большинство диссертационных советов (по специальности 20.02.03), где защищаются многие военные криминологи (с учетом специфики предмета и объекта своего исследования).

Ученые – военные криминологи (только если они не являются сотрудниками органов военной юстиции) в своем большинстве изолированы, оторваны от участия в ана-

лизе состояния дел по борьбе с преступностью в войсках и разработке антикриминальных мер. А 20 лет назад все начиналось так здорово! На должность заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора в мае 1997 г. был назначен доктор юридических наук, профессор Ю.Г. Демин, который вывел информационно-аналитическую работу в органах военной прокуратуры на качественно новый уровень, в ГВП эффективно функционировали рабочие группы по актуальным направлениям борьбы с преступностью в войсках, приветствовалось привлечение ученых-криминологов и «уголовно-правовиков» из военных вузов. Так, автор этих строк, молодой, только что «защитившийся» ученый, почти в приказном порядке был привлечен к работе «антинаркотической» рабочей группы, разработал в ее интересах антинаркотическую программу (2000), получившую положительное экспертное заключение во всех «силовых» ведомствах. Такое положение дел продолжалось и при преемнике Ю.Г. Демина. После 2002 г. было принято решение о том, что ученых «со стороны» к плановому анализу воинской преступности и разработке программ по борьбе с преступностью в стенах Главной военной прокуратуры больше не привлекать, что действует и поныне.

Также военные криминологи «разделены» в силу ведомственной разобщенности. Явно не хватает в интересах военной науки общей «научной площадки» для военных криминологов, хотя бы в формате ежегодной тематической криминологической конференции, постоянного междисциплинарного семинара, которые бы посещали не только ученые, но и (в обязательном порядке) руководящие работники органов военной юстиции. Тем более отсутствует (как ведомственный, так и межведомственный) военно-криминологический центр, который бы действовал в интересах обеспечения законности во всей военной организации государства. Не налажен ведомственный мониторинг преступности и ее основ-

ных «фоновых» явлений в войсках (разумеется, организованный с учетом военной специфики, наличия сведений и информации, требующей государственной защиты). Мы (ученые и практики) не в полном объеме владеем достоверной информацией о криминальных реалиях в войсках.

Далее. Не востребована властями (элитами) в современной России специальность криминолога вообще и военного криминолога в частности. Речь идет как о моральном ощущении (не) нужности своей профессии для общества и государства, так и о достаточно невысоком уровне материальной обеспеченности ученого (хотя в последние годы денежное довольствие военнослужащих значительно выросло в сравнении с предыдущими годами, но военные криминологи из числа гражданского персонала в этом плане «в проигрыше»). Не выделяются средства для участия военных ученых в иногородних и международных конференциях, отсутствует и политика по предоставлению грантов под фундаментальные военно-криминологические исследования. Автор многие годы участвует в отечественных (вне Москвы) и зарубежных криминологических конференциях исключительно за свой счет, увы, практически не встречая среди их участников своих коллег «по цеху». Практика показывает, что нередко гуманитарной наукой (военная криминология – не исключение) занимаются только ради написания диссертаций, после их защиты авторы свои научные изыскания прекращают. Нередко кандидатские и докторские диссертации пишут именно руководящие работники, проявляя научную активность в период службы «в верхах» как средство получения престижной научной «корочки».

В связи с изложенным следует отметить, что настоящих энтузиастов науки, осознанно идущих дорогой военно-криминологических «терний», немного. Значительная часть «защитившихся» военных криминологов находят более достойное (в материальном и ином плане) применение своим

знаниям в органах военной прокуратуры, военных судах, государственных компаниях, адвокатуре. К сожалению, целая когорта известных ученых-юристов, ранее плодотворно разрабатывавших, в частности, военно-криминологическую проблематику, в последнее десятилетие в силу различных причин сменила «репертуар» своих научных исследований, среди них доктора юридических наук, профессора В.В. Лунев, С.М. Иншаков, И.М. Мацкевич, А.С. Самойлов, А.А. Толкаченко, Н.А. Шулепов и др.

Печальным фактом является и слабость реализации межотраслевого подхода в рамках военной науки, хотя он многие годы декларируется с трибун научных мероприятий различного уровня. Это наблюдается даже на примере военно-учебного заведения, где я имею честь работать профессором кафедры уголовного права на протяжении последних 16 лет. Так, анализ автором этих строк представленных в библиотечных фондах основных изданий учебного и монографического характера, подготовленных представителями научных школ военно-психологического и военно-педагогического профиля в Военном университете за последние 10 – 15 лет по военно-девиантологической профилактике (предупреждение воинских дисциплинарных проступков, пьянства, суицидов, наркотизма), показывает, что их авторам практически не известны или игнорируются (!) современные исследования их коллег – военных юристов по этой же проблематике (ученых кафедр уголовного права, уголовного процесса, криминалистики). Можно встретить и примеры обратного свойства. И тем более практически отсутствуют межотраслевые научные исследования девиаций в войсках, с привлечением представителей военно-медицинской науки, что более чем актуально не только для развития теории, но и для совершенствования практики противодействия преступности в войсках.

Тревожной тенденцией является, по мнению автора, недостаточная социологичес-

кая, эмпирическая обусловленность отдельных выводов и предложений по оценке и совершенствованию действующего уголовно-правового законодательства, которая нами рассматривается как прямое следствие уже называвшихся «реалий» военно-криминологических исследований – невозможности доступа ученых к широкой военно-правовой статистике и «эмпирике». Это не вина, а беда военной криминологии². Научный подход, с опорой на криминологические и социологические реалии, позволит уйти от предложений по совершенствованию законодательства, характеризующихся *избыточностью* в применении репрессивных мер.

4. *Что делать (вместо выводов)*. Борьба с преступностью в Вооруженных Силах Российской Федерации (военной организации государства в целом) напрямую зависит от наличия политической воли, социального заказа и положения дел с противодействием преступности в стране. При этом в силу известной автономности функционирования военной организации как института государства и иных факторов, Вооруженные Силы могут и должны стать криминологическим «полигоном» по «обкатке» новых идей, форм и методов противодействия преступности, прежде всего близкой «воинской преступности» по качественным и количественным показателям – преступности среди несовершеннолетних и молодежи.

Необходимо максимально открыть для изучения криминологическую статистику по армии и флоту, создать организационно-правовые возможности проведения широких, в том числе междисциплинарных, исследований как по линии НИР – через «госзаказ» по линии органов военного управления и органов военной юстиции, так и в рамках инициативных научных проектов.

В очных и заочных адъюнктурах, кафедральных коллективах, НИО вузов предлагается взять «курс» на повышение общенаучной культуры военных исследователей, овладение ими современными навыками проведения исследований, через «призму» методологического принципа дополнительности. Последний, в трактовке Нильса Бора, проявляется в социальных отношениях в единстве реализации принципов законности и милосердия. Изучение, например, с этих позиций русской классической литературы позволяет глубже понять наши вековые традиции правовоспитания и историю формирования отношения россиян к власти, закону и правопорядку, уяснить феномен «антиюридизма» как течения отечественной правовой мысли.

Остро необходимы углубленное изучение иностранных языков (основной массив зарубежной криминологической и девиантологической литературы написан на английском языке), практическое овладение навыками проведения «военно-полевых» исследований, социологическими и математическими методиками изучения массовых социальных явлений. Разумно изучать практику борьбы с преступностью в сопоставимых с Россией по военно-политическому потенциалу странах (США, Китай) и внедрять у нас полученный там положительный опыт, с учетом местных условий.

Военный криминолог, а тем более из числа руководителей государственных органов – субъектов антикриминальной профилактики, должен, прежде всего, сам служить личным примером нравственного и законопослушного гражданина, юриста. «Грош цена» призывам «не воровать» от тех должностных лиц правоохранительных и судебных органов, чьи поступки и служебная деятельность на деле обращены в сторону криминального или иного сомнительного

² Так, например, в открытых публикациях за 2016 – 2017 гг., подготовленных для «ваковских» журналов уважаемым коллегой – ученым – военным криминологом, ставится под сомнение обоснованность присутствия в действующем УК РФ нормы об уголовной ответственности за дезертирство, приводится утверждение о возможности полного объяснения состояния и динамики преступности военнослужащих только через анализ их судимости. Полагаю, что если бы коллеге была доступна вся статистика преступности военнослужащих, статистические данные, характеризующие работу военных прокуратур и военных следственных органов в части учета «отказных» материалов и возбужденных уголовных дел, принятия по итогам расследования процессуальных решений и т. д., его выводы в изложенной части претерпели бы существенную коррективу.

личного обогащения или чьи ближайшие родственники (как то: супруга, сыновья) бесстыдно занимаются вип-обогащением.

Целесообразно расширять круг субъектов профилактики за счет привлечения к антикриминальным программам и мероприятиям, в комплексе с военно-патриотическим и волонтерским движением, войсковой (флотской) общественности, отдельных военнослужащих и других граждан, а также общественных организаций, выступающих за культ здорового образа жизни, развитие позитивных девиаций (например, паркура); формировать конструктивное сотрудничество со всеми здоровыми силами общества, борющимися с преступностью, независимо от их формы собственности и политических взглядов, не допускать шельмование инакомыслия.

В антикриминальных программах (в масштабах Вооруженных Сил Российской Федерации, военного округа, объединения – соединения – воинской части) упор должен делаться на *раннюю профилактику* преступности, среди важнейших мероприятий которой – выявление групп риска из числа военнослужащих (по призыву и контракту, отдельно – по иным категориям: младшие офицеры, старшие офицеры и проч.), вовлеченных в противоправное и аморальное поведение.

Деятельность таких субъектов антикриминальной профилактики, как военное командование, военная полиция, военные суды, должна быть направлена на повышение эффективности применяемой дисциплинарной и уголовной ответственности военнослужащих с точки зрения задач общей и специальной превенции как важного средства профилактики преступности. Целесообразно организовать систему учета и анализа грубых дисциплинарных проступков в масштабах Вооруженных Сил Российской Федерации, которая в настоящее время отсутствует.

Перспективные направления научных исследований. Криминология как базовая учебная дисциплина должна преподавать-

ся во всех высших военно-учебных заведениях (университетах, академиях, институтах). По-видимому, актуальной задачей является скорейшая разработка нового учебника по военной криминологии «третьего» поколения.

Собственный многолетний опыт криминологических исследований, научное общение с коллегами-криминологами на научно-практических форумах и т. д. позволяют автору предложить следующие перспективные направления диссертационных (научных) исследований: разработка системы мер противодействия преступности на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации; изучение латентной преступности военнослужащих; деятельность органов военной прокуратуры, военных следственных органов и военной полиции по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступлений; межотраслевые исследования личности преступника-военнослужащего; коррупционная преступность должностных лиц органов военного управления и органов военной юстиции; влияние боевой массовой психологической травмы на криминальную агрессию и иное правонарушающее поведение военнослужащих как межотраслевое исследование; общеуголовная насильственная (корыстная) преступность как «криминальное» эхо (последствие) преступности в войсках; изучение взаимосвязи подростковой делинквентности (преступности) призывников и военнослужащих, проходящих службу по призыву; изучение корыстной и насильственной преступности в условиях военного времени (боевой обстановки); изучение криминальной взаимосвязи преступности и суицидального поведения; преступления, совершенные в состоянии опьянения; предупреждение преступности в российской армии до 1917 г., в годы Великой Отечественной войны (с привлечением новых материалов, не доступных исследователям 60 – 80-х гг. прошлого века), в Афганистане периода 1979 – 1989 гг.; рискованное сексуальное поведе-

ние военнослужащих и преступность; связь организованной (профессиональной) преступности и воинской преступности в войсках; сравнительно-правовые исследования противодействия преступности в вооруженных силах иностранных государств.

Необходима организация проведения в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах ежегодного комплексного мониторинга преступности и других показателей «моральной статистики», уровня их латентности; количественно-качественных показателей; материальных потерь от криминала в войсках, включая потери в случае ошибочного призыва на военную службу, травматизм и другие негативные факторы экономического порядка; правопорядка и осуществления правосудия (затраты на процессуальную деятельность правоохранительных органов и т. д.). С учетом результатов комплексного исследования необходимо разработать методику криминологического «замера» количественных и качественных характеристик преступности, а также структуры и динамики преступности.

Общность феноменологии, этиологии и факторов причинного комплекса основных видов социальных отклонений, выявленная криминологическими и социологическими исследованиями (В.Н. Кудрявцев и др., 1989 г.), дополнительно свидетельствует в пользу научной и практической обоснованности разработки *единой программы предупреждения преступности и ее «фоновых» явлений* (в масштабах Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, где предусмотрена военная служба).

Применительно к предупреждению преступности военнослужащих данное предложение представляет собой комплексную реализацию следующих положений:

– разработка федеральных законов «О безопасности военной службы» и «О системе профилактики правонарушений в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формирова-

ниях и органах», содержащих базовые положения противодействия преступности, наркотизму, пьянству и алкоголизму, иным правонарушениям среди военнослужащих, а также их профилактики; формирование единого научного аппарата – терминологии («языка»), – обслуживающего данную область социальных отношений;

– разработка подпрограмм, направленных на комплексное предупреждение преступности и ее «фоновых» явлений в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах, где предусмотрена военная служба, с учетом их особенностей;

– дальнейшее развитие системы органов военной полиции с широкими полномочиями и функциями по пресечению и предупреждению преступности и иного правонарушения поведения военнослужащих;

– создание при Главной военной прокуратуре центра по изучению преступности и правонарушений военнослужащих, с функцией координации междисциплинарных и межведомственных научно-практических исследований, в том числе в интересах проведения мониторинга преступности, наркоситуации, научно-методического обеспечения деятельности координационных совещаний при заместителе Генерального прокурора Российской Федерации – Главном военном прокуроре. На центр также предлагается возложить функции по криминологической экспертизе ведомственных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации;

– разработка и внедрение в учебные программы по подготовке будущих военных педагогов, психологов, социологов военных образовательных организаций высшего образования, а также учебных заведений, реализующих программы дополнительного образования для сотрудников органов прокуратуры и других правоохранительных ведомств, курсов (занятий) по современным методам раннего выявления предупреждения преступлений военнослужащих;

– создание в структуре центральных аппаратов Главной военной прокуратуры, Главного военного следственного управления, Главного управления воспитательной работы и Главного военно-медицинского управления Министерства обороны Российской Федерации и в их окружных структурах штатных подразделений по изучению причин и условий преступности, наркотизма, пьянства и алкоголизма и других «фоновых» явлений преступности военнослужащих (с учетом специфики задач и функций каждого из ведомств);

– организация постоянного мониторинга преступности и других показателей моральной статистики в масштабах Вооруженных Сил;

– изучение и внедрение опыта борьбы с преступностью, выявления и профилактики наркотизма, накопленного в других российских силовых органах, а также в армиях зарубежных стран, проведение учебы

(учений) и тренингов (по линии командования, военно-медицинской, воспитательной и психологической служб, органов военной юстиции) в рамках совместных антикриминальных программ; создание модельных (общих) подходов (программ, законодательства) в части организации криминологического воспитания, противодействия преступности применительно к вооруженным силам государств – членом ОДКБ и др.

Автор отдает себе отчет, что не все предлагаемые им идеи и мероприятия могут быть восприняты и реализованы в доктрине и на практике в современных условиях. Однако их конструктивное обсуждение экспертным сообществом позволит, по-видимому, выйти на разработку и внедрение эффективных организационно-правовых и иных мер, направленных на противодействие преступности в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Андреев, научный сотрудник центра правовых исследований

С начала 1990-х гг. в России вновь стали создаваться кадетские корпуса различных организационно-правовых форм и подчиненности. Как правило, все они были сосредоточены на предоставлении юношам качественного среднего общего образования, высоконравственном воспитании, направленном на подготовку воспитанников к последующей военной службе.

Система кадетского образования включила в себя ранее существовавшие суворовские и нахимовские военные училища и вновь созданные кадетские корпуса, учредителем которых являлась Российская Федерация в лице Министерства обороны Рос-

сийской Федерации, иных федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба, – ведомственные кадетские военные корпуса. В настоящее время такие кадетские корпуса входят в систему Минобороны России, ФСБ России, МВД России, МЧС России, СК России.

В последующем создание и развитие современного кадетского образования осуществлялось на различных государственных уровнях, однако во всех случаях с учетом исторического опыта работы аналогичных образовательных организаций.

Наряду с «классическими» кадетскими корпусами, в 2010-х гг. появились иные организации кадетского образования, отличающиеся как по целям образования, так и по уровню учредителя, что существенно расширило территорию распространения кадетских корпусов и уровень их проникновения в общественную жизнь.

Исторически в деятельности кадетских корпусов можно выделить две основные цели:

- подготовка несовершеннолетних обучающихся к военной службе;
- социальная поддержка несовершеннолетних граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Однако Типовое положение об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 августа 2011 г. № 2190¹ (приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. № 1074 вышеназванный приказ признан утратившим силу), регулирующее деятельность государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений – казачьих кадетских корпусов, реализующих общеобразовательные программы с использованием культурно-исторических традиций российского казачества, дополнило систему кадетского образования, определив образовательным организациям новую основную цель по интеллектуальному, культурному, физическому и духовно-нравственному развитию несовершеннолетних граждан Российской Федерации и созданию основы для их подготовки к несению государственной или иной службы российского казачества. Сформированы казачьи кадетские корпуса, такие как Донской Императора Александра III казачий кадетский корпус (г. Новочеркасск), Московский казачий кадетский корпус имени

М.А. Шолохова (г. Москва), Кубанский казачий имени атамана Бабыча кадетский корпус (г. Краснодар), Второй Донской имени Императора Николая II кадетский корпус и др. Всего 27 государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций.

Типовое положение о президентских кадетских, суворовских военных, нахимовских военно-морских, военно-музыкальном училищах и кадетских (морских кадетских) корпусах, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 мая 2012 г. № 1199² (приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 515 признан утратившим силу), еще более расширило сферу кадетского образования, определив для президентских кадетских, суворовских военных, нахимовских военно-морских, военно-музыкального училищ и кадетских (морских кадетских) корпусов, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, цель по подготовке всесторонне образованных и патриотически настроенных граждан, ориентированных на государственную службу. Сформированы Оренбургское президентское кадетское училище, Ставропольское президентское кадетское училище, Краснодарское президентское кадетское училище, Тюменское президентское кадетское училище и др.

Отдельно следует выделить Московский кадетский корпус «Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации», впервые осуществивший в 2008 г. набор воспитанниц.

Образовательные организации кадетского образования нового вида – президентские и казачьи, в отличие от кадетских корпусов военной направленности, осуществляют образовательный процесс в соответ-

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении Типового положения об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах» от 5 августа 2011 г. № 2190.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации «Об утверждении Типового положения о президентских кадетских, суворовских военных, нахимовских военно-морских, военно-музыкальном училищах и кадетских (морских кадетских) корпусах, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации» от 16 мая 2012 г. № 1199.

ствии с основными общеобразовательными программами основного общего, среднего (полного) общего образования и дополнительными образовательными программами различной направленности, обеспечивающими подготовку обучающихся к поступлению в образовательные учреждения высшего образования, т. е. в любые вузы, а не только в военные образовательные организации высшего образования.

Существенно расширились «границы» кадетского образования, наблюдается отход от принципа монополии военной направленности в системе подготовки обучающихся. Как отмечает Н.С. Ильменейкина, «налицо нормативно-правовая “демилитаризация” целей подготовки в таких образовательных организациях: при сохранении общей направленности на подготовку патриотически воспитанных граждан акцент сделан на их подготовку не только к военной, но и к иным видам государственной службы»³.

Сложившаяся система кадетского образования в последующем была закреплена нормами Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ⁴.

Так, ст. 86 Закона об образовании зафиксировала две основные цели обучения по дополнительным общеразвивающим образовательным программам несовершеннолетних обучающихся в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях:

- 1) подготовка к военной службе;
- 2) подготовка к иной государственной службе (в том числе к государственной службе российского казачества).

Сохранилась также и социальная направленность кадетского образования. В соответствии с ч. 6 ст. 86 Закона об образовании правом преимущественного приема в кадетские корпуса наделены дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей,

дети военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, дети государственных гражданских служащих и гражданского персонала федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, дети граждан, которые уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, дети военнослужащих, погибших при исполнении ими обязанностей военной службы или умерших вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных ими при исполнении обязанностей военной службы, дети Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы, дети сотрудников органов внутренних дел, дети сотрудников Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, дети граждан, которые уволены со службы в органах внутренних дел или в войсках национальной гвардии Российской Федерации по достижении ими предельного возраста пребывания на службе в органах внутренних дел или войсках национальной гвардии Российской Федерации, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и общая продолжительность службы которых составляет 20 лет и более, дети сотрудников органов внутренних дел, дети сотрудников Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, погибших или умерших вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с исполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел или в войсках

³ Ильменейкина Н.С. Правовое регулирование специального образования детей, ориентированных на военную и иную государственную службу // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 12. С. 69 – 78.

⁴ Далее – Закон об образовании.

национальной гвардии Российской Федерации, дети, находящиеся на иждивении указанных лиц, дети прокурорских работников, погибших или умерших вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных ими в период службы в органах прокуратуры либо после увольнения вследствие причинения вреда здоровью в связи с их служебной деятельностью, дети сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, погибших или умерших вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных ими в период службы в Следственном комитете Российской Федерации либо после увольнения вследствие причинения вреда здоровью в связи с их служебной деятельностью, а также иные лица в случаях, установленных федеральными законами.

Массовый характер приобрел процесс формирования «кадетских классов» в общеобразовательных организациях, не являющихся кадетскими корпусами, образуемых как на государственном, так и на муниципальном уровне. Деятельность «кадетских классов» также направлена на подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе и в силу массовости такого рода общественно значимого явления нуждается в отдельном законодательном регулировании.

Важно отметить, что деятельность «кадетских классов» необходимо закрепить в Законе об образовании, что позволит придать легитимность их существованию и «встроить» в систему кадетского образования.

Современный этап развития кадетского образования характеризуется тем, что, в отличие от предшествующих периодов, приоритетное внимание уделяется не столько расширению сети кадетских корпусов, сколько повышению качества предоставляемых ими услуг.

В целом в настоящее время фактически сложилась и закреплена на законодательном уровне система кадетского образования, состоящая из распределенных по всей

стране образовательных организаций различного масштаба, уровня и ведомственной подчиненности, реализующих образовательные программы различных видов образования, которую можно классифицировать по следующим признакам:

- 1) по виду реализуемого образования:
 - общее образование, реализуемое на уровнях основного общего образования и среднего общего образования;
 - среднее профессиональное образование;
 - 2) по учредителю:
 - создаются только Российской Федерацией;
 - создаются Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации;
 - 3) по правовому регулированию порядка организации и осуществления образовательной деятельности и порядку приема:
 - устанавливается федеральными государственными органами, в ведении которых они находятся, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования;
 - устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования;
 - 4) по обучающимся:
 - обучающиеся мужского пола;
 - обучающиеся женского пола.
- Остро стоит вопрос о необходимости разделения образовательных организаций кадетского образования, создаваемых Российской Федерацией (ведомственные образовательные организации), на группы в зависимости от целей подготовки воспитанников:

- 1) для военной службы;
- 2) для государственной гражданской и иных видов службы.

Разделение необходимо для того, чтобы в последующем создать нормативную правовую базу для прохождения кандидатами

для поступления в кадетские корпуса военной направленности военно-врачебной экспертизы в целях определения годности к последующей военной службе, что позволит обеспечить преемственность образования. Выпускники кадетских корпусов в дальнейшем получают возможность продолжить обучение в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования.

Следует отметить, что кадетские корпуса, осуществляющие подготовку обучающихся к государственной гражданской службе, также должны комплектоваться из числа кандидатов с соответствующим целям обучения состоянием здоровья и физического развития.

С учетом изложенного выше представляется целесообразным ввести следующие виды образовательных организаций кадетского образования:

а) первый вид – образовательные организации кадетского образования, обучение в которых осуществляется по образовательным программам основного общего и (или) среднего общего образования, создаваемые федеральными органами исполнительной власти (общеобразовательные организации со специальными наименованиями: «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военноморское училище», «кадетский (морской кадетский) военный корпус»). Первый вид содержит в себе подвиды:

– ведомственные кадетские военные корпуса – суворовские военные училища, нахимовские военные училища, кадетские (морские кадетские) военные корпуса, как организации, ориентированные на подготовку несовершеннолетних граждан к военной службе в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых законом предусмотрена военная служба;

– ведомственные кадетские корпуса – президентские кадетские училища, как организации, ориентированные на подготовку

несовершеннолетних граждан к государственной службе;

б) второй вид – образовательные организации кадетского образования, обучение в которых осуществляется по образовательным программам среднего профессионального образования (профессиональные образовательные организации со специальным наименованием «военно-музыкальное училище»);

в) третий вид – образовательные организации кадетского образования, обучение в которых осуществляется по образовательным программам основного общего и среднего общего образования, создаваемые Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации или муниципальными образованиями субъектов Российской Федерации, с проживанием обучающихся в интернате («кадетский (морской кадетский) корпус», «казачий кадетский корпус»). Третий вид содержит в себе подвиды:

– кадетский (морской кадетский) корпус – образовательная организация, ориентированная на подготовку несовершеннолетних граждан к военной или иной государственной службе;

– казачий кадетский корпус – образовательная организация, ориентированная на подготовку несовершеннолетних граждан к государственной или иной службе российского казачества;

г) четвертый вид – образовательные организации кадетского образования, обучение в которых осуществляется по образовательным программам основного общего и среднего общего образования, создаваемые субъектами Российской Федерации или муниципальными образованиями субъектов Российской Федерации, без проживания обучающихся в интернате («кадетская школа», общеобразовательные организации субъектов Российской Федерации или муниципальных образований субъектов Российской Федерации, содержащие в своем составе «кадетские классы»).

Анализируя исторический опыт развития кадетского образования в России, резуль-

таты мониторинга этой сферы, проведенного в соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 9 августа 2015 г. № Пр-1610 (п. 7а) Общественной палате Российской Федерации о проведении мониторинга деятельности образовательных организаций со специальными наименованиями «кадетская школа», «кадетский (морской кадетский) корпус», «казачий кадетский корпус», созданных субъектами Российской Федерации, и подготовке предложений по совершенствованию деятельности таких организаций, представляется необходимым принять ряд организационно-правовых мер.

1. Внести изменения в ст. 86 Закона об образовании в отношении деятельности образовательных организаций, имеющих в своем составе «кадетские классы», тем самым «встроив» их в систему кадетского образования. С этой целью дополнить ч. 2 указанной статьи после слов «военно-музыкальное училище» словами «, а также “кадетские классы” в составе общеобразовательных организаций».

2. Целесообразно разработать:

- приказ Министерства образования и науки Российской Федерации, определенный Законом об образовании⁵, регламентирующий организацию и осуществление образовательной деятельности в образовательных организациях со специальными наименованиями «кадетская школа», «кадетский (морской кадетский) корпус» и «казачий кадетский корпус»;

- примерные дополнительные общеразвивающие образовательные программы для организаций, имеющих в своем составе «кадетские классы», цель которых – подготовка несовершеннолетних обучающихся к

военной или иной государственной службе с учетом профилей подготовки: армейский, военно-морской, пограничный, правоохранный, казачий и т. д. (право утверждения таких примерных программ, а также учебных пособий предоставить заинтересованным ведомствам).

3. Представляется важным учитывать наличие аттестата о среднем общем образовании, полученного в ведомственном кадетском военном корпусе, в качестве индивидуального достижения поступающего при приеме на обучение в военные образовательные организации высшего образования, что позволит обеспечить преемственность образования. С этой целью дополнить подп. 2 п. 44 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2015 г. № 1147, после слов «серебряной медалью» словами «, или аттестата о среднем (полном) общем образовании, выданного общеобразовательными организациями со специальными наименованиями “президентское кадетское училище”, “Суворовское военное училище”, “Нахимовское военно-морское училище”, “кадетский (морской кадетский) военный корпус”».

Дальнейшее исследование правового регулирования системы кадетского образования будет способствовать совершенствованию системы кадетского образования в целях качественной подготовки обучающихся к дальнейшей военной или иной государственной службе.

Книгу «Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015 - 2016 г.)»

можно приобрести, направив заявку на электронную почту

pvsvpo@mail.ru

⁵ Часть 4 ст. 86 Закона об образовании.

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ВОЕННО-ЦЕРКОВНЫХ НОРМ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА (ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РАБОТЫ)

О.А. Овчаров, кандидат юридических наук, преподаватель Военного университета

С установлением в России и ее Вооруженных Силах права на свободу вероисповедания человека (ст. 28 Конституции России), в том числе военнослужащего, и соответствующей обязанности командиров по признанию, соблюдению и защите этого конституционного права (ст. 2 Конституции России), с появлением в войсках штатного военного духовенства, воинских храмов и иного имущества религиозного назначения, а также связанной с этим деятельности перед командованием встает вопрос о правильной организации военно-религиозной работы, о ее осуществлении в строгом соответствии с требованиями, установленными законодательством и иными правовыми актами.

Однако для того, чтобы такое строгое соответствие обеспечить, необходимо все эти требования выявить, изучить и добиться их неуклонного соблюдения в войсках. Вместе с тем, при выявлении и изучении указанных требований обнаруживается, что некоторые из них неуклонно соблюдать весьма проблематично ввиду их определенной несогласованности между собой и противоречивости. При этом подобные несогласованности можно обнаружить как на уровне Конституции России и действующего законодательства, так и на уровне подзаконных актов.

Например, ст. 14 Конституции России провозглашает, что религиозные объединения отделены от государства. Но ведь государство состоит из граждан, в том числе военнослужащих, обеспечивающих его защиту. Как отделить от государства его верующих граждан, в том числе верующих военнослужащих (состоящих в религиозных объединениях) и штатных военных священнослужителей? Задача не простая. Поскольку Конституция России имеет высшую юридическую силу и прямое действие (ст. 15), то эту «головоломку» предстоит решать и командованию.

Ситуация осложняется еще и тем, что, наряду с указанным отделением, Конституция России провозглашает в качестве высшей ценности права человека (ст. 2), в том числе и право на свободу вероисповедания (ст. 28), и возлагает на государство (его уполномоченные органы, включая командование) обязанность по их признанию, соблюдению и защите (ст. 2). Однако исполнить надлежащим образом указанную обязанность в отношении военнослужащих государству (в лице соответствующих командиров) невозможно без сотрудничества с религиозными объединениями, без совместной с ними деятельности, без объединения усилий. Но как организовать такую деятельность в рамках конституционного

требования отделения религиозных объединений от государства, допустимы ли такое сотрудничество и совместная деятельность командования и священноначалия – в целях соблюдения и защиты прав военнослужащих на свободу вероисповедания?

Немало противоречий, неясностей и на уровне федерального законодательства. Например, в соответствии с п. 5 ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» религиозные обряды на территории воинской части могут отправляться по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира. Вправе ли командир не дать такого разрешения? Буквальный анализ данной нормы показывает, что ему Закон такое полномочие предоставляет, на то он и командир-единоначальник, ведь ситуация и обстановка бывает разная, в том числе и боевая. Однако в силу п. 4 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» командование воинских частей с учетом требований воинских уставов не препятствует участию военнослужащих в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях. Получается, что Федеральный закон «О статусе военнослужащих» позволяет командирам препятствовать военнослужащим в проведении религиозных обрядов (не разрешать их проведение), а Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» не позволяет чинить подобные препятствия. Может ли командир, например, не разрешать военному священнослужителю проводить религиозные обряды в военной организации в течение трех месяцев, или он не вправе этого делать?

Остроту решению указанной проблемы придает и Уголовный кодекс Российской Федерации, содержащий, например, ст. 148 «Нарушение прав на свободу совести и вероисповеданий», которая предусматривает уголовную ответственность в том числе и за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиоз-

ных обрядов и церемоний. А ч. 4 этой статьи содержит квалифицирующий признак, когда указанные деяния совершаются лицом с использованием своего служебного положения.

Определенные сложности вызывает и анализ положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в п. 2 ст. 4 устанавливающего, что государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций государственных органов, не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит закону, и в ст. 15 прямо указывающего, что религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству, а государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству.

Как видно, на территории воинской части религиозные объединения действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, а не приказами командиров (которые законодательством не являются и которым эти установления могут противоречить). При этом командиры должны уважать внутренние установления религиозных объединений, которые, не нарушая законы, могут противоречить подзаконным актам, в том числе приказам командиров и вышестоящих начальников. Но что значит «уважать» – Закон не разъясняет. Вправе ли командир при всем уважении к внутренним установлениям религиозной организации нарушать указанные установления, выполняя приказы вышестоящих начальников? Или такое нарушение будет расцениваться как неуважительное отношение к внутренним установлениям религиозного объединения и нарушение ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»? Одним словом, будет ли нарушение внутренних установлений религиозного объединения влечь за собой с неизбежностью нарушение ст. 15 Федераль-

ного закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»? Следом возникает и другой вопрос: имеют ли внутренние установления религиозных объединений обязательную силу для командиров? Эти вопросы требуют отдельного серьезного исследования.

Вместе с тем, в настоящее время существуют два подзаконных нормативных правовых акта и один правовой документ религиозного объединения, регламентирующие организацию и деятельность военных священнослужителей, их должностные обязанности. Эти документы также не вполне согласованы между собой. Так, например, в Положении по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации (утверждено Министром обороны Российской Федерации 24 января 2010 г.)¹ речь идет о должностных лицах органов по работе с верующими военнослужащими, перечисляются их задачи и функции. В Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 225н) в разделе «Квалификационные характеристики отдельных должностей работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации» среди специалистов указана должность «Помощник командира (руководителя) воинской части (организации) по работе с верующими военнослужащими» и перечисляются его должностные обязанности². В Положении о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации (принято на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25–26 декабря 2013 г., жур-

нал № 141)³ указывается на штатное и внештатное военное духовенство, перечисляются должностные обязанности.

Как видно, отсутствует единство в наименовании представителей религиозных организаций, осуществляющих религиозную деятельность в войсках. Неясно, как правильно называется эта категория специалистов в военных организациях.

Не все ясно и с подчинением названных специалистов, так как указанное Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации обходит этот вопрос стороной, видимо, молчаливо предполагая, что, как и весь гражданский персонал воинской части, помощники командира по работе с верующими военнослужащими хотя и являются священнослужителями, должны, тем не менее, подчиняться своим командирам частей, в штате которых состоят. О подчинении же военных священников (состоящих на этих должностях) своему священноначалию это Положение ничего не сообщает. Вместе с тем, с такой позицией не согласуется названное выше синодальное Положение о военном духовенстве, в п. 1.4 которого устанавливается для штатного военного духовенства двойное подчинение: в богослужебной и пастырской деятельности – епархиальному архиерею епархии, на территории которой находится воинское или правоохранительное формирование, а в рамках должностных обязанностей, обусловленных трудовым договором, – командиру (начальнику) воинского или правоохранительного формирования. Беда только в том, что именно богослужебные и пастырские обязанности как раз и составляют основу должностных обязанностей.

¹ Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831%40egNPA#txt (дата обращения: 29.05.2017).

² Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 мая 2016 г. № 225н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики отдельных должностей работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации»» (зарегистрирован в Минюсте России 6 июля 2016 г. № 42771) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607080002?index=14&rangeSize=1> (дата обращения: 08.06.2017).

³ Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html> (дата обращения: 08.06.2017).

Наряду с синодальным Положением о военном духовенстве, существует множество и других внутренних установлений – правовых документов, определяющих деятельность религиозного объединения, церкви, духовенства (включая штатное военное), которые командирам не мешало бы знать, чтобы правильно выстраивать отношения как с верующими военнослужащими, так и с подчиненными военными священнослужителями. Тем более что п. 14 Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации устанавливает, что на должностных лиц по работе с верующими военнослужащими не может быть возложено выполнение задач, противоречащих статусу духовенства.

Аналогичное требование, по сути, предусматривается и некоторыми внутренними установлениями церкви. В частности, Правила святых апостолов содержат несколько положений по этому вопросу. Так, шестое правило святых апостолов гласит: «Епископ, пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина». А 81-е правило наставляет: «Говорили мы, что не подобает епископу, или пресвитеру вдаваться в народные управления, но неопустительно быть при церковных делах: или да будет убежден сего не творить, или да будет извержен. Ибо по Господней заповеди “никто не может служить двум господам” (Мф. 6:24)». И еще в 83-м правиле устанавливается: «Епископ, пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержать обе должности, то есть: Римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священного чина, ибо “кесарево кесарю, а Божие Богу” (Мф. 22:21)». А согласно седьмому Постановлению Четвертого Вселенского Собора: «Учиненным единожды в клир, и монахам, определили мы не вступать ни в воинскую службу, ни в мирской чин: иначе дерзнувших на сие, и не возвращающихся с раскаянием к тому,

что прежде избрал для Бога, предавать анафеме».

Таким образом, можно увидеть, что внутренние установления церкви требуют от священнослужителей (в том числе штатных военных, назначенных на должности помощников командиров по работе с верующими военнослужащими) «неопустительно быть при церковных делах». Поэтому командиры, возлагая на подчиненных военных священнослужителей не церковные дела, толкают их на нарушение внутренних установлений религиозных объединений, а сами командиры в результате этого, игнорируя указанные требования внутренних установлений церкви и проявляя таким образом неуважительное отношение к указанным установлениям, становятся нарушителями ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Вместе с тем, п. 13 Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации среди основных задач должностных лиц по работе с верующими военнослужащими указывает участие в работе по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, профилактике правонарушений и суицидальных происшествий. В этой связи возникает вопрос о том, насколько данная задача соответствует «церковным делам» и требованиям внутренних установлений религиозных объединений, не нарушил ли Министр обороны Российской Федерации внутренние установления церкви и ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также п. 14 утвержденного им же Положения?

Все вышеперечисленные несогласованности и противоречия ставят перед правовой работой проблему дальнейшего совершенствования законодательства посредством систематизации нормативных правовых актов по этим вопросам. Несогласованность и противоречивость правовых актов по вопросам деятельности военного духовенства является серьезным препятствием

к полноценному развитию этого правового института и действенного правового механизма реализации военными своими конституционными правами на свободу вероисповедания.

Видимо, понимая суть проблемы воссоздания военного духовенства в войсках, на встрече с главами религиозных объединений России 8 февраля 2012 г. В.В. Путин поставил конкретную задачу: «Считаю, что необходимо на должный уровень поставить развитие института военного духовенства. К решению этой задачи с равным вниманием должны подойти и религиозные организации, и само Министерство обороны»⁴.

Как видно, речь идет о сотрудничестве по дальнейшему совершенствованию правовых основ деятельности военного духовенства. При этом требование В.В. Путина «с равным вниманием» (как со стороны религиозных организаций, так и со стороны Министерства обороны Российской Федерации) подойти к решению задачи (по постановке на должный уровень развития института военного духовенства) указывает на то, что проводимая при этом правовая работа должна не только основываться на государственном и военном праве, но и учитывать церковное право в части, касающейся деятельности военного духовенства. Поэтому и систематизация законодательства и подзаконных нормативных правовых актов должна вестись согласованно, с уважением внутренних установлений религиозных объединений, с учетом требований церковного права.

Однако религиозных объединений в России много, их внутренние установления существенно различаются между собой и нередко противоречат друг другу, а государственное законодательство должно быть единым и непротиворечивым. Суть систематизации как раз в том и состоит, чтобы разрозненные правовые нормы согласовать между собой и соединить в единую, строй-

ную, простую и ясную систему, исключая какие-либо противоречия и удобную для практического применения. Провести систематизацию внутренних установлений всех религиозных объединений, действующих в России, и свести их в единую, стройную и непротиворечивую систему невозможно. Получается какой-то тупик, какая-то неразрешимая проблема систематизации законодательства, проблема правовой работы на пути к совершенствованию правового регулирования государственно-религиозных отношений, военно-религиозной деятельности и деятельности военного духовенства.

Выход из такого тупика подсказывает исторический отечественный и зарубежный опыт. И в царской России, и за рубежом законодатель при осуществлении правотворческой деятельности уважал в первую очередь вероисповедные чувства большинства населения страны, учитывал внутренние установления религиозного объединения, представляющего большинство населения государства. Так, Президент Соединенных Штатов, иные высшие должностные лица федерации и штатов при вступлении в должность приносят присягу на Библию. На американских банкнотах имеется надпись: «В Бога мы веруем». В каждой из палат Конгресса остались службы капелланов (священнослужителей), созданные в 1791 г. В Великобритании монарх остается главой англиканской церкви. Конституция Норвегии закрепляет статус евангелическо-лютеранской религии как официального вероисповедания (§ 2). Конституция Коста-Рики указывает, что римско-католическая апостольская религия является государственной религией и что «государство оказывает ей поддержку, не препятствуя свободному отправлению в Республике других религиозных культов, не противоречащих общественной морали и добрым нравам» (ст. 75). Конституция Греции не только закрепляет «господствующую» роль в госу-

⁴ Лукичев Б.М. Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооруженных силах РФ). М., 2016. С. 84 – 85.

дарстве православной религии (ст. 3), но и содержит отдельную статью, посвященную статусу Святой горы Афон (ст. 105). А Конституция Ирландии утверждает, что источником всех властей является Пресвятая Троица и что к ней как к «последней надежде должны быть направлены все действия человека и Государства»⁵.

Видимо, данный позитивный мировой опыт решения вышеуказанной правовой проблемы необходимо перенимать и России. И начинать осуществление систематизации следует с Основного Закона – Конституции, ведь с 1993 г. – даты принятия Конституции России прошло более двух десятилетий. Религиозная ситуация и мировоззрение, а с ними и система ценностей в государстве претерпели существенные изменения, которые должны получить соответствующее отражение в правовой системе государства. Иначе пропасть между буквой закона и жизнью будет неуклонно возрастать, а вместе с ней правовой нигилизм, беспорядок, хаос и разрушение правовой системы и самого государства.

З.И. Пейкова, анализируя материалы Института социологии РАН, приводит следующие данные: если задать вопрос «К какому вероисповеданию Вы принадлежите?» (методика Института социологии РАН), то ни к какому вероисповеданию себя не относит менее 1 %. Остальные респонденты в подавляющем своем большинстве относят себя к православию – 89,7 %, как это было в декабре 1998 г. Из остальных религий на втором месте стоит ислам, к которому себя относят 5,3 % населения. 1,0 % относят себя к католицизму, 0,4 % – к буддизму, 0,2 % – к баптизму, столько же к иудаизму. Ко всем оставшимся вероисповеданиям относят себя 2,5 % населения России. Таким образом, по данным Института социологии РАН, удельный вес православного населе-

ния в России не только не меньше удельного веса протестантов в Финляндии, но даже превышает его. Необходимо констатировать, делает вывод З.И. Пейкова, что Россия в полной мере является православной страной⁶.

Данные выводы подтверждают и бесспорные факты самой жизни: еженедельный официально установленный (ст. 111 ТК РФ) общий выходной день – воскресенье (исторически сложившийся в честь православного праздника Воскресения Христова), ежегодный официально установленный (ст. 112 ТК РФ) нерабочий праздничный день в России 7 января – Рождество Христово. В Госдуму внесен законопроект, предлагающий ввести в России дополнительный выходной – день, следующий за праздником Пасхи. «Проект федерального закона “О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации в части установления ежегодного нерабочего дня в понедельник после воскресного дня религиозного праздника Воскресения Христова” разработан в целях законодательного закрепления установления нового праздничного дня – Светлого пасхального понедельника», – цитирует «РИА Новости» пояснительную записку к документу. По мнению разработчиков законопроекта, установление нового праздничного дня «будет являться не только данью уважения глубоким историческим традициям православного сообщества нашей страны, но и еще одним подтверждением государством и обществом признания особой роли православия в истории России». В пояснительной записке отмечается также, что во многих странах Западной Европы понедельник, следующий за днем Воскресения Христова, является выходным днем⁷.

Итоги проведенных военными социологами исследований показывают соответст-

⁵ Лафитский В.И. Светское государство и религия // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): моногр. / Л.В. Андриченко [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ-Мастер». Дата обновления: 11.10.2014.

⁶ Пейкова З.И. О православной идентичности российских старшеклассников в конце XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=6016> (дата обращения: 12.4.2017).

⁷ Законопроект о выходном дне после Пасхи внесли в Госдуму [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/686504> (дата обращения: 21.05.2017).

вуюшую динамику роста религиозности личного состава и потребности в удовлетворении права на вероисповедание. Так, в 1990 г. верующими себя признавали лишь 14 %, а неверующими 63 %⁸. В 2003 г. 60 % военнослужащих считали себя верующими, принадлежащими к какой-либо конфессии, а остальные 40 % не идентифицировали себя ни с каким вероисповеданием⁹. В 2008 г. доля идентифицирующих себя с религией составила 72 %, неверующих – 8 %. По сообщению управления по работе с верующими военнослужащими при Министерстве обороны Российской Федерации (на 30 октября 2013 г.), 94 % военнослужащих называют себя православными, 5 % – мусульманами, 1 % – иудеями и приверженцами других религий и конфессий¹⁰. Как видно, за последние два с лишним десятилетия религиозная ситуация в войсках очень сильно изменилась (в сторону неуклонного роста числа верующих военнослужащих) – от преимущественно атеистической (63 % – в 1990 г.) до православной (94 % – в 2013 г.). В настоящее время в войсках подавляющее большинство военнослужащих – верующие, в основной своей массе – православные христиане. И это обстоятельство, эти изменения нельзя игнорировать при организации и проведении правовой работы и совершенствовании военно-церковного законодательства, при проведении его систематизации.

Таким образом, можно увидеть, что за последние четверть века общественное сознание в стране, а значит и правосознание граждан, все более и более становилось религиозным, православным. Страна после падения коммунистического режима постепенно стала, по сути, православной, а Кон-

ституция России и некоторые законы остались в прошлом веке, замерли и безнадежно устарели, не соответствуя реалиям жизни и требованиям времени, динамично меняющейся обстановке и системе угроз национальной безопасности и обороне страны. Систематизация как раз и призвана устранять архаизмы, вычищать законодательство от устаревших и неработающих, а скорее мешающих, правовых норм, ориентируясь на эту обстановку и систему угроз в религиозной сфере.

В этом отношении ст. 14 Конституции России в части, устанавливающей принцип отделения религиозных объединений от государства, являясь, по сути, юридической фикцией, несоответствующим действительности и буквальному пониманию осколком богоборческого коммунистического прошлого (когда, прикрываясь этим «отделением», верующих изгоняли из всех сфер общественной жизни и массово уничтожали), требует переработки, уточнения и приведения в соответствие с политическими и правовыми реалиями, с объективно складывающейся религиозной ситуацией в стране. Представляется более правильным принцип отделения религиозных объединений от государства заменить принципом их сотрудничества, изложив его в следующей формулировке: «В целях признания, соблюдения и защиты прав граждан на свободу вероисповедания, а также обеспечения обороны и безопасности государства, укрепления народного единства, нравственности, здоровья человека, противодействия экстремистской, террористической и иной деятельности, злоупотребляющей правом на свободу вероисповедания, государство сотрудничает с религиозными объединениями».

⁸ Дубоград Е.В. Религиозная ситуация в Вооруженных Силах РФ // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 77.

⁹ Вера службе не помеха // Красная звезда. 2004. 24 янв. С. 1.

¹⁰ Численность священников в Вооруженных силах следует увеличить, считают в Минобороны РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=54888> (дата обращения: 26.05.2017).

ВЕКТОР ПРАВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-МУСУЛЬМАН

С.В. Иванеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Университета «СИНЕРГИЯ» (г. Москва), президент некоммерческой организации «Ассоциация граждан XXI века за развитие светскости и гуманизма»

Прочь, иудей и язычник! –
кричит христианский фанатик,
Проклят язычник и гой, –
в бороду шепчет еврей,
Христианина на кол,
а иудея в геенну! –
В песне турецкий малыш
высмеял тех и других. Кто из них
к истине ближе? Реши!
Во дворце твоём, боже,
пляшут фигляры –
и я мимо всего прохожу.
Иоганн Вольфганг Гете

В наше время радикальных социально-экономических условий, в конечном счете определяющих духовное состояние населения планеты, вызывают большое беспокойство очевидные факты того, что морально-духовное состояние значительной части граждан России находится под влиянием религии, тормозящей поступательный ход современной цивилизации.

Среди прочих факторов негативного порядка религия занимает одно из лидирующих положений. Ее нельзя изгонять чехом, как это делали горячие головы большевиков, – отождествлять с обманом доверчивых людей, с иезуитским коварством и ханжеством, с праздным лихоимством и потенциальным врагом толерантности. Это слишком примитивное понимание подлинной сущности религии, которое, кстати, способно лишь вызывать совершенно справедливую обратную ре-

акцию на безграмотных «разоблачителей» религии.

Со всей ответственностью и принципиальностью необходимо заявить, что религия со времен своего возникновения была и остается самой архаичной формой общественного сознания, отягощенной мистифицированными представлениями о бытии и традиционными нормами морально-мировоззренческих представлений, законсервированными целой системой религиозной догматики.

Целью настоящей статьи является исследование влияния вектора права на формирование компетентности военнослужащих-мусульман.

Почему именно военнослужащих-мусульман?

Да потому, что нельзя абстрагироваться от того факта, что по сравнению с другими широко распространенными религиозными системами (иудаизм, христианств) ислам отличается своим *тоталитарным* характером. Это означает, что он пронизывает принципами своего вероучения всю систему данного общества сверху донизу – от верховной власти до семейного быта. О тоталитарном характере ислама свидетельствует и тот исторический факт, что никто и никогда не смел выступить против него как вероучения. Можно было сколько угодно породить мнений, толков, сект, но только *в рамках мусульманской догматики* и соответствующих морально-этических норм. В противном случае ты воспринимал-

ся восставшим против ислама, осуждался по шариату или становился изгоем¹.

Более того, необходимость обсуждения темы правового воспитания военнослужащих-мусульман вытекает из следующих двух обстоятельств.

Во-первых, ислам как мировая религия занимает в настоящее время второе место в мире – после христианства – по числу своих приверженцев.

Во-вторых, в связи с активизацией мусульманского экстремизма в различных регионах земного шара у немусульман возникает своего рода «исламофобия» и это вносит в отношения между мусульманами и немусульманами негативный элемент настороженности, а то и откровенной взаимной вражды. Примеров этому существует огромное количество.

Все указанное выше способно выдвинуть ситуацию в мире за рамки нормальных цивилизованных межэтнических и межконфессиональных отношений. Проблема приобретает поистине общепланетарный масштаб.

История изучения ислама эволюционировала к высшему, современному уровню, на котором могло сложиться исламоведение как целостная система научной теории и оптимальных методов изучения ислама-объекта в его генезисе, становлении и развитии как сложного социально-духовного и культурного феномена.

Военному научно-экспертному сообществу срочно необходимо осознать, что замалчивание факта средневековой анахроничности самого содержания ислама идет вразрез с универсальным законом объективного изменения *любого* объекта с его внутренними противоречиями.

---К сожалению, в настоящее время в Вооруженных Силах Российской Федерации нет ни одной научной работы, в которой бы ислам рассматривался во всей его сложности и противоречивости.

Для сегодняшних конфессионально ориентированных военных исламоведов остался неизвестным научный спор между специалистом в области логики, методологии и истории науки и культуры Б.С. Грязновым (27.12.1929 – 28.06.1978) и научным исламоведом Ю.Г. Петрашом (08.11.1930 – 01.05.2013) относительно методов *верификации и фальсификации* применительно к естествознанию.

Данный спор закончился однозначным выводом: несомненно, что любой объект, пространственный и абстрактный, может отражаться с полной адекватностью только при наличии теоретических критериев, равно как и абстрактный объект может создаваться на основе рациональной или иррациональной теории, пониматься или интерпретироваться как достоверный или иллюзорный.

Кстати, это прекрасно сказано самим методологом, заметившим: *«Немало идеалистических концепций в философии науки оказываются тождественными в самом существенном, главном, а именно в решении проблемы существования объектов теоретического знания. Это позволяет, не вдаваясь в детали, характеризовать их одним общим именем – платонизм...»*².

Идеи нарицательного «платонизма» суть душа теорий всех религий.

Столь же фундаментальными для науковедения являются идеи Б.С. Грязнова об «абстрактных» объектах и методах построения их и использования в науке³.

В частности, *ислам есть абстрактный объект*, созданный в воображении людей как закономерный результат их материальной практики, нуждающейся в некоей путеводной идее для достижения вполне земных целей: политического господства верхушечной части в мусульманской общине, расширения границ халифата за счет захвата чужих территорий, распространения влияния на другие народы и подчинения их с помо-

¹ Петраш Ю.Г. Ислам. Происхождение, вероучение, современность / ВНИИГМИ-МЦД. Обнинск, 2000. С. 339.

² Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982. С. 99 – 107.

³ Там же.

щью «истинной религии», удержания целостности образовавшегося мусульманского мира и его традиционной культуры в современных условиях и т. д.

Догматика ислама (Акида) требует от военнослужащих-мусульман безоговорочного признания истиной всего того, что внушает им вероучение. Мусульманам в армии и на флоте предписывается не подвергать ни тени сомнения эти предписания. Такая абсолютизация «законов Аллаха», предписанных Шариатом, является основанием для строгого следования сложившимся традициям на мусульманском Востоке. И теперь уже навязывается и в военной организации государства. Поэтому, несмотря на очевидный анахронизм, и на Востоке, а теперь уже и в армии, и на флоте среди мусульман крепко удерживаются традиции почитания предписаний Корана и Шариата – признание человека «рабом Аллаха», жизни как «временного удела», богобоязненности, неравенства женщины и мужчины, многоженства, строгого следования традициям, принципам мусульманской исключительности и превосходства и т. д.

Сегодня, по мнению Л.Р. Сюкияйнена, исламская мысль противопоставляет ислам глобализации. В частности, им отмечается, что нынешний миропорядок, освященный современным международным правом, прямо противоположен принципам международных отношений в исламе⁴.

Однажды крупный эксперт в вопросах борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке Бенъямин Нетаньяху высказал удивительно глубокую мысль о том, что ФБР в США – это всего лишь «ослепленный Самсон», который может сражаться, но не в состоянии видеть своих врагов. Наверное, подобную фразу можно адресовать, к сожалению, и нашим правоохранительным органам, которые, конечно же, многое делают в целях предотвращения террористических актов, но не в состоянии осознать

главное: весь наш дальнейший прогресс зиждется не на религии, а на научно-техническом и светско-культурном потенциале, поэтому любые попытки подменить его религиозным мировоззрением есть откат к средневековым вариантам господства ненаучного понимания объективных законов природы, общества и мышления.

Представляется, что нельзя снимать ответственность с Корана и с ислама в целом за то, что под их флагом действуют истые воители за «чистоту» ислама и прочие оголтелые экстремисты.

Значит, Коран и ислам содержат вполне определенный, идеологический потенциал, который необходимо осудить и вывести из этой религиозной системы во имя сохранения мира и братства между народами. Уже традиционное разделение на «мусульманские» и «немусульманские» народы таит в себе нездоровый дух отчуждения, разделения на «своих» и «чужих». Последнее может подтвердить каждый, кто жил или живет в регионах с традиционным распространением ислама. Многие браки так и не состоялись или были разрушены именно из-за этого предрассудка⁵.

Просвещение как фактор общечеловеческого прогресса должно иметь приоритет перед ненаучным мировоззрением, в том числе и мистифицированным вероучением ислама. Дело в том, что с позиции науки Коран является книгой, представляемой откровением Аллаха, т. е. мистифицированной богословием. А наука не признает никакой мистификации в силу ее недостоверности, и поэтому идея Аллаха есть иллюзорно-гипостазированная абстракция людьми своих собственных отношений, свойств и изменяющихся идеалов.

Самое попустительство не есть либерализм. Оно является соглашательством и популизмом. Подлинный гуманизм предполагает наступательность на религию как на антигуманную в своей сущности позицию

⁴ Сюкияйнен Л.Р. Глобализация и исламский мир: оценка современной мусульманской правовой мысли / Ин-т востоковедения РАН. М., 2012. 88 с.

⁵ Петраш Ю.Г. Человек в исламе. Обнинск, 2006.

пессимизма и откровенную мировоззренческую отсталость.

Просвещение, основанное на научных принципах, общечеловеческих ценностях и здравом смысле, имеет очевидное преимущество по сравнению с тем или иным религиозным, неизбежно частным и ограниченным подходом к решению вопросов человеческого общежития.

Среди ценностей современного гуманизма большое значение имеют ценности диалога, сотрудничества и партнерства. Они тем выше, чем контрастнее и противоречивее палитра мировой культуры. Умение вести диалог, искать разумный компромисс и добиваться мирного решения проблем безальтернативно, потому что в мире никогда не было и едва ли установится мировоззренческое единство и единомыслие.

Исходя из изложенного выше в Вооруженных Силах Российской Федерации необходимо в первую очередь среди военнослужащих-мусульман формировать представления о необходимости реализации свободы совести как всеобъемлющей – личной и глобальной – проблемы; системообразующем праве, являющемся основой построения открытого гражданского общества, правового демократического государства⁶.

Также среди военнослужащих необходимо проводить правовое и религиозно-этическое просвещение, осуществлять в органах военного управления выработку научно обоснованных рекомендаций в области прав человека, свободы совести и государственно-конфессиональных отношений.

Информация

В Московской области осужден старший офицер

29.06.2017 г.

Доказательства, собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Солнечногорскому гарнизону, признаны судом достаточными для вынесения приговора бывшему заместителю начальника ФГБУ «16 Центральный научно-исследовательский испытательный институт» Министерства обороны Российской Федерации полковнику Е. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное в крупном и особо крупном размерах с использованием служебного положения).

Следствием и судом установлено, что с июля по октябрь 2014 года Е., злоупотребляя доверием сотрудников отдела кадров и строевого отдела института, используя свое служебное положение, дал указание о внесении в таблицу учета рабочего времени заведомо ложных сведений об исполнении его дочерью и племянницей трудовых обязанностей в институте, что повлекло за собой незаконное начисление им заработной платы и иных выплат на общую сумму свыше 351 тысячи рублей.

В период с октября по декабрь 2014 года Е. совместно с начальником финансово-экономической службы – главным бухгалтером института издал приказ о выплате сотрудникам института премий на сумму 3 миллиона 304 тысячи 500 рублей, из которых по 587 тысяч 450 рублей присвоили себе.

Кроме того, в этот же период Е. злоупотребляя доверием подчиненного сотрудника, потребовал передать ему 200 тысяч рублей на нужды института, которыми распорядился по своему усмотрению.

С ноября 2014 года по октябрь 2015 года Е. фиктивно устроил на работу в институт еще 1 гражданку, которая фактически на службу не прибывала и служебных обязанностей не исполняла. Незаконно начисленную заработную плату в размере свыше 135 тысяч рублей он присвоил себе.

Приговором Солнечногорского гарнизонного военного суда Е. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года с отбыванием в колонии общего режима.

<http://gvsu.gov.ru/>

⁶ Бурьянов С.А. Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации. Теоретико-прикладное исследование за 2009 – начало 2010 г. М., 2010. 173 с.

Shenshin V.M., Lecturer in constitutional and administrative law of the faculty (team) Saint-Petersburg military Institute of national guard troops of the Russian Federation, candidate of law, vitya-shen@mail.ru

In the article the peculiarities of the administrative investigation into the overstatement of the extent of the main routes of traffic.

Key words: administrative investigation, the damage the soldiers, the commander of military unit.

Библиографический список:

1. Назарова И.С., Шеншин В.М. Особенности привлечения воен-нослужащих к административной ответственности [Текст] / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // Электронное научное издание «Военное право». 2015. № 2.

2. Петухов Н.А., Шеншин В.М. Об особенностях привлечения военнослужащих к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу воинской части в сфере охраны окружающей среды: проблемные вопросы и пути их решения [Текст] / Н.А. Петухов. В.М. Шеншин // Военно-юридический журнал, 2016, № 12.

Мананников Д.Ю. О проблеме «правового неравенства» в сфере социальной защиты военных пенсионеров, проходивших военную службу в странах Содружества Независимых Государств

В статье рассмотрена проблема «правового неравенства» в сфере социальной защищенности военных пенсионеров, проходивших военную службу в странах Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: военная служба, военный пенсионер, страны Содружества Независимых Государств, социальные гарантии.

On the problem of “legal inequality” in the sphere of social protection of military pensioners who served in the countries of the Commonwealth of Independent States

Manannikov D.Y., candidate of Legal Sciences, psvspo@mail.ru

The article considers the problem of “legal inequality” in the sphere of social security of military pensioners who served in the countries of the Commonwealth of Independent States.

Key words: military service, military pensioner, Countries of the Commonwealth of Independent States, social guarantees.

Воробьев Е.Г. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год о состоянии защиты социально-экономических прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы

Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год раскрыл неудовлетворительное состояние текущей защиты социально-экономических прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы. Основным источником нарушений стало бездействие государства, длительное время уклоняющегося от полноценного исполнения военно-социального законодательства.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Военнослужащие. Граждане, уволенные с военной службы. Социально-экономические права. Нарушения со стороны государства.

Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation in 2016 on the state of protection of socio-economic rights of servicemen and citizens discharged from military service

Vorobyov E.G., the candidate of jurisprudence, the senior lecturer, psvspo@mail.ru

Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation for 2016 revealed the unsatisfactory status of the

current protection of socio-economic rights of servicemen and citizens discharged from military service. The main source of violations was state inaction, for a long time evading the full implementation of the military-social legislation.

Key words: Ombudsman in the Russian Federation. Servicemen. Citizens, dismissed from military service. Socio-economic rights. Violations by the state.

Библиографический список:

1. Воробьев, Е.Г. Монетизация жилищного обеспечения военнослужащих и индексация их денежного довольствия [Текст] / Е.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 3.

2. Корякин, В.М. Что происходит с денежным довольствием военнослужащих? [Текст] / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2016. – № 1.

3. Корякин, В.М. Некоторые проблемы индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий [Текст] / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2017. – № 3.

4. Терехин, А.М. О некоторых правовых аспектах Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» [Текст] / А.М. Терехин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – № 2.

5. Шеенков, А.Г. Уполномоченный по правам человека – защитник военнослужащих и членов их семей [Текст] / А.Г. Шеенков // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 1999. – № 9.

Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Участие прокуратуры и войск национальной гвардии в обеспечении права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений

Статья посвящена вопросам соблюдения основополагающих прав на свободу выражения своего мнения, на свободу мирных собраний и объединений, в условиях необходимости обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Обращается внимание на то обстоятельство, что попытки внешних сил инициировать сценарий по типу «цветной революции» фактически составляют одну из основных внутренних военных опасностей для нашей страны.

Ключевые слова: выражение мнения, проведение собраний, национальная безопасность, экстремизм, терроризм, прокуратура, национальная гвардия.

Part of the Prosecutor’s office and national guard troops, in ensuring the right to freedom of expression and freedom of Assembly and Association

Merkuriev V.V., Doctor of Laws. Sci., Professor, Research Institute of the Academy of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation; Sokolov D.A., Candidate of Laws. Sciences, Research Institute of the Academy of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation, merkuriev_vui@mail.ru

The article is devoted to the observance of the fundamental rights to freedom of expression, freedom of peaceful Assembly and of Association with others, in terms of the need to ensure the national security of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that the attempts of external forces to initiate type scenario of “color revolution” actually constitute one of the main internal military dangers for our country.

Key words: expression, Assembly, national security, extremism, terrorism, Prosecutor’s office, national guard.

Библиографический список:

1. Действующее международное право: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 72-84.

2. Меркурьев В.В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и террориз-

му в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, № 3, 2016. С. 44 - 53.

Борисов С.В. К вопросу о профилактике и предупреждении проявлений экстремизма среди военнослужащих

В статье рассматриваются вопросы профилактики и предупреждения проявлений экстремизма в воинской среде; особое внимание автор обращает на проблематику повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов и органов военного управления по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений экстремистской направленности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: военнослужащие, экстремистская деятельность (экстремизм), экстремистские (террористические) организации, профилактика и предупреждение правонарушений и преступлений экстремистской направленности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

The question of the prevention of extremism among troops
S.V. Borisov, leading researcher of the research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, associate Professor, svbors@yandex.ru

The article discusses the issues of prevention and the prevention of manifestations of extremism in the armed forces; particular attention is drawn to the issues of increase of efficiency of coordination of activities of law enforcement and military administration for the prevention of offenses and crimes of an extremist orientation in the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: soldiers, extremist activity (extremism), extremist (terrorist) organization, prevention of offenses and crimes of an extremist orientation in the Armed Forces of the Russian Federation.

Библиографический список:

1. Алибеков М.Г. Национальная безопасность России и противодействие международному терроризму. Автореферат дисс. канд. полит. наук. М., 2011.

2. Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности. Автореферат дисс. доктора юридических наук. М., 2009.

3. Б.Б. Булатов, М.А. Курбанов. Некоторые проблемы предупреждения экстремистской и террористической деятельности. Электронный ресурс: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/profilaktika-i-protivodeystvie/item/586>.

4. Военная прокуратура добилась в судебном порядке признания материалов экстремистскими. Электронный ресурс: <http://gvp.gov.ru/news/view/611/>.

5. Военная прокуратура мониторит и пресекает экстремизм в армии. Электронный ресурс: <http://pn14.info/?p=83597>.

6. В Южном военном округе состоялся Первый открытый форум военной прокуратуры. Электронный ресурс: <http://gvp.gov.ru/uvo/news/view/>.

7. Кулешов Р.В. Управление оперативно-боевым подразделением как элемент научной организации оперативно-боевого противодействия экстремистской и террористической деятельности. Вестник Уральского юридического института МВД России № 1. 2014.

8. Курганов С.И. Криминология: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2012.

9. Меркурьев В.В. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности. Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53).

10. Молодых В.Г. Актуальные вопросы законности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в армейской среде // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность. Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции. М. 2012.

11. При осуществлении прокурорского надзора особое внимание уделяем вопросам профилактики экстремизма и терроризма. Интервью с заместителем Генерального прокурора Российской Федерации В. Я. Гринем. // Прокурор. 2012. № 3.

12. Позитивный опыт Карачаево-Черкесии в профилактике экстремизма в молодежной среде. Электронный ресурс: <http://arkhyz24.ru/net-terrorizmu/>.

13. Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму. Автореферат дисс. кандидата юридических наук. М., 2011.

14. Трухин А.С., Ковыльченко Д.Г. Координирующая роль прокурора в противодействии незаконной миграции, экстремизму и правонарушениям в сфере федеральной безопасности. Законность. 2014. № 1.

15. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование. Автореферат дисс. доктора юридических наук. М., 2011.

Свининых Е.А. О новом основании закупок услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства у единственного исполнителя

В рамках статьи рассматриваются цели предоставления государственным заказчикам права осуществлять закупки транспортных услуг и связанных с их обеспечением дополнительных услуг в случае необходимости выполнения воинских перевозок без применения конкурентных способов определения исполнителя. Автор анализирует нормативные основания для осуществления закупки этих услуг у единственного исполнителя.

Ключевые слова: государственные закупки; государственный оборонный заказ; конкуренция; закупка у единственного поставщика

On the new legal basis for the defense noncompetitive procurement

Svininyh E.A., candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil law, pvsvo@mail.ru

In this article the author considers the goal of providing government customers the right to purchase transport and some other services associated with a military transportation from a single source. The normative grounds for such purchasing are analyzed.

Key words: government procurement; defense procurement; competition; noncompetitive procurement

Библиографический список:

1. Евтушенко, С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации [Текст] / С.Г. Евтушенко : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 199 с.

2. Зателепин, О.К. Объект преступления против военной службы [Текст] / О.К. Зателепин : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 211 с.

3. Золотарев, В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование) [Текст] / В.А. Золотарев. – М. : Канон-пресс ; Кучково поле, 1998. – 461 с.

4. Корякин, В.М. Военное право : антология диссертаций [Текст] / В.М. Корякин : в 2 ч. Ч. 1. – М. : За права военнослужащих, 2011. – Вып. 124. – 544 с.

5. Кудашкин, А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование [Текст] / А.В. Кудашкин. – М. : изд-во Воен. ун-та, 2001. – 298 с.

6. Свиных, Е.А., Шилов, А.И. О целях исключения конкуренции между участниками закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства [Электронный ресурс] / Е.А. Свиных, А.И. Шилов // Военное право : электрон. науч. изд. – 2016. – Вып. 4. – С. 161–171. – Режим доступа: <http://www.voennopravo.ru/files/VP4.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).

7. Фатеев, К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации [Текст] / К.В. Фатеев : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.

Ермолович Я.Н. Ответственность военнослужащего за утрату имущества

В статье комментируется приговор Московского окружного военного суда в отношении рядового А. Хилько, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ. Автором дается правовая и научная оценка принятого судом решения, выявляются проблемы действующего законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, военнослужащие, военно-уголовное законодательство, военно-уголовное право, утрата военного имущества.

Responsibility of the serviceman for loss of property
Ermolovich Y.N., The PhD in Law, Lecturer of the Military University, pvsvo@mail.ru

The article comments on the verdict of the Moscow District Military Court against the private A. Khilko, who was accused of committing a crime under art. 348 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author gives a legal and scientific assessment of the court's decision, reveals the problems of the current legislation.

Key words: criminal liability, servicemen, military criminal legislation, military criminal law, loss of military property.

Сазонова И.Г. О производстве командиром воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации неотложных следственных действий

В статье анализируются некоторые проблемные вопросы, связанные с производством командиром воинской части Вооруженных Сил Российской Федерации как органом дознания неотложных следственных действий, в частности о невозможности их производства по уголовным делам, по которым предварительное следствие не обязательно, а также обосновывается необходимость разрешения обозначенных проблем на законодательном уровне, в том числе путем расширения границ института неотложных следственных действий.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации, командир воинской части, орган дознания, неотложные следственные действия, предварительное расследование, уголовно-процессуальное законодательство.

Sazonova I.G., Lecturer of the Department of the Criminal Proceeding, Military University of the Russian Federation Ministry of Defense, pvsvo@mail.ru

The article analyzes some problematic issues related to the production by the commander of a military unit of the Armed Forces of the Russian Federation as a body of inquiry of urgent investigative actions, including the impossibility of their production in criminal cases for which a preliminary investigation is not necessary, and also substantiates the need to resolve the designated Problems at the legislative level, including by expanding the boundaries of the institution of urgent investigative actions.

Key words: Armed Forces of the Russian Federation, commander of a military unit, inquiry body, urgent investigative actions, preliminary investigation, criminal procedure legislation.

Библиографический список:

1. Глухов, Е.А. Из пушек по воробьям ... или о необходимости совершенствования уголовно-процессуальной деятельности военных органов дознания и внештатных дознавателей [Электронный ресурс] / Е.А. Глухов // ЭНИ Военное право. – 2017. – № 2 (42). – 142 – 152 с.

2. Ермолович, Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: монография. / Я.Н. Ермолович [Текст] – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 557.

3. Ермолович, Я.Н. Нужна ли нам военная полиция? [Текст] / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2013. – № 2. – С. 109 – 119;

4. Ермолович, Я.Н. Военное право и совершенствование уголовно-процессуального законодательства [Текст] / Я.Н. Ермолович // Военно-юридический журнал. – 2015. – № 5. – С. 11 – 16;

5. Калиновский, К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / К.Б. Калиновский; под ред. А.В. Смирнова. – М.: Проспект, 2009. – 311 с.

6. Сазонова, И.Г. Перспективы разграничения компетенции командира воинской части и начальника органа военной полиции как органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации [Текст] / И.Г. Сазонова // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2015. – № 10. – С. 79 – 83.

Зайков Д.Е. Ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск научных работников: проблемы правоприменительной практики

В статье рассматриваются проблемы правоприменительной практики предоставления имеющим ученую степень научным работникам научных организаций Минобороны России ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска.

Ключевые слова: научные работники, ученая степень, отпуск, научная организация.

Annual main extended paid vacation of scientific workers: problems of law enforcement practice

D.E. Zaikov, Candidate of Legal Sciences, pvsvo@mail.ru

The article deals with the problems of law enforcement practice of granting to the scientific degree of scientific workers of scientific organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: scientific workers, academic degree, vacation, scientific organization.

Библиографический список:

1. Зайков, Д.Е. Научные сотрудники или научные работники: проблема терминологии [Текст] / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. – 2015. – № 6.

2. Колбасов, В.В. Отпуска [Текст] / В.В. Колбасов (4-е изд., перераб. и доп.). – М.: ИД «ГроссМедиа»: РОСБУХ, 2017). – 429 с.

Харабет К.В. Современное состояние и некоторые проблемы военной криминологии

Статья посвящена основным событиям в военной криминологии за последние 20 лет, ее современному состоянию, авторскому видению ее некоторых проблем и размышлений перспектив развития.

Ключевые термины: преступность, девиантность, борьба с преступностью, военная криминология, военная прокуратура, наркотизм, программа по борьбе с преступностью среди военнослужащих.

Current state and some problems of military criminology
Kharabet K.V., Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Department of the Military University, Co-Chairman of the Foundation for Scientific

Research in the Field of Legal Support for Human Security named after Professor A.A. Ter-Akopov, Colonel of Justice retired, harabet@mail.ru

The article is devoted to the main events in military criminology over the past 20 years, its current state, the author's vision of some of its problems and development prospects..

Key terms: crime, deviance, the fight against crime, military criminology, the military prosecutor's office, narcotics, the program to combat crime among servicemen.

Андреев А.В. Некоторые вопросы правового регулирования кадетского образования

В статье рассматриваются проблемы, связанные с регулированием кадетского образования в Российской Федерации. Обоснованы предложения по внесению изменений в нормативные правовые акты, связанные с совершенствованием работы образовательных организаций.

Ключевые слова: кадетское образование, президентское кадетское училище, суворовское военное училище, нахимовское военно-морское училище, кадетский (морской кадетский) военный корпус, кадетский класс.

Some issues of legal regulation of kadet education

Andreev A.V., researcher, center for legal studies, av_andreevpk@mail.ru

The article examines legal problems connected with regulation of kadet education in the Russian Federation. Substantiated proposals for amendments to normative legal acts, related to improving the work of educational institutions.

Key word: kadet education, the presidential kadet school, Suvorov military school, Nakhimov naval school, kadet (sea kadet) military corps, kadet class

Библиографический список.

Ильменейкина Н.С. Правовое регулирование специального образования детей, ориентированных на военную и иную государственную службу // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение.* – 2012. №12. С.69-78.

Овчаров О.А. К проблеме систематизации военно-церковных норм и правового регулирования деятельности военного духовенства

В статье кратко рассмотрены и проанализированы с позиции правовой работы проблемы систематизации военно-церковного законодательства, рассматриваются правовые документы, регламентирующие деятельность военного духовенства как со стороны государства, так и со стороны церкви, предлагаются пути дальнейшего совершенствования правовой работы с учетом имеющегося исторического и зарубежного опыта.

Ключевые слова: правовая работа, военное духовенство, систематизация, конституция, оборона.

To the problem of systematization of military-church norms and legal regulation of military clergy activity

Ovcharov O.A., PhD, lecturer, Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation, pvsvo@mail.ru

Библиографический список:

1. *Лукичев, Б.М.* Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооруженных силах РФ). [Текст] / Б.М.Лукичев. – М.: ФИВ, 2016. – С. 84-85.

2. *Пейкова, З.И.* О православной идентичности российских старшеклассников в конце XX века [Электронный ресурс] – URL: <http://gusk.ru/st.php?idar=6016> (дата обращения: 12.4.2017).

3. *Дубоград, Е.В.* Религиозная ситуация в Вооруженных Силах РФ // *Социологические исследования.* [Текст] / Е.В.Дубоград. – 2010. – № 5. – С. 77.

4. *Лафитский, В.И.* Светское государство и религия / Андриченко Л.В., Боголюбов С.А., Васильев В.И. и др. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография (под ред. Т.Я. Хабриевой). - М.: "Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ", ИД "Юриспруденция", 2013 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «ГАРАНТ-Мастер». - Режим доступа: локальный. - Дата обновления 21.05.2017.

Иванеев С.В. Вектор права как фактор формирования компетентности военнослужащих-мусульман

Автор приходит к выводу, что что религия со времен своего возникновения была и остается самой архаичной формой общественного сознания, отягощенной мистифицированными представлениями о бытии и традиционными нормами морально-мировоззренческих представлений, законсервированными целой системой религиозной догматики. Военному научно-экспертному сообществу сегодня срочно необходимо осознать, что замалчивание факта средневековой анахроничности самого содержания ислама идет вразрез с универсальным законом объективного изменения любого объекта с его внутренними противоречиями.

Ключевые слова: ислам, правовое обучение, правовое воспитание, культ, свобода совести, светскость, религия.

The vector of law as a factor in the formation of the competence of Muslim servicemen

Ivaneev S.V., candidate of legal sciences, associate Professor of constitutional and international law at the University «SYNERGY» (Moscow), sivaneev@yandex.ru

The author comes to the conclusion that that religion since its inception, it has been and remains the most archaic form of social consciousness, burdened by mystified notions of being and traditional standards of moral and ideological views, for-canned the whole system of religious dogma. Military scientific and expert community today urgently need to realize that concealment of the fact of the medieval anachronistic the withholding of Islam is contrary to the universal law of the objective changes of any object with its internal contradictions.

Key words: Islam, legal training, legal education, worship, freedom of conscience, secularism, religion.

Библиографический список:

1. *Петраш Ю.Г.* Ислам. Происхождение, вероучение, современность. Обнинск, 2000 г.

2. *Грязнов Б.С.* Логика. Рациональность. Творчество. М.: Наука, 1982.

3. *Сюкияйнен Л.Р.* Глобализация и исламский мир: оценка современной мусульманской правовой мысли. М.: Изд. Дом Марджани, 2012. – 88 с.

4. *Петраш Ю.Г.* Человек в исламе. Обнинск, 2006.

5. *Бурьянов С.А.* Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование за 2009 – начало 2010 г. М., 2010. 173 с.